

*Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.*
Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

Отдел внешних церковных связей
Московского Патриархата

ISSN: 2221-8181

Редакционная коллегия

Главный редактор: митрополит Волоколамский Иларион,
доктор богословия, доктор философии.

Зам. главного редактора: М. В. Первушин, кандидат
богословия, кандидат филологических наук.

Члены редакционной коллегии:

протоиерей Николай Балашов, доктор богословия;
архимандрит Филарет (Булеков), кандидат богословия;
протоиерей Сергей Звонарев, кандидат богословия;
протоиерей Игорь Якимчук, кандидат богословия;
священник Димитрий Сафонов, кандидат исторических наук;
священник Алексей Дикарев, доктор миссиологии, кандидат
богословия;
священник Димитрий Агеев;
иеромонах Стефан (Игумнов);
диакон Феодор Шульга.

Ответственный секретарь: А. В. Ковальская

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

От редакции.....	7
Поздравления.....	11
<i>Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.</i> Слово в завершение благодарственного молебна.....	16
<i>Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.</i> Слово на торжественном акте.....	21
<i>Митрополит Волоколамский Иларион.</i> Доклад на торжественном акте.....	36

БОГОСЛОВИЕ

<i>В. И. Немыченков.</i> Доктрина страдающего Бога в современном христианском богословии.....	55
<i>Игумен Арсений (Соколов).</i> Притчи о милосердии в 15-й главе Евангелия от Луки.....	83

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

<i>Священник Димитрий Агеев.</i> Предисловие к публикации воспоминаний архиепископа Сергия (Тихомирова).....	95
<i>Сергий (Тихомиров), архиепископ Японский.</i> Освящение Воскресенского кафедрального собора в Токио.....	104
<i>Р. А. Савчук.</i> Педагогическая деятельность равноапостольного Николая Японского.....	169

<i>Протоиерей Алексей Ястребов. Петр Великий и Римская Церковь.....</i>	<i>190</i>
<i>С. Л. Фирсов. Личность и образ святого Патриарха Тихона (Беллавина) в советской печати.....</i>	<i>208</i>
CONTENTS.....	253

**ЮБИЛЕЙ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА**

ОТ РЕДАКЦИИ

19 мая 2016 года состоялось празднование 70-й годовщины Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Началось оно с Божественной литургии в Троицком соборе Данилова ставропигиального мужского монастыря, которую возглавил председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион. После литургии Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом был отслужен благодарственный молебен. Предстоятелю Русской Православной Церкви сослужили: митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, митрополит Волоколамский Иларион, представитель Патриарха Александрийского при Патриархе Московском и всея Руси митрополит Киринский Афанасий, митрополит Феодосийский и Керченский Платон, митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий, председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви митрополит Калужский и Боровский Климент, митрополит Омский и Таврический Владимир, митрополит Истринский Арсений, митрополит Казанский и Татарстанский Феофан, председатель Синодального комитета по взаимодействию с казачеством митрополит Ставропольский и Невинно-

мысский Кирилл, руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям епископ Богородский Антоний. В числе сослуживших также были: заместители председателя ОВЦС протоиерей Николай Балашов и архимандрит Филарет (Булеков), представитель Патриарха Иерусалимского при Патриархе Московском и всея Руси архимандрит Стефан (Диспиракис), представитель Православной Церкви Чешских земель и Словакии при Патриархе Московском и всея Руси архимандрит Серафим (Шемятовский), представитель Православной Церкви в Америке при Патриархе Московском и всея Руси архимандрит Александр (Пихач), а также председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства протоиерей Димитрий Смирнов, председатель Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами протоиерей Сергей Привалов, , сотрудники Отдела внешних церковных связей в священном сане.

В храме присутствовали Чрезвычайный и Полномочный посол Сербии в России Славенко Терзич, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Македонии в Российской Федерации Гоце Караянов, общественные деятели, многочисленные сотрудники Отдела.

Продолжилось празднование юбилея торжественным актом в конференц-зале гостиничного комплекса «Даниловский». В президиуме заседания присутствовали: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион, руководитель Администрации Президента Российской Федерации С.Б. Иванов, первый заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Н.В. Федоров, статс-секретарь, заместитель министра иностранных дел России Г.Б. Карасин, председатель комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций Я.Е. Нилов.

Предстоятели Поместных Православных Церквей направили поздравления по случаю 70-летия Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Среди них: Святейший Патриарх Константинопольский Варфоломей, Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский Феодор, Блаженнейший Патриарх Иерусалимский Феофил, Святейший Патриарх Сербский Ириней, Святейший Патриарх Болгарский Неофит, Архиепископ Афинский и всей Эллады Иероним II, Блаженнейший Митрополит Варшавский и всей Польши Савва, Блаженнейший Митрополит Чешских земель и Словакии Ростислав, Блаженнейший Митрополит всей Америки и Канады Тихон.

Поздравительные послания поступили также от православных иерархов и священнослужителей, среди которых: Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий, Почетный Патриарший экзарх всея Беларуси митрополит Филарет, Председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий, Председатель Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами протоиерей Сергей Привалов, Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Александр (Елисов), Настоятель Подворья Русской Православной Церкви в Белграде протоиерей Виталий Тарасьев и др.

В числе направивших поздравления – представители инославных Церквей, межхристианских организаций и других религиозных сообществ: Верховный Патриарх и Католикос всех армян Гарегин II, Председатель Совета Евангелической церкви в Германии епископ д-р Генрих Бедфорд-Штром, Генеральный секретарь Всемирного совета церквей пастор д-р Олав Фюксе Твейт, Начальствующий епископ Российской церкви христиан веры евангельской Э.А. Грабовенко, Председатель Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох, Поверенный в

делах Апостольской Нунциатуры в Российской Федерации монсеньор Анджей Юзвович, Глава Новонахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви архиепископ Езрас Нерсисян, Председатель Централизованной религиозной организации Духовное управление мусульман Республики Татарстан муфтий К.И. Самигуллин и др.

В адрес Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата направили свои поздравления представители государственной власти, дипломаты и общественные деятели: Президент Российской Федерации В.В. Путин, Председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкин, министр иностранных дел России С.В. Лавров, первый заместитель Председателя Совета Федерации Н.В. Федоров, статс-секретарь, заместитель министра иностранных дел России Г.Б. Карасин, председатель комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций Я.Е. Нилов, председатель комитета Госдумы по образованию В.А. Никонов, мэр города Москвы С.С. Собянин, руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) Л.Н. Глебова, директор Департамента МИД РФ по связям с субъектами федерации, парламентом и общественными объединениями О.В. Васнецов, глава Департамента национальной политики, межрегиональных связей и туризма города Москвы В.В. Черников, Чрезвычайный и Полномочный посол России в Македонии О.Н. Щербак, Чрезвычайный и Полномочный посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации Мехди Санаи, ректор Дипломатической академии МИД РФ Е.П. Бажанов, президент Российской академии художеств З.К. Церетели, исполнительный директор фонда Храма Христа Спасителя С.Т. Семененко, генеральный директор художественно-производственного предприятия «Софрино» Е.А. Пархаев и др.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПО СЛУЧАЮ 70-ЛЕТИЯ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

От Президента России В. В. Путина

Ваше Святейшество! Уважаемые участники торжественного мероприятия!

Приветствую вас по случаю 70-летия учреждения Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата — старейшего синодального учреждения Русской Православной Церкви.

Создание Отдела внешних церковных связей стало значимым событием в истории Русской Православной Церкви, открыло новые возможности для ее плодотворной просветительской, миротворческой, объединительной деятельности. За прошедшие годы при активном содействии Отдела внешних церковных связей была проделана большая работа, направленная на развитие конструктивного диалога и сотрудничества Русской Православной Церкви с Поместными Православными Церквями, с представителями других традиционных религий, с авторитетными международными организациями. Особо

отмечу уникальный вклад ОВЦС в консолидацию, восстановление духовной, национальной и культурной целостности Русского мира. С каждым годом растет количество приходов Русской Православной Церкви за рубежом, во многих странах возрождаются православные святыни, возводятся новые храмы, которые становятся центрами общественной жизни наших соотечественников. На самом высоком уровне организуется паломничество верующих в святыне для христиан места по всему миру. И конечно, глубокого, искреннего признания заслуживают усилия Русской Православной Церкви в деле утверждения идеалов гуманизма, добра и милосердия, защиты традиционных нравственных, моральных ценностей.

Желаю сотрудникам Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата успехов в ответственном служении на благо России и Русской Православной Церкви. А участникам и гостям торжественного мероприятия — всего самого доброго.

От главы Министерства иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова

Ваше Святейшество!

От имени Министерства иностранных дел и от себя лично сердечно поздравляю Вас с юбилеем Отдела внешних церковных связей.

Почти два десятилетия Вы находились во главе этого важнейшего синодального учреждения, укрепляя международный авторитет Русской Православной Церкви. Ваши последовательные усилия, увенчавшиеся воссоединением в 2007 году Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви, внесли крупный вклад в преодоление трагических исторических разломов, укрепление Русского мира.

Неоценима роль, которую Вы выполняете сегодня в интересах поиска ответов на глобальные вызовы, о чем, в частности, свидетельствует Ваша историческая встреча с Папой Римским Франциском, которая стала значимой вехой на пути укрепления межхристианского согласия по фундаментальным вопросам современности.

В Министерстве иностранных дел высоко ценят плодотворное сотрудничество с Русской Православной Церковью, в том числе конструктивное взаимодействие с ОВЦС в рамках соответствующей Рабочей группы. Готовы к наращиванию общих усилий, направленных на утверждение принципов права и справедливости в международных отношениях.

От души желаю Вам, Ваше Святейшество, доброго здоровья, мира и долголетия, новых достижений в служении Церкви и Отечеству.

От Святейшего Патриарха Константинопольского Варфоломея

Блаженнейший и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, о Святом Духе весьма возлюбленный брат и сослужитель нашей Мерности. Ваше почтенное Блаженство братски о Господе лобызая, мы с превеликим удовольствием приветствуем:

Христос Воскресе!

Путь, которым шествует в мире сем Православная Церковь, как это постоянно показывает сама жизнь, поистине является путем крестным и мученическим и одновременно воскресным, а точнее сказать — крестовоскресным. Этим путем до сего дня неуклонно шествовали бесчисленные сонмы святых мучеников, которые всели-

лись в нетленные Небесные обители и на протяжении всех веков являли православным христианам пример для подражания.

А потому и ваша Святейшая Русская Церковь, Блаженнейший собрат, следуя стопами своих бесчисленных мучеников в несчастливую для верующего православного русского народа и весьма опасную, но героическую, незабываемую и мученическую эпоху, семьдесят лет назад учредила свой Отдел внешних церковных связей. На протяжении всего времени своего существования этот Отдел содействовал развитию добрых отношений Святейшей Русской Церкви с другими Православными Церквями, с инославными и различными межхристианскими организациями.

На протяжении прошедшего семидесятилетия наш Вселенский Патриархат в лице своих представителей сотрудничал с вашим Отделом, а потому ему хорошо известен вклад, который вносили его председатели — уважаемые иерархи, такие, как приснопамятные митрополит Крутицкий и Коломенский Николай и духовный отец Вашего Блаженства митрополит Ленинградский Никодим, равно как и ныне живущие и всё еще добрым подвигом подвизающиеся Преосвященные собратья митрополиты Крутицкий и Коломенский Ювеналий и почетный Патриарший экзарх всей Белоруссии митрополит Филарет, а не так давно на протяжении долгого времени Ваше Блаженство. Вы гармонично сотрудничали с представителями Матери-Церкви и, занимая тот пост, в непростые времена сделали многое для благостояния Русской Церкви и сохранения всеправославного единства. Благодаря своему опыту и многочисленным талантам, Вы внесли личный вклад в преодоление возникавших кризисных ситуаций.

Блаженнейший собрат, в преддверии Святого и Великого Собора Православной Церкви мы братски поздравляем Ваше Блаженство от себя лично и от имени Святейшего Апостольского и Патриаршего Вселенского

Престола с тем вкладом, который Вы внесли, находясь во главе Отдела. Мы также помним имена тех, кто в разное время был и является председателем Отдела, как ныне Преосвященный митрополит Волоколамский Иларион, и всех трудящихся в Отделе верующих украшенной кровью мучеников Русской Православной Церкви. Мы поздравляем Вас, Ваше Блаженство, за весь в совокупности вклад, вносимый Отделом на протяжении семидесяти лет его деятельности, молясь Господу о том, чтобы он богоугодно продолжал свое служение.

Засим, вместе с поздравлениями Матери-Церкви и нашей Мерности по случаю семидесятилетнего юбилея Отдела, занимающего особое место в вашей Церкви, мы предвкушаем радость новой скорой встречи с Вашим Блаженством на Крите и, как всегда, доброго сотрудничества с Вами в процессе работы Святого и Великого Собора Православной Церкви. Лобызая Вас святым лобзанием, мы с большой о Господе Воскресшем любовью пребываем.

*Вашего почтенного Блаженства
любящий о Христе собрат
+ВАРФОЛОМЕЙ,
Патриарх Константинопольский*

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

**СЛОВО В ЗАВЕРШЕНИЕ
БЛАГОДАРСТВЕННОГО МОЛЕБНА
в Троицком соборе Московского
Свято-Данилова монастыря, 19 мая 2016 года**

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства!
Дорогие отцы, братья и сестры, высокие гости!

Всех вас сердечно поздравляю со знаменательным событием: мы празднуем 70-летие Отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви. Отдел начал функционировать еще в годы Великой Отечественной войны, не имея в то время такого именованя: в Московской Патриархии по благословению Святейшего Патриарха Сергия была образована небольшая группа людей, которым поручалось взаимодействие с внешним миром.

Одним из ярких событий того времени был визит в Москву в 1943 году второго лица Англиканской Церкви — архиепископа Йоркского Кирилла Гарбета. Этот визит засвидетельствовал, что не только правительство и не только вооруженные силы союзников были объединены общей идеей борьбы со страшным врагом, но и христиане Востока и Запада, Восточной и Западной Европы, России и Великобритании также были вместе в то опасное и тяжелое время.

В 1946 году, уже при Святейшем Патриархе Алексии I, был создан Отдел, который принял на себя множество различных обязательств, в том числе развитие отношений с

Православными Церквями во всем мире. Эти отношения находились в замороженном состоянии, ибо в послереволюционное время не было практически никаких связей с Православными Поместными Церквями. В числе обязанностей новообразованного Отдела была также забота о русских православных людях, находившихся в зарубежье.

Постепенно ОВЦС начал работать и по многим другим направлениям. Целью же этой работы всегда было укрепление позиций Церкви в стране в непростых исторических условиях, когда официальной идеологией государства был атеизм и борьба с религией. И Отдел внешних церковных связей, устанавливая отношения с общественными организациями, с государственными учреждениями, был призван максимально, насколько это было возможно, защищать Церковь. В разные времена это служение осуществлялось различными способами и различными средствами, но всегда главная цель заключалась в том, чтобы положение Церкви в стране было нормализовано, чтобы руки гонителей не слишком сильно ударяли по чадам церковным, чтобы можно было надеяться на будущее, создавая новое поколение иерархов Русской Православной Церкви.

Все эти импульсы исходили, в первую очередь, от Отдела внешних церковных связей и двух выдающихся председателей Отдела — приснопамятного митрополита Крутицкого и Коломенского Николая и приснопамятного митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима. На каждого из этих председателей пала огромная ответственность, и они сталкивались с очень большими трудностями, обусловленными общим сложным положением Церкви в стране.

Я не застал владыку Николая, по крайней мере, не могу лично судить о его деятельности на посту председателя, хотя Господь в детстве сподобил меня встречаться с этим ярким человеком и слышать его проникновенную проповедь, сказанную в Троицком соборе Александро-Невской Лавры в тогдашнем Ленинграде. А вот с владыкой митрополитом Никодимом я был очень близок, был его послуш-

ником, учеником, знал его мысли, его мечты, надежды и знал, сколько сил было положено для того, чтобы защитить Церковь, в то время проходившую через сложные испытания как самого так называемого хрущевского гонения, так и через последствия этого разорения церковной жизни.

Хотел бы особо приветствовать Вас, владыка митрополит Ювеналий. В свое время Вы восприняли на себя ответственность за руководство Отделом. Сожалею, что сегодня среди нас по причине болезни нет владыки митрополита Филарета, который пришел Вам на смену на этом посту. Вы были свидетелями всего того, что происходило тогда в Церкви, в стране на стыке церковно-государственных отношений, сколь сложными обстоятельствами окружалась всякая внешняя деятельность Церкви как за рубежом, так и внутри страны.

Поэтому с особым чувством благодарности мы должны вспомнить имя почившего владыки митрополита Никодима. Один только тот факт, что он умер в 48 лет от седьмого инфаркта, свидетельствует о том, какой же подвижнической была его жизнь. Со стороны это не было заметно, потому что многое, что совершал этот человек, являлось сокрытым не только от широкой, как мы теперь говорим, публики, но порой даже от сотрудников Отдела внешних церковных связей. И только узкий круг людей, которые знали мысли владыки, разделяли его убеждения, трудились вместе с ним, могут свидетельствовать о том великом подвиге, который он совершил.

Каждая эпоха несла с собой новые вызовы, новые трудности, но и определенные радости. Когда в 1988 году произошел исторический перелом и государство осознало, что невозможно продолжать политику сдерживания и притеснения в отношении Церкви, основные торжества, посвященные 1000-летию Крещения Руси, проходили здесь, в Свято-Даниловой обители. И конечно, Отдел внешних церковных связей, также располагающийся в ее стенах, своей деятельностью во многом приблизил тот замечательный миг, когда большинство из нас осознали наступление нового времени в истории Русской Церкви.

Но время было непростое. Девяностые годы — это и смена государственной власти, смена государственного устройства, смена, как говорят, политической, экономической формации общества. В этих суровых, сложных обстоятельствах потребовалось сосредоточить все силы для того, чтобы не просто сохранить, но упрочить положение Церкви как вовне страны, так внутри нашего Отечества, использовать открывающиеся возможности для того, чтобы создать различного рода церковно-общественные организации, содействовать созданию новых синодальных учреждений, начать работать в тех областях церковной жизни, о которых мы и мечтать не могли в предыдущие годы.

Господь судил мне двадцать лет возглавлять Отдел внешних церковных связей как раз в то непростое время. И по опыту могу сказать, насколько это было непросто, с одной стороны, и насколько это было вдохновляюще — с другой, потому что были видны плоды работы всего коллектива Отдела и тех людей, которые помогали нам осуществлять эту важную церковную миссию.

Я хотел бы приветствовать владыку митрополита Илариона, который сменил меня на посту председателя ОВЦС. Сегодня повестка дня Отдела внешних церковных связей является не менее сложной. Хочу выразить Вам, владыка, и всему коллективу Отдела внешних церковных связей благодарность за то, что по милости Божией мы достойно встречаем новые вызовы, с которыми сталкивается наша Церковь.

А вызовы эти очень грозные, они носят глобальный характер. И, может быть, самым трудным, самым сложным и опасным является изменение отношения к вере, к христианству во многих странах Европы и Америки. Мы знаем, что сегодня христиане переживают непростое время: под действием ложных взглядов во многих странах Церковь Христова как бы вытесняется из общественного пространства. И даже люди, к Церкви не принадлежащие, но именующие себя христианами, и те находятся в непростом положении. Многие из них, стремясь удержаться на

плаву, принимают решения под влиянием внешних факторов и давления, которое свидетельствует о появлении новых и опасных заблуждений в христианской среде. И потому нашей Церкви непросто, с одной стороны, пытаться оказывать влияние на эту сложную среду и, с другой стороны, всеми силами защищать Церковь Христову, храня чистоту веры и преданность церковному Преданию.

Пусть Господь помогает всем, кто работает на этом непростом поприще. Сегодня Церковь наша имеет большую поддержку со стороны народа, со стороны общественных организаций. Мы имеем добрый, конструктивный диалог с государственной властью, что, конечно, содействует решению многих вопросов, в том числе и находящихся в повестке дня Отдела внешних церковных связей. Мы благодарим Господа за изменившуюся общественно-политическую ситуацию в стране, за появление новых возможностей, но одновременно проникаемся еще большей ответственностью за результаты наших трудов. Вот почему любую административную, политическую, дипломатическую, культурную и прочую вроде бы светскую деятельность, осуществляемую от имени Церкви, мы должны всегда сопровождать искренней молитвой и поддержкой со стороны епископата и верующего народа.

Пусть именно так осуществляется внешняя деятельность Московского Патриархата в новых условиях XXI века.

Хотел бы еще раз сердечно приветствовать всех участников сегодняшнего замечательного события. Рад видеть архипастырей, которые в разное время занимали ответственные посты заместителя председателя Отдела внешних церковных связей, клириков, с которыми мы (и я лично) были связаны по трудам в Отделе, и всех тех, кто молитвами и сотрудничеством с Церковью содействует успеху общего и великого дела — духовного преображения народа нашего.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

СЛОВО НА ТОРЖЕСТВЕННОМ АКТЕ
19 мая 2016г., Москва

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства!
Уважаемый Сергей Борисович! Дорогие участники тор-
жественного акта!

Хотел бы еще раз сердечно поздравить владыку ми-
трополита Илариона и всех сотрудников Отдела внешних
церковных связей Московского Патриархата с 70-летием
основания этого ведущего учреждения Русской Правос-
славной Церкви.

Священный Синод для расширения и углубления
внешнецерковных связей в апреле 1946 года принял
решение о создании специального отдела, который воз-
главил выдающийся иерарх митрополит Крутицкий и
Коломенский Николай (Ярушевич). Отдел стал одним
из важнейших инструментов организации церковной
жизни и деятельности. Он обеспечивал взаимодействие
нашей Церкви с другими Поместными Православными
Церквами, с инославием, иными религиями, междуна-
родными организациями и обществом в целом настолько,
насколько в тех условиях мог осуществляться какой-то
диалог Церкви и общества. Не преувеличу, если скажу,
что освобождение Церкви из-под давления и репрессий
атеистической государственной машины во многом было

подготовлено жертвенными трудами архипастырей, священнослужителей и высокообразованных мирян, которые преданно трудились в ОВЦС в то время испытаний.

Отдел внес весомый вклад и в процесс возрождения церковной жизни в новейшей истории нашего отечества. Могу свидетельствовать об этом со всей ответственностью, так как мое участие во внешней деятельности Русской Православной Церкви началось около полувека назад — в 1968 году. Позднее я почти двадцать лет возглавлял это ведомство и знаю о его работе не понаслышке.

Сегодня хочу с благодарностью вспомнить всех моих предшественников на посту председателя ОВЦС, с кем мне лично приходилось трудиться: и приснопамятного владыку митрополита Никодима, и владыку Ювеналия, где присутствующего, и владыку Филарета Минского, почетного Патриаршего Экзарха всея Беларуси, который по состоянию здоровья, к сожалению, сегодня не смог быть с нами. Каждый из них в непростое время возглавлял это учреждение Русской Православной Церкви. Труднейшее время политического и государственного перелома пришлось как раз на период моего председательствования.

В настоящее время руководство Отделом успешно осуществляется владыкой митрополитом Волоколамским Иларионом, который вместе со своими соратниками, людьми разных возрастов и дарований, преданно служит Церкви. Сотрудников Отдела отличают знания, навыки, высокая квалификация, богатый опыт, в том числе международной работы, преданность Церкви и готовность всё свое время и силы полагать ради ее блага. Я высоко ценю этот труд и постоянную помощь, которую получаю со стороны руководства и сотрудников Отдела внешних церковных связей в осуществлении Патриаршего служения. Нет такой поездки или встречи по профилю Отдела внешних церковных связей, к которой бы я не получал аналитических материалов, информационных справок, качественно подготовлен-

ных документов из Отдела, ибо именно на нем лежит ответственность за подготовку моих зарубежных визитов, и он всегда успешно с ней справлялся. Надеюсь, что так будет и в будущем.

Общение Церкви с внешним для нее миром — это особая, но неотъемлемая часть православной миссии. Не всегда это служение является прямой проповедью Слова Божия. Однако оно помогает миллионам людей увидеть Православие с разных точек зрения, в том числе и почувствовать его красоту и силу. И достигается это добрым словом, благими делами, участием в людских нуждах, самым жизненным примером, по слову апостола Павла: «Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому» (Кол. 4:5–6). И такой труд, который с успехом реализуется сотрудниками Отдела, призван быть исполнением слов Христа Спасителя: «Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5:15).

Со вниманием и ответственностью я воспринимаю ту критику, которую иногда высказывают в адрес межконфессиональных контактов некоторые наши священнослужители, монашествующие и миряне — не только Русской Православной Церкви, но и других Поместных Православных Церквей. Я всегда считал и продолжаю считать, что их голос должен быть услышан и понят. С теми, кто действительно ищет истину, искренно радеет о чистоте Православия, о благе Церкви, нужно вести открытый и честный диалог. И в центре такого диалога всегда стоял Отдел внешних церковных связей. Его председатель и сотрудники принимают участие во многих церковных конференциях, встречах, стараясь донести до православных христиан подлинный смысл нашего диалога с инославными конфессиями, иными религиями, со светским обществом, разъяснить механизмы и средства, используемые в этой важной сфере церковной работы.

От конструктивной и доброжелательной критики следует отличать те обвинения, которые иной раз бросают в адрес Церкви и Священноначалия лица, зараженные в каком-то смысле сектантским мировоззрением, потому что они призывают Церковь уйти в полную изоляцию, стать частью (секта — это часть). Сектантское мировоззрение — это то мировоззрение, которое предлагает Церкви под разными предложениями стать частью, уйти от мира, уйти от своей самой главной миссии — нести свет людям. И это, в том числе, выражается и в требованиях ограничить связи Церкви с окружающим ее миром в соответствии со вкусами и интересами тех, кто делает такие предложения в адрес Церкви. Церковь не может следовать таким рекомендациям, тем более требованиям, потому что сфера ее проповеди — это весь род человеческий, весь мир, люди разных национальностей, взглядов, политических убеждений.

В нашем сердце должны быть не гордость и фари-сейское осуждение всех, кто чем-то от нас отличается, но искренняя любовь и желание спасения для всех, кто, по воле Божией, окружает нас. Где нет любви, где царит лишь желание словами декларировать свое собственное превосходство, там нет ни правды Божией, ни подлинного радения о Церкви Христовой. Мы не можем отгородиться глухой стеной от тех, ради кого Господь взошел на Крест. А ведь это не только мы с вами: это весь мир, который, по слову евангелиста, Бог так возлюбил, «что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16).

Если Бог возлюбил весь мир, то и мы должны быть открыты ко всему миру, к каждому, кто готов услышать наше слово, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности. Мы должны следовать примеру апостола и для всех стать всем, «чтобы спасти хотя бы некоторых» (1 Кор. 9:22). А это значит — вести диалог: вдумчиво, критически, принципиально, отвечать на самые разные вопросы, не замыкаясь в своей среде, не избирая для себя

легкую участь общения лишь с теми, кто во всем с тобой согласен и уже принадлежит к части спасаемых. А как же еще можно нести апостольское свидетельство всему миру? Никогда наша Церковь от этого служения не откажется: это было бы предательством Христа. Без смиренной и терпеливой готовности к диалогу мы не только не принесем миру свет Христов — мы и единство Православия сохранить не сможем, ибо и во вселенской православной семье далеко не всегда и не во всем царит полнейшее согласие.

На протяжении семидесяти лет Отделу внешних церковных связей поручалось решение множества задач в области развития взаимодействия Русской Церкви с Поместными Православными Церквями и укрепления православного единства. В сложных условиях, в которых находилась наша Церковь в советские годы, председатели ОВЦС и сотрудники Отдела самоотверженно и умело защищали достоинство Русской Церкви, усиливали ее связи со всем православным миром.

знаком нового периода в истории нашей Церкви стало празднование 1000-летия Крещения Руси, которое имело и общеправославное измерение. Я хорошо помню литургию 12 июня 1988 года, которую на соборной площади Данилова монастыря совершали семь Первоиерархов и сонм архипастырей и пастырей из почти всех Поместных Православных Церквей.

Юбилейный год стал временем важных изменений в положении нашей Церкви. Открылись совершенно новые возможности в области осуществления миссии Церкви, ее свидетельства, ее взаимоотношений с обществом и государством. Новые модели церковно-государственных и церковно-общественных отношений выковывались, в том числе, и благодаря самоотверженной работе ОВЦС.

Вскоре последовали перемены, связанные с возникновением независимых государств на территории бывшего Советского Союза, что повлекло за собой не всегда благоприятные изменения в положении Православной

Церкви в некоторых из них. На Отдел была возложена непростая задача отстаивать целостность нашей Церкви.

Важнейшим направлением работы стали действия по защите канонического Православия на Украине. Создание так называемого Киевского патриархата было вызвано исключительно политическими причинами. В выгодных для себя условиях он развился в политическое, националистическое движение, и это очень печально. Но раскол на Украине — явление временное, как временна и политическая конъюнктура, его породившая. А будущее — за Церковью, которая на протяжении тысячелетия несет свое служение, в том числе и на берегах Днепра. Сегодня это Украинская Православная Церковь. Она и сейчас уже достигла небывалого расцвета: тысячи приходов, сотни монастырей, многочисленные учебные заведения — это весомый вклад в созидание духовного наследия и культурных традиций нашей Церкви, равно как и в духовную сокровищницу всего мирового Православия, которое с любовью и принципиально поддерживает каноническую Православную Церковь на Украине — и через соответствующие заявления глав Поместных Православных Церквей, и через совместные заявления. Но также, конечно, и через посещение Украины, через сослужение с нашими иерархами, через оказание гостеприимства, в том числе и литургического, представителям Украинской Церкви, где бы они ни были, в какой бы стране они не находились, где существует Православная Церковь.

Несмотря на все сложности, эти годы ознаменовались небывалым возрождением церковной жизни на постсоветском пространстве, что, безусловно, способствовало росту авторитета нашей Церкви в православном мире, признанию ее заслуг в деле упрочения православного единства. Свидетельством тому стали крупные церковные мероприятия общеправославного масштаба, проводившиеся в Московском Патриархате в последние десятилетия. Это и освящение кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве в 2000 году, и встреча Предстоятелей и представителей

Поместных Православных Церквей в Кремле в 2011 году, и общеправославное празднование 1025-летия Крещения Руси в России, Украине и Белоруссии в 2013 году, и многое другое. Все они проводились при непосредственном участии Отдела внешних церковных связей.

Немаловажной оказалась роль ОВЦС в деле сохранения русского присутствия на Святой Горе Афон, чем Отдел начал заниматься вскоре после своего учреждения. Благодаря предпринятым усилиям и, конечно, мужеству тех духовных воинов Русской Церкви, которые взяли на себя подвиг насельничества на Афоне, сопряженный с восстановлением русских обителей, сегодня мы являемся свидетелями возрождения Пантелеимонова монастыря и активизации русско-афонских связей, имеем возможность достойно встречать 1000-летие первого письменного упоминания о русской обители на Афоне, посещать Святую Гору с паломничествами, поклоняться ее святыням, привозимым в пределы нашей Церкви. 27 мая я надеюсь посетить Афон, пробыть там до 29 мая, торжественно празднуя вместе с насельниками Святой Горы и с многочисленными паломниками и гостями 1000-летие первого письменного упоминания о Русской обители на Афоне.

Важная часть работы Отдела внешних церковных связей — это консолидация русской диаспоры за рубежом. В будущем году исполнится десять лет со дня подписания Акта о каноническом общении, которым было восстановлено единство Русской Православной Церкви Заграницей с Московским Патриархатом. Этот документ подвел символическую черту под историей трагической смуты, разделившей наш народ и нашу Церковь в революционные годы. Переговоры, которые привели к воссоединению, проходили при самом активном участии Отдела внешних церковных связей.

Отдел терпеливо трудится и над преодолением последствий раскола в Русской Церкви XVII века. Важнейшим шагом в этом направлении стало постановление Помест-

ного Собора Русской Православной Церкви 1971 года «Об отмене клятв на старые обряды и придерживающихся их», подготовленное и представленное председателем ОВЦС митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. Это предложение получило поддержку всего Собора, и клятвы, наложенные в свое время на старые обряды, были сняты. Сегодня при Отделе действует Комиссия по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством. Растет уровень взаимопонимания с основными старообрядческими согласиями.

Одним из направлений работы Отдела является сохранение и развитие результатов трудов русских миссионеров по проповеди Православия в Азии. Важными вехами в церковной истории этого региона стали постановления Священноначалия нашей Церкви о даровании автономии Китайской Православной Церкви в 1956 году и Японской Православной Церкви в 1970 году. С посещения Японии в 1968 году началось мое служение в области внешней церковной деятельности. С тех пор я не раз посещал эту страну, будучи председателем ОВЦС, а потом и Патриархом (в 2012 году). Я специально остановился на Китае и Японии, потому что Православие в этих странах является результатом миссии Русской Православной Церкви, которая осуществляется на протяжении не одного столетия.

Особое место в работе ОВЦС давно уже занимает судьба китайского Православия, именно потому, что это результат миссии нашей Церкви, трудов многих и многих поколений русского духовенства. Многолетняя планомерная работа приносит определенные плоды: возрождаются китайские храмы, подготавливается китайское духовенство, совершаются паломничества верующих, создан рабочий механизм взаимодействия с властями по вопросам Православия в Китае. Долгой и основательной была подготовка прошедшего в 2013 году первого в истории визита Предстоятеля Русской Церкви в Китай, не оставшегося без весомых результатов.

Одним из важнейших направлений деятельности Отдела на протяжении более полувека было участие Русской Церкви в подготовке Всеправославного Собора. Делегации Московского Патриархата, возглавлявшиеся во многих случаях председателями ОВЦС, участвовали во всех предсоборных мероприятиях, начиная с Первого Всеправославного совещания на острове Родос в 1961 году. При этом Русская Церковь не была пассивным наблюдателем предсоборного процесса, но с самого начала вносила существенный вклад в подготовку Собора. Так, Московский Патриархат — единственный из Поместных Православных Церквей — в свое время подготовил проекты документов по каждой из тем соборной повестки дня, которых в первоначальном перечне было более ста.

Когда нам говорят, что из-за положения Церкви в Советском Союзе невозможно было раньше провести Собор, это неправда, потому что Церковь, находившаяся в Советском Союзе, единственная из всех Поместных Православных Церквей разработала результативные документы более чем по ста темам, внесенным первоначально в каталог Собора. И потом, когда кто-то из наших зарубежных собратьев, не относящихся к Русской Церкви, поставил вопрос о сокращении тем со ста до десяти, мы, конечно, выразили несогласие. Но это было сделано потому, что ни одна Церковь не разработала ни одного вопроса, а у нас было готовое досье. Поэтому нашей Церковью был сделан особый вклад в изучение вопросов, которые действительно стоят на повестке Вселенского Православия.

Эта работа, беспрецедентная по своему объему, проходила по инициативе и под руководством тогдашнего председателя Отдела митрополита Никодима в рамках специальной комиссии, учрежденной по его предложению Священным Синодом в 1963 году. Я принимал участие в работе этой комиссии в качестве стюарда: подносил бумаги, точил карандаши и слушал дискуссии. Вспоминаю, в какой замечательной творческой атмосфере проходили

эти дискуссии, потому что ничего подобного в нашей Церкви не было с начала XX века, когда Церковь была вовлечена в подготовку собственного Собора 1917–1918 годов, избравшего Патриархом Святейшего Тихона.

Представители Русской Церкви принимали деятельное участие и в последующих заседаниях Межправославных подготовительных комиссий и в работе Всеправославных предсоборных совещаний.

В последние два года основные усилия Поместных Церквей в рамках предсоборного процесса были сосредоточены на редактировании и пересмотре тех проектов соборных документов, которые успели устареть за десятилетия подготовки Собора, затянувшегося не по нашей вине. Русская Православная Церковь, несмотря на имевшие место трудности, сумела добиться внесения многих принципиальных мыслей, идей в соборные документы. А после того как началось недавнее редактирование существующих документов, которые, на наш взгляд, устарели (большая часть из них была подготовлена более десяти лет назад), нам удалось внести в эти документы ряд важных поправок, и мы надеемся, что внесение этих поправок поможет нам более эффективно поработать на Соборе над окончательной редакцией этих документов.

Еще раз хотел бы заострить на этом внимание, потому что сейчас предстоящий Собор и его возможные итоги обсуждаются в нашей Церкви. Нам, может быть, удалось сделать самое главное — переломить совершенно с нашей точки зрения неправильную позицию ряда Православных Церквей, которые настаивали на запрете публикации проектов документов до начала Собора. Мы не могли понять, почему это нужно делать. Каждый документ, который сегодня принимается в Русской Православной Церкви Собором, готовится в Межсоборном присутствии — это большой орган, насчитывающий более ста с лишним членов, в число которых входят и иерархи, и священники, и миряне — мужчины, женщины; это действительно соборный орган. Так

вот, большинство документов, которые наша Церковь сейчас принимает Собором, готовятся Межсоборным присутствием. Потом проекты этих документов публикуются в Интернете, собираются тысячи различного рода поправок, затем они проходят соответствующую редактуру и только после этого представляются на Собор, где тоже, конечно, вносятся поправки. Владая этим инструментарием и работая так со своей собственной паствой, мы не могли понять, почему Всеправославный Собор должен закрыть все проекты документов до начала обсуждения. Нам удалось переломить эту ситуацию, документы были опубликованы, началась дискуссия. Мы очень рады, что она началась. Она помогла и нам отточить какие-то формулировки, сделать их новую редакцию. Очень надеемся, что эта дособорная общественная дискуссия повлечет за собой значительное улучшение проектов документов. Собор будет происходить с 17 по 28 июня на острове Крит.

Развитие отношений с инославными Церквями и исповеданиями всегда составляло важную часть трудов Отдела внешних церковных связей. И я должен со всей определенностью свидетельствовать, что деятельность Отдела в этой области осуществляется в соответствии с определениями Архиерейских Соборов и Священного Синода, а также теми указаниями, которые исходят от Патриарха. Так было при прежних председателях Отдела, так совершается и ныне.

Отдел внешних церковных связей принимает самое деятельное участие в диалоге с остальным христианским миром как в международных межхристианских организациях, так и в рамках Смешанных богословских комиссий и на уровне двусторонних отношений, последовательно отстаивая свою церковную позицию, и, конечно, основы христианской нравственности, что становится очень актуальным в настоящее время.

Оставаясь твердой в своем свидетельстве перед лицом инославного мира, Русская Православная Церковь не останавливается перед увещанием и даже обличением тех

протестантских групп и исповеданий, которые отступили от христианского учения в области нравственности. Эта миссия лежит, конечно, на всех наших представителях, которые вступают в диалог с протестантским миром, но прежде всего на Отделе внешних церковных связей. Мы с удовлетворением отмечаем тот факт, что очень многие христиане на Западе разделяют ту же самую позицию по вопросам, в том числе этическим, связанным с браком, с семьей, которую имеет Русская Православная Церковь. Мы будем продолжать развивать наш диалог, с тем чтобы эта позиция получала всё большую и большую поддержку в мире.

В конце 1980-х и в 1990-е годы происходило возрождение структур Украинской Греко-Католической Церкви. Православно-католические отношения в это время переживали пик напряженности в связи с захватом наших храмов на Украине, а также случаями католического прозелитизма на канонической территории Московского Патриархата. И Отдел внешних церковных связей снова был на первых рубежах защиты интересов нашей Церкви.

Отдел внес свой важный вклад в отношения между Московским Патриархатом и Римско-Католической Церковью, которые приобретают в последние годы положительную динамику. В этих взаимоотношениях сегодня присутствует ясное осознание необходимости объединения усилий православных и католиков для защиты традиционных христианских ценностей и противостояния таким вызовам современности, как либеральная секуляризация, дискриминация христиан, кризис семейных отношений, подрыв основ нравственности в личной и общественной жизни.

В последние годы в связи с трагической ситуацией, в которой оказались христиане в ряде регионов мира, в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке, у Отдела появилось новое и чрезвычайно актуальное направление деятельности. Русская Православная Церковь испытала в XX веке страшные гонения за имя Христово

и не может оставаться равнодушной к преследованиям, мучениям и убийствам людей за принадлежность к христианской вере. По слову апостола Павла, «страдает ли один член, страдают с ним все члены» (1 Кор. 12:26).

Это стало главной побудительной причиной для моей встречи с Папой Римским Франциском 12 февраля 2016 года на Кубе. В подписанном по итогам встречи Совместном заявлении содержится призыв к мировому сообществу сделать всё для прекращения насилия в ближневосточном регионе, чего невозможно добиться без скоординированных действий всех сил, противостоящих экстремизму. Убежден, что, объединяя усилия Востока и Запада в свидетельстве перед теми силами, которые стремятся на Ближнем Востоке и в некоторых других регионах практически уничтожить христианство, мы сможем гораздо эффективнее исполнять свое призвание в мире.

В условиях всё более обостряющейся проблемы экстремизма под религиозными лозунгами углубление взаимодействия между традиционными религиями стало крайне необходимым. Русская Православная Церковь, имея многовековой опыт мирной жизни совместно с общинами других традиционных религий, придает большое значение межрелигиозному диалогу и видит в нем один из путей христианского свидетельства миру.

Начиная с этого года, Отдел внешних церковных связей вновь несет ответственность за развитие и поддержание контактов с общинами традиционных религий России и стран СНГ. Важным инструментом налаживания такого диалога является Межрелигиозный совет России. Это очень серьезная и востребованная работа, направленная на сохранение и укрепление мира в нашем Отечестве.

Традиционно Отдел уделяет немалое внимание взаимодействию с органами государственной власти зарубежных стран, их высокими представителями, а также с дипломатическим корпусом, аккредитованным в Москве.

Важная задача, стоящая перед нами, — духовное окормление чад Русской Православной Церкви, оказавшихся за рубежом. В этом служении необходимо тесное сотрудничество с государственными властями, общественными структурами и организациями соотечественников. Координация совместных церковно-государственных усилий по содействию соотечественникам возложена на Отдел. С удовлетворением хочу отметить, что эта задача успешно выполняется, а сотрудничество Церкви и государственных институтов в данной области находится на высоком уровне.

Отдел внешних церковных связей стоял у истоков важнейшего направления церковной деятельности — информационного. Его Служба коммуникации первой освоила новый — не журнальный — способ подачи официальной информации о жизни Церкви. Девятнадцать лет назад появился первый официальный сайт Русской Православной Церкви, технической и информационной поддержкой которого занималась Служба коммуникации ОВЦС. Это был вообще один из первых религиозных сайтов в мире. Кроме того, в те годы, когда Интернет не получил еще столь широкого распространения, выпускался и печатный дайджест основных публикаций сайта — Информационный бюллетень ОВЦС, преобразованный из созданной в 1963 году митрополитом Никодимом информационной подборки, которая именовалась «Переписка с учреждениями Московской Патриархии за границей».

Начатую Службой коммуникации работу по выпуску информационных сообщений продолжают официальные сайты Русской Православной Церкви и другие многочисленные церковные интернет-ресурсы. Однако у Службы коммуникации сохраняется своя миссия. Именно сайт ОВЦС первым публикует сообщения о зарубежных визитах Патриарха, событиях в жизни Поместных Православных Церквей, важнейших религиозных мероприятиях, проходящих в разных странах, концептуальные документы, касающиеся внешней миссии Церкви и богословских диалогов, заявле-

ния, обращенные к светскому миру, международным организациям. Только на сайте ОВЦС можно прочесть свежие и достоверные материалы о жизни Русской Православной Церкви и ее внешней деятельности на пяти иностранных языках: английском, греческом, итальянском, французском и испанском.

Завершая свое выступление, хотел бы выразить убежденность в том, что в наступающий период своей истории Отдел внешних церковных связей продолжит свою важную работу, в том числе вдохновляясь примером святителя Марка Ефесского, в честь которого недавно по моему благословию учреждена награда Отдела. Этот великий святой XV века, радея о единстве христиан, не уклонился от участия в переговорах с Католической Церковью, много трудов положил на то, чтобы свидетельствовать перед тогдашним ее руководством о православной вере. Когда же увидел, что диалог не приносит ожидаемых плодов, мужественно противостоял большинству и не подписал компромиссный документ, впоследствии отвергнутый и всей православной Полнотой.

Всё, что мы делаем, да будет основано на крепком камне святой веры православной. Святитель Филарет, митрополит Московский, призывал христиан «вспомнить и в дело употребить воспоминание о том, что апостолы и древние отцы Церкви устроили и распространяли Церковь и разрушали взгромождение ересей не силой внешних законов языческого мира, но силой крепкой веры, любви и самопожертвования». Верность заповедям Христовым, твердость в исповедании истинной веры, хранение норм Священного Предания да сопутствуют и в будущем трудам Отдела внешних церковных связей.

Желаю Вам, Ваше Высокопреосвященство, владыка митрополит Иларион, и всем труженикам Отдела помощи Божией в несении нелегкого и ответственного послушания.

Митрополит Волоколамский Иларион

ДОКЛАД НА ТОРЖЕСТВЕННОМ АКТЕ
19 мая 2016г., Москва

Я не могу начать мой доклад, не выразив искренней благодарности Предстоятелю нашей Святой Поместной Церкви Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу за высокую оценку деятельности Отдела внешних церковных связей и за щедрое внимание и награды, которых мы сегодня удостоены.

Кроме того, хотелось бы засвидетельствовать глубокую сыновнюю признательность Святейшему Патриарху Кириллу за практически каждодневное руководство внешней деятельностью нашей Церкви, за мудрые советы и наставления, основанные на глубоком понимании всей сложности взаимоотношений Церкви с окружающим ее миром. Все сотрудники Отдела и я благодарим Бога за возможность быть помощниками Его Святейшества в несении нелегкого Первосвятительского креста. Благодарю членов Священного Синода за постоянное участие в обсуждении важнейших внешнецерковных вопросов, за участие в совместных трудах. Преосвященных архиереев хотел бы поблагодарить за содействие информационно-аналитической работе Отдела, различным его программам и мероприятиям.

Говоря об Отделе, хочется сравнить его с евангельским горчичным зерном (Мф. 3:31–32). Зерно было посажено 4 апреля 1946 года — именно этой датой подписан синодальный указ об учреждении Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. Отдел состоял тогда всего из двух человек — его председателя митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) и помощника председателя Алексея Сергеевича Буевского — и был самой малой структурой Русской Православной Церкви. Но благодаря трудам его председателей и сотрудников «взрос и стал больше всех злаков» (Мк. 4:32).

В день, когда мы празднуем 70-летие Отдела, необходимо воздать должное всем, кто потрудился на благо Русской Церкви в его стенах, и в первую очередь, конечно, выдающимся архипастырям, возглавлявшим Отдел на протяжении его истории: почившим митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю, стоявшему у истоков Отдела; митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Никодиму, который своими титаническими усилиями сумел создать из Отдела один из важнейших институтов Русской Церкви. Благодаря ныне здравствующим митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию, а также почетному Патриаршему экзарху всея Беларуси митрополиту Филарету, труды их предшественников были не только сохранены, но и приумножены сторицей. Каждый из них нес послушание председателя Отдела в нелегкие времена гонений, ограничений церковной жизни, постепенной реабилитации Церкви в обществе и, наконец, беспрецедентного церковного возрождения.

Особое место в истории Отдела занимает 20-летнее служение на посту его председателя нынешнего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В этот период произошли качественные изменения в структуре и деятельности внешнецерковного ведомства. Отдел, продолжая наше сравнение с горчичным зерном, «пустил вет-

ви и стал большим деревом» (Мк. 4:30–32; Лк. 13:18–19). Этими ветвями, отраслями стали новые синодальные учреждения, комиссии и другие церковные организации, которые были созданы на базе наработок Отдела, а также подготовленных в нем кадров. Апостол Павел, особо отмечая различные служения в собрании верующих, пишет, что они только тогда имеют ценность и значение, когда направлены на «созидание Тела Христова» (Еф. 4:12), т.е. Его Церкви. Для Отдела всегда было важно созидать и поддерживать тесную связь со всем организмом Русской Церкви, не замыкаясь в рамках только своего аппарата. И этот принцип работы получил особенное развитие во время председательствования в Отделе Святейшего Патриарха Кирилла.

Сегодня Отдел внешних церковных связей как синодальное учреждение Русской Православной Церкви трудится над теми задачами, которые ставят перед ним Архиерейский Собор, Священный Синод и Святейший Патриарх, а решать их с большей эффективностью дает возможность более определенная по сравнению с предыдущими годами повестка дня.

Хотел бы подчеркнуть: у Отдела внешних церковных связей нет своей повестки дня, которая отличалась бы от повестки дня всей Церкви. Отдел не является каким-то «крылом» внутри Церкви, «клубом по интересам». У Отдела нет иных интересов, кроме интересов всей Церкви. Отдел работает по очень простой схеме: Священноначалие Церкви в лице Святейшего Патриарха и Священного Синода является «заказчиком», мы же — исполнители. Подругому и быть не может, поскольку ОВЦС — служебный орган, полностью подконтрольный Священноначалию. Не проходит ни одного заседания Священного Синода без докладов председателя Отдела, для которого как для Постоянного члена Синода по должности участие в работе высшего органа церковного управления является не только возможностью отчитаться о совершенных поездках

и состоявшихся мероприятиях, поделиться мыслями и получить благословение на дальнейшие труды. Это еще и возможность постоянно сверять курс Отдела с курсом Священноначалия, определяемым соборным разумом Церкви.

Межправославные отношения

Свидетельство Православия в современном мире требует в первую очередь укрепления всеправославного единства и единства нашей Русской Православной Церкви. Несмотря на сложный исторический контекст, в котором живут наши страны и народы, несмотря на многие вызовы единству Православия мы живем и трудимся упованием, что с помощью Божией наша Поместная Церковь, как и всё вселенское Православие, найдут в себе силы к их преодолению. Очень важно, не поддаваясь на искушения, сохранить молитвенное общение и возгревать те проявления доверия и братской любви, которые сегодня реально существуют в семье Поместных Православных Церквей.

Мы исходим из понимания Вселенской Православной Церкви как единого Тела Христова, в котором «страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (1 Кор. 12:26). Мы не можем воспринимать как чужие проблемы те бедствия, которые в условиях гонений на христиан на Ближнем Востоке испытывает Антиохийский Патриархат, или не участвовать в усилиях Сербской Православной Церкви по сохранению православного духовного наследия в Косово.

О тесных связях с братскими Церквями свидетельствуют регулярный обмен высокими церковными делегациями, обмен мнениями по насущным общеправославным проблемам, сотрудничество в сферах богословской науки, духовного образования, паломничества. Одним из ярких событий последнего времени стала канонизация святителя Серафима (Соболева), совершенная в полном единомыслии Русской и Болгарской Православных Церквей.

Особое место в деятельности Отдела занимают отношения с Русским на Афоне Свято-Пантелеимоновым монастырем, другими святогорскими обителями. Русско-афонские связи имеют более чем десятивековую историю и продолжают развиваться в современных условиях, служа как духовному возрастанию чад нашей Церкви, так и сохранению уникального статуса Святой Горы. Последние годы, ознаменованные тесными контактами Русской Церкви с Афоном, выявили его большой миссионерский потенциал для нашего народа. Это хорошо показало принесение почитаемых святогорских святынь: Пояса Пресвятой Богородицы, главы святого великомученика Пантелеимона и других. Такую же миссионерскую цель преследует и широкое празднование 1000-летия присутствия русских монахов на Святой Горе Афон в России и других странах канонической ответственности Московского Патриархата. Наряду с поддержкой Русского афонского монастыря разработан и уже реализуется план мероприятий, направленных на знакомство широкой общественности с историей русско-афонских связей, с феноменом Святой Горы, с ролью монашества в целом. Юбилей русского Афона встречает поддержку со стороны государственных властей России, общественных деятелей и предпринимателей, представителей искусства и СМИ, множества простых людей.

Одним из наиболее важных направлений нашей работы остается поддержка канонического Православия на Украине. Мы прилагаем все усилия для объективного информирования Православных Поместных Церквей, мировых христианских конфессий и всего международного сообщества о насильственных захватах храмов и фактах дискриминации верующих на Украине. Однако при всех наших усилиях главная заслуга в сохранении церковного единства — за православным народом Украины, чья любовь к Церкви, искреннее благочестие и верность каноническому Священноначалию прошли сквозь горнило униатских погромов 1990-х и испытание расколом.

Через месяц на острове Крит должен состояться Святой и Великий Собор Православной Церкви. Его со-зыву предшествовали более пятидесяти лет предсоборного процесса, в котором Русская Православная Церковь принимала самое деятельное участие. Многие из пред-ложений Московского Патриархата, которые на подго-товительных мероприятиях представлял Отдел внешних церковных связей, в основных своих чертах были учтены как в Регламенте работы Всеправославного Собора, так и в проектах соборных документов. Прежде всего для нас было важным не допустить возможности возникновения на Соборе такой ситуации, когда какой-либо Поместной Церкви могло быть навязано решение, которое для нее принципиально неприемлемо. Метод консенсуса, как утвержденный по настоянию Святейшего Патриарха Кирилла способ принятия всех решений на Соборе, такую возможность исключает.

Русская Церковь также полагала важным, чтобы в Регламенте было специально оговорено, что на Соборе не могут быть рассмотрены какие-либо иные темы, кроме уже включенных в соборную повестку дня. Для нас это не формальные пункты Регламента. Они позволяют Рус-ской Православной Церкви участвовать в работе Собора, не опасаясь возникновения непредвиденных ситуаций, не опасаясь, что может быть принято решение, идущее вразрез с канонами и Преданием Церкви.

В то же время процесс подготовки Собора нельзя назвать лишенным недостатков. Дискуссия по проектам соборных документов, которая после их публикации воз-никла в некоторых Поместных Церквях, показала, что некоторые документы нуждаются в усовершенствовании. Полагаю, что подобная доработка документов, которая учитывала бы позицию всех автокефальных Церквей, не-пременно должна быть осуществлена если не в оставшееся до Собора время, то на самом Святом и Великом Соборе Православной Церкви.

С благодарностью Богу должен отметить, что за последние годы предсоборного процесса уровень понимания и поддержки позиций Русской Православной Церкви, предлагаемых ею подходов весьма существенно возрос, что свидетельствует о растущем единомыслии Поместных Православных Церквей, в которое мы усердно стараемся вносить посильный вклад.

Межхристианские отношения

Еще одно важное направление деятельности Отдела — взаимоотношения с инославными сообществами, составляющие ответственность Секретариата по межхристианским отношениям.

Перспективным представляется развитие отношений с Римско-Католической Церковью как на общеправославном, так и на двустороннем уровнях. Официальный диалог, продолжающийся между семьей Поместных Православных Церквей и римо-католиками с 1979 года, рассматривает широкий спектр проблем и в целом ориентирован на длительные богословские консультации. Двустороннее взаимодействие Московского Патриархата с различными институтами Римско-Католической Церкви проходит сегодня в первую очередь в сфере общественной проблематики, в которой наши позиции близки.

Развитие событий в мире в последние годы подтверждает необходимость объединения усилий православных и католиков в противостоянии либеральной секуляризации, кризису семейных ценностей, подрыву норм традиционной морали. Важное место в наших отношениях заняло культурное сотрудничество, осуществляемое в рамках учрежденной в прошлом году соответствующей двусторонней рабочей группы. В условиях продолжающейся борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке, прежде всего в Сирии и Ираке, мы особенно заинтересованы в укреплении взаимодействия в деле защиты христиан от

преследований со стороны экстремистов и оказания населению этого региона гуманитарной помощи.

Эта и другие актуальные темы нашли свое отражение в принятой 12 февраля сего года в Гаване Совместной декларации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска. Подготовка встречи продолжалась без малого двадцать лет, если отсчитывать время с первой попытки организации встречи между Папой Римским и Патриархом Московским в 1997 году. Тогда встреча не состоялась, поскольку не удалось согласовать общую позицию, которая легла бы в основу Совместного заявления. За прошедшие годы уровень взаимопонимания существенно возрос, и текст заявления, подписанного в Гаване, в полной мере его отражает.

Встречу не случайно назвали исторической, эпохальной и прилагали к ней другие соответствующие ее значимости эпитеты. Она действительно состоялась в критический момент новейшей истории, когда над миром нависла угроза новой мировой войны. Удар турецкой авиации по российскому самолету, летевшему над территорией Сирии, мог сыграть ту же роль катализатора военной активности, которую в 1914 году сыграл выстрел террориста в Сараево. Стягивание к границам Сирии сил различных антитеррористических коалиций могло привести к тому, что вместо борьбы с общим врагом эти коалиции вступили бы в столкновение одна с другой, и один Бог знает, чем всё это могло закончиться. В этой ситуации призыв к совместным, координированным действиям, прозвучавший из уст Патриарха и Папы, был как нельзя более своевременным. И он был услышан. Сегодня во всем мире растет сознание того, что победить терроризм можно только общими усилиями.

Мы высоко ценим взвешенную позицию Святого Престола в отношении гражданского противостояния на Украине, обострению которого, к сожалению, по-

прежнему способствует политика руководства Украинской Греко-Католической Церкви. В Совместном заявлении Патриарха и Папы ясно сказано о том, что «метод „униатизма“ прежних веков, предполагающий приведение одной общины в единство с другой путем ее отрыва от своей Церкви, не является путем к восстановлению единства». Об этом говорилось и раньше, в том числе в документе Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу, подписанном в Баламанде в 1993 году. Однако этот документ в свое время не был утвержден Папой Иоанном Павлом II. Теперь же глава Римско-Католической Церкви прямо подтвердил то, что стало очевидным не только для православных, но и для католических участников диалога. Считаю это важным достижением.

В последние годы заметно активизировались контакты с Древними Восточными Церквями. Учреждены механизмы двусторонних диалогов Московского Патриархата с Коптской Церковью, Ассирийской Церковью Востока и Сиро-Яковитской Церковью. Среди тем нашего сотрудничества — студенческий и преподавательский обмен, совместные научно-богословские конференции, обмен опытом в сфере церковного социального служения, а также изучение древней монашеской традиции и ее вклада в развитие богословской мысли как Православных, так и Дохалкидонских Церквей.

Если отношения с Католической Церковью и Древними Восточными Церквями характеризуются положительной динамикой, то этого, к сожалению, нельзя сказать об отношениях с протестантским миром. Продолжают усугубляться противоречия между Православной Церковью и теми протестантскими общинами, которые встали на путь последовательного искажения вероучения в угоду современным стандартам секулярного мира. В то же время Московский Патриархат остается открытым к взаимодействию с представителями консервативных кругов протестантского мира, верными евангельскому

нравственному учению и традициям двустороннего диалога. К числу таких партнеров Русской Православной Церкви относится, в частности, американская Евангелистская ассоциация Билли Грэма, связи с которой сегодня активно развиваются в сферах защиты христиан, образования и благотворительности. Одним из положительных примеров нашего сотрудничества стало оказание гуманитарной помощи беженцам с Украины весной и летом прошлого года.

Межрелигиозные отношения

В настоящее время всё большую значимость приобретает межрелигиозный диалог. Русская Православная Церковь видит в общинах традиционных религий союзников в деле защиты общих для нас нравственных ценностей, семьи, свободы вероисповедания. Выстраивая такой диалог, мы стремимся способствовать углублению взаимопонимания и поддержанию мира в обществе.

На протяжении семи последних лет Отдел внешних церковных связей нес ответственность за межрелигиозные контакты за пределами канонической территории Русской Православной Церкви. Решением Священного Синода от 24 декабря 2015 года Отделу были переданы функции поддержания и развития диалога с традиционными религиозными общинами России и стран СНГ, а также с Межрелигиозным советом России. Для осуществления этой работы по благословению Святейшего Патриарха Кирилла Сектор межрелигиозных контактов Отдела был расширен и преобразован в Секретариат по межрелигиозным отношениям.

Весьма обширна повестка межрелигиозных отношений. Отдел внешних церковных связей развивает взаимодействие с исламским миром. Мы ведем диалог с ведущей международной мусульманской структурой — Организацией исламского сотрудничества, продолжается деятельность совместной комиссии по диалогу

с мусульманской общиной Ирана. В этом году в Москве состоится юбилейное, десятое заседание совместной комиссии, начало работы которой было положено 20 лет назад Святейшим Патриархом Кириллом в бытность его председателем Отдела. Мы поддерживаем контакты с мусульманскими лидерами Сирии, Ирака, Египта и многих других стран мира.

Продолжается православно-иудейский диалог, у истоков которого стояли такие видные деятели Русской Православной Церкви, как приснопамятный протопресвитер Виталий Боровой, 100-летие со дня рождения которого отмечалось в этом году.

Ключевое место в повестке дня наших взаимоотношений с лидерами и общинами нехристианских религий занимает вопрос бедственного положения христиан в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Русская Православная Церковь возвышает свой голос в защиту преследуемых христиан на площадках международных организаций и в ходе крупных форумов, в ходе двусторонних диалогов с религиозными, политическими и общественными лидерами. Во исполнение решений Архиерейского собора, Священного Синода и указаний Святейшего Патриарха Отдел внешних церковных связей с особым вниманием относится к этой проблеме. Руководство и представители Отдела постоянно поднимают вопрос положения наших страждущих братьев и сестер при взаимодействии с государственными структурами России и иностранных государств.

Дальнее зарубежье

Взаимодействуя с высокими представителями иностранных государств, зарубежными дипломатами, официальными лицами и делегациями, посещающими Россию, а также представителями международных организаций, Отдел внешних церковных связей имеет возможность

выразить точку зрения нашей Церкви на происходящие в мире события. Это касается самых разных сфер — общественной и семейной морали, христианских ценностей и символов, места и роли религии в обществе, вопросов войны и мира, а также политических и экономических проблем. В своем свидетельстве мы неизменно опираемся на Священное Писание и Священное Предание — двухтысячелетний опыт Христовой Церкви.

Наше особое беспокойство вызывает тенденция к размыванию основ традиционных семьи и брака. Во многих странах Европы и Америки получили государственное признание однополые союзы, а партнерам в таком сожительстве предоставляются все права, включая право на усыновление детей. Широкое распространение приобрели так называемые парады гордости, организаторы которых пытаются внушить людям взгляд на противоестественные греховные отношения между людьми одного пола как на нечто общеприемлемое. Возрастает число государств, в которых легализуется эвтаназия. В некоторых из них, как, например, в Бельгии, Нидерландах и Люксембурге практикуется детская, а также мобильная эвтаназия.

Нужно сказать, что наш голос часто бывает услышан, потому что имеет нравственное звучание, востребованное в окружающем мире. Свидетельством тому служит интерес, который проявляют к нашей Церкви государственные деятели и иностранные дипломаты в ходе встреч со Священноначалием. Оцениваем такое внимание как признание высокой роли религиозного фактора в международных отношениях.

Святейший Патриарх в своем слове коснулся церковной работы с соотечественниками, в том числе сотрудничества в этой сфере с государством. Отделом накоплен немалый опыт взаимодействия с государственными структурами, на которые возлагаются задачи по консолидации и поддержке соотечественников. Так, мы проводим совместные мероприятия с Департаментом по

работе с соотечественниками Министерства иностранных дел России. Добрая традиция организации круглых столов, посвященных сотрудничеству Русской Православной Церкви и соотечественников, проживающих в различных регионах мира, нашла поддержку у Президента Российской Федерации.

Большая и плодотворная работа ведется Отделом совместно с Фондом «Русский мир». В рамках соглашения о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Фондом, подписанного в 2009 году, ОВЦС проводит консультативное сопровождение поступающих в Фонд грантовых заявок, имеющих церковно-общественное значение.

Одним из новых направлений в деятельности Отдела является участие в диалоге по линии гражданских обществ. Наиболее активное взаимодействие установилось с Форумом «Петербургский диалог». С 2007 года в рамках указанного Форума существует рабочая группа «Церкви в Европе», в которую вошли представители Русской Православной Церкви, Римско-Католической и Евангелической Церквей Германии. Помимо работы на ежегодных Форумах, каждый год попеременно в России и в Германии проходят круглые столы, посвященные церковно-общественной проблематике. Начиная с 2013 года проходят Молодежные богословские встречи, в рамках которых студенты и преподаватели богословских учебных заведений двух стран имеют возможность знакомиться с системой богословского образования в России и Германии.

Установлено взаимодействие и с Российско-итальянским форумом-диалогом по линии гражданских обществ и с форумом «Диалог Россия — Республика Корея».

Одним из востребованных способов церковного свидетельства в обществе является проповедь евангельских идеалов посредством отечественной духовной культуры. Русская Православная Церковь ведет активную деятельность на данном направлении. В сотрудничестве с

Министерством культуры и Министерством иностранных дел Российской Федерации готовятся и реализуются Дни России в зарубежных странах с включением мероприятий духовного характера. В рамках этого проекта уже были проведены конференции и круглые столы, многочисленные выступления хоровых коллективов, документальные и фотовыставки, выставки детского рисунка, посвященные духовной культуре нашего народа.

Информационная поддержка

Служба коммуникации Отдела внешних церковных связей осуществляет подготовку и публикацию официальной информации о встречах Патриарха Московского и всея Руси с представителями Поместных Православных Церквей, инославных общин и межхристианских организаций, а также с лидерами нехристианских религиозных общин. К сфере ответственности этого подразделения относится и информационное обеспечение зарубежных поездок Патриарха, в том числе посещения им других Православных Церквей, а также освещение братских визитов Предстоятелей Поместных Православных Церквей в Московский Патриархат, совершаемых по приглашению Патриарха визитов других религиозных лидеров. На сайте ОВЦС, поддержкой которого занимается Служба коммуникации, размещаются сообщения о деятельности Отдела, других событиях, относящихся к сфере внешних церковных связей, церковные документы, вести от Подворий и приходов за рубежом. В различных церковных и светских средствах массовой информации находит свое отражение деятельность Отдела в области межцерковных отношений, тем христианофобии, гонений на христиан в ряде регионов мира и другой актуальной проблематики. Широкое освещение на нашем сайте получили вопросы подготовки к Всеправославному Собору, празднования в прошлом году 1000-летия преставления святого князя

Владимира и отмечаемого ныне 1000-летия присутствия русского монашества на Святой Горе Афон, а также многие другие общецерковные и межправославные торжества.

В ряде случаев по благословению Священноначалия Служба коммуникации ОВЦС выступает с официальными заявлениями по актуальным темам церковной и общественной жизни.

Отмечу, что официальный сайт ОВЦС существует на шести языках: русском, английском, французском, итальянском, греческом и испанском. У каждого языкового сегмента сайта есть своя группа читателей. Свидетельством внимания к материалам нашего сайта является то, что они регулярно перепечатываются имеющими большую аудиторию иностранными ресурсами, такими, как, например, греческий новостной портал «Ромфея», ватиканский *L'Osservatore Romano*, французский портал *L'Orthodoxie*, англоязычный портал *Orthodox Christian Network* и многие другие.

***

Взаимодействуя ради блага церковного с внешним миром — то есть с людьми других исповеданий и религий, со светским обществом и государственными структурами, Отдел находится на переднем крае церковной миссии, которую сегодня, по моему глубокому убеждению, нужно совершать не только через непосредственную проповедь Слова Божия, но и через пример доброго, искреннего служения благу наших ближних, через заботу о лучшем устройении жизни окружающих нас людей и всего мира. Осуществляя такую миссию, мы стремимся следовать словам святого апостола Павла: «Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем» (1 Фес. 5:14-15).

Мы благодарим Святейшего Патриарха за учреждение ведомственной награды Отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви в честь святителя Марка, митрополита Ефесского, жившего в XV столетии и прославившегося твердым стоянием в вере и защите чистоты Православия. Мы долго размышляли над тем, в честь кого можно было бы учредить эту награду, советовались с Наградной комиссией, и не нашли в истории Церкви другого святого, образ которого более соответствовал бы содержанию трудов Отдела.

Приведу лишь один пример. На протяжении почти уже 20 лет мне приходится участвовать в заседаниях Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу. С 2006 года в рамках этой комиссии обсуждается тема первенства во Вселенской Церкви — та самая тема, по которой между православными и католиками имеются существенные разногласия. При обсуждении этой темы мне нередко приходилось быть единственным критиком позиций, по которым другие участники готовы были прийти к соглашению. Так случилось, например, в Равенне, где 13 октября 2007 года была принята декларация, в которой служение первого епископа во Вселенской Церкви описывалось в неприемлемых для нас терминах. Я был единственным членом комиссии, не подписавшим этот документ. Затем начал готовиться еще один документ, худший прежнего, и опять же поначалу только я выступал против предлагавшихся в нем формулировок. Постепенно, однако, ко мне присоединялось всё большее и большее число участников диалога, и в конце концов проект был отвергнут.

Я далек от того, чтобы сравнивать свои скромные усилия с подвигом святого Марка Ефесского, и привел этот пример лишь для того, чтобы показать, что отстаивание истины Православия в диалоге с инославием требует подчас способности в одиночку плыть против течения. В такие моменты молитва к святителю особенно помогает, в чем я неоднократно убеждался на собственном опыте.

Если же говорить о работе Отдела в целом, то это всегда коллективная работа, и соборный разум нашей Святой Церкви в полной мере отражается в том, как в Отделе обсуждаются и принимаются решения. Внутри своего коллектива председатель Отдела никогда не одинок: он окружен верными соратниками, каждый из которых вносит весомый вклад в общецерковное дело.

Смысл нашего сегодняшнего праздника я вижу прежде всего в том, чтобы воспользоваться этой возможностью для выражения благодарности всем сотрудникам Отдела за самоотверженный труд.

От лица всех, кто сегодня трудится в Отделе, я хотел бы выразить глубочайшую благодарность тем, кто трудился в нем ранее.

Деятельность Отдела всегда опиралась на твердую основу православного вероучения и канонического права. Этим принципам он будет руководствоваться и в дальнейшем. Лишь следуя отеческому преданию, мы сможем исполнить возложенное на нас послушание и послужить благу Матери-Церкви и спасению ее чад, быть верными помощниками Святейшему Патриарху в каждодневных трудах, преумножить лучшие традиции Отдела, сохранить его как интеллектуальный и духовный центр, дать новый импульс для дальнейшего укрепления всеправославного единства, для плодотворного развития различных форм диалога и сотрудничества с иными христианскими конфессиями, сказать веское слово в защиту христиан всего мира.

Пусть же всеисильная помощь Божия молитвами Пресвятой Богородицы и всех святых укрепит нас в несении возложенного на нас Матерью-Церковью послушания.

БОГОСЛОВИЕ

В. И. Немыченков*

ДОКТРИНА СТРАДАЮЩЕГО БОГА В СОВРЕМЕННОМ ХРИСТИАНСКОМ БОГОСЛОВИИ

Страдания, перенесенные человечеством в XX веке, побудили нравственное чувство богословов к мысли, что благой Бог должен страдать вместе со Своим страждущим творением. В результате значительное число современных христианских богословов на Западе отказалось от догмата бесстрастности Божественной природы, поскольку его совмещение с учением о страдающем Боге оказалось для них неразрешимой проблемой. Эти богословские трудности связаны с тем, что в западном богословии Лицо (ипостась) понимается преимущественно как индивидуализированная часть природы. По той же причине к мысли о страдании Божественной природы пришли и некоторые русские религиозные философы.

*Ключевые слова: «теология после Освенцима», доктрина страдающего Бога, *passibilist theologians, impassibilist theologians*, ипостась, сущность, природа, страдание (страсть), А. Пикок, С. Бергман, Ю. Мольтман, М. Саро, Т. Вейненди, Г.У. фон Бальтазар, Н.А. Бердяев, протоиерей Сергей Булгаков.*

---

*Автор — магистр теологии, соискатель ученой степени кандидата богословия Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, главный специалист Международного общественного фонда «Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного».

Актуальность (постановка проблемы)

Ужасы XX века привели некоторых богословов к мысли, что благой Бог не может быть абсолютно бесстрастным существом. «Самодержавный Бог, Который имеет абсолютную власть и Который просто возглавляет этот страдающий мир и Сам не подвержен страданиям, является космическим монстром», — утверждает Р. Бокхэм в статье с характерным заглавием: «Только страдающий Бог может помочь»¹. Поэтому «единственное заслуживающее доверия богословие для Освенцима то, которое делает Бога заключенным в этом лагере», — говорит другой автор². Д. Зёлле (Германия) утверждает, что «истинен только тот Бог, который <...> способен страдать», и размышляет «о страдающем Божестве, в котором и обнаруживается единственно возможный *ответ на вопрос о невинных страданиях*»³.

В силу сказанного значительное число современных богословов на Западе отказались от догмата бесстрастности Божества (так называемые *passibilist theologians*) как в среде протестантских, так и католических ученых. Защитники этого догмата (*impassibilist theologians*) оказались в меньшинстве. Проведенный ими богословский анализ проблемы показывает, что нравственное требование человека к Творцу сострадать Своему страждущему творению в случае его исполнения привело бы к противоположному результату — невозможности для Бога избавить тварь от страданий вследствие необходимого перехода Творца в тварный онтологический порядок и утраты Им Своей трансцендентности.

Таким образом, совмещение догмата бесстрастности Божественной природы с учением о страдающем Боге оказалось трудноразрешимой проблемой, поскольку в западном богословии Лица Троицы понимаются преимущественно как модусы единой природы. Это стало проблемой и для таких русских религиозных философов,

как Н.А. Бердяев и протоиерей Сергей Булгаков. Приводимый ниже обзор дискуссии о «доктрине страдающего Бога» на Западе подтверждает сказанное.

Дискуссия о «доктрине страдающего Бога» на Западе

Считается, что исторически современная «доктрина страдающего Бога» восходит к английскому богословию конца XIX века⁴. В 1917 году Х.М. Релтон предсказал, что она будет играть важную роль в XX веке⁵. Подтверждение вскоре последовало⁶. В XX веке появились исследования Ветхого Завета, посвященные теме страдания Бога, как христианских, так и нехристианских авторов⁷. Рассмотрим особенности подходов к теме «страдающего Бога» протестантских, католических и некоторых русских философов и богословов.

Протестантские богословы

Р. Бокхэм дает очерк «теопасхистского» направления современного богословия⁸, возникновение которого Р. Гетц назвал «теопасхистской революцией» в теологии⁹. «Революция» эта произошла главным образом в современном протестантском богословии¹⁰ и сопряжена с догматическими «новшествами» (отрицание бесстрастности Божественной природы, всеблаженства, самодостаточности, предвидения и т.д.). Так, последователи «богословия процесса» в соответствии с философской позицией своих лидеров А.Н. Уайтхеда (A.N. Whitehead) и Ч. Хартшона (C. Hartshone) считают, что Бог *по Своей природе* не бесстрастен и страдает¹¹.

О Боге, сострадающем Своему творению, пишет ряд англиканских богословов XX века¹². Это учение является официальной доктриной Англиканской Церкви, которая утверждает, что Бог любит как отец, который страдает, не получая сыновнего отклика¹³. Утверждается также из-

меняемость Божественной природы: «Бог благодаря творению в пространстве и времени Вселенной, обладающей некоторой степенью первоначально заложенной свободы, подвергает Себя воздействию со стороны и в этом смысле поддается изменениям»¹⁴.

Поль Фиддз считает, что можно «последовательно говорить о Боге, Который чрезвычайно страдает и при этом остается Богом, о Боге, Который страдает повсеместно и при этом несомненно присутствует особым образом в страданиях Христа»¹⁵.

Англиканский священник, богослов и ученый *Артур Пикок* (Оксфорд) полагает, что участие Творца в процессах, идущих в мире, «следует рассматривать как причину, влекущую за собой страдания с Его стороны»¹⁶. Бог являет Свою любовь к миру только в том случае, если мы признаем, что «Божественная природа может страдать точно также, как и человеческая природа Иисуса...»¹⁷. Святую Троицу Пикок понимает как Монаду (единую Божественную сущность). Для него Бог «в Его собственном внутреннем единстве» «един во всех Своих контактах с миром», а Ипостаси им «понимаются (вслед за К. Бартом) как „формы бытия“ (“*Seinweise*”) личностного Бога». Лица Святой Троицы для него аналогичны трем измерениям объемной фигуры и представляют собой «внутреннее тричное разнообразие единой Божественной Личности»¹⁸.

Из сказанного следует, что, по мысли Пикока, страдают все три Лица Святой Троицы, поскольку страдает Сама Божественная сущность, а Ипостаси фактически сливаются.

Сигурд Бергман в своей обширной докторской монографии дает анализ богословия страдающего Бога у Григория Богослова и ряда теологов XX века¹⁹.

Интерпретация Бергманом учения святителя имеет серьезные противоречия и не соответствует подлинной позиции Григория. Так, он пишет: «Бог, Который по сути Своей не знает страдания, по мнению каппадокийца, при-

нимает полностью человеческую природу и тем самым *соединяет человеческое страдание со Своей сущностью*²⁰.

Попытка объяснить страдание Бога в Сыне приводит автора к нарушению догмата бесстрастности Божественной природы, которую провозглашает святитель: «Христологически, — пишет Бергман, — возможно принятие страдания на Себя, ибо Божество и человечество „сходятся“, проникают друг в друга „перихоретически“ (“perichoretisch”) и „смешиваются“. Бог при этом присутствует в Воплощенном и Его становление в человека охватывает всю <...> природу человека. В страдании земного Иисуса, по мнению Григория, Бог принимает всё страдание тварности...»²¹. Из этого следует, что страдание человеческой природы Христа через «смешение» и «перихорисис» проникает в Божественную природу. Тем самым Бергман прямо противоречит излагаемому им же учению Григория Богослова²².

Столь же неудачны попытки Бергмана объяснить страдания Отца и Святого Духа через «тринитарную общность». Так, он пишет: через восприятие «человеческой природы в Ипостаси Сына, которая едина с двумя другими Ипостасями, *страдание в творении объединяется с Божеством*. Таким образом, Григорий рассматривает страдания Сына как страдания Троиединства, но при этом не обязательно, что Ипостаси Отца и Духа страдают так же, как и Сын». По мнению Бергмана, на Кресте Сыну сострадают Отец и Дух («переживают насильственную смерть Сына»), но при этом «сохраняются специфические страдания Сына в Троиединстве»²³. В чем заключается эта специфичность, не поясняется. «Страдание Троиединства» у Бергмана, вероятно, подразумевает страдание Божественной природы, общей всем Лицам Святой Троицы, потому что ни о каком другом единстве автор не говорит.

Относительно страданий «тварной общности» Бергман полагает, что Бог в Сыне, ставшем Человеком, обретает «условие возможности страдания»; *«Бог страдает так*

же, как и Его создания внутри их единства». В результате, по мнению автора, «бесстрастность греческого Бога» в тринитарной космологии святителя Григория «становится страстным переживанием Бога за спасение всего творения»²⁴.

При этом Бергман упрекает святителя в бездоказательности и отсутствии ясности: «Его формулировка о „страдании Бесстрастного“ не отвечает на вопрос, как же соотносятся нестрадающее и страдающее в Божественном»; «страдает ли Бог так же, как и Сын, физически? Не подвергается ли этика сострадания как этика уподобления Богу опасности стать односторонне христоцентрической, если способность к страданию Отца и Духа останется без теологического освещения? Страдает ли Отец перед воплощением по-другому, чем Дух, Который за Сыном сошествует на творение?» «Почему же нужно обязательно придерживать положения об отсутствии страдания у Бога?» — вопрошает автор²⁵.

Бергман не смог удовлетворительно разрешить антиномию святителя Григория: мы «спасены страданиями Незнающего страданий» (Or. 30.5), а также дать догматическое обоснование страданиям Сына после вознесения Христа²⁶ и других Лиц Святой Троицы²⁷. Для разрешения названной антиномии Бергман не привлекает весь потенциал святоотеческого богословия Восточной Церкви, ограничиваясь современными западными авторами, которые, по его же словам, отвергают святоотеческую богословскую традицию и более склонны к пантеистическому пониманию отношений Бога и тварного космоса.

Наиболее подробно Бергман рассматривает позицию Ю. Мольтмана, у которого тезис о способности Бога к страданию является центральным принципом теологии: «Представление об апатичном Боге он подвергает радикальной критике и выдвигает свой тезис о способности Бога к страданию как о сущностном свойстве»²⁸. Для него «космические страдания этого экологического

конца света становятся „страданиями Христа“²⁹. Бергман суммирует аргументы Мольтмана: «а) поскольку Бог проявляет Себя как страдающий на кресте, то Он *по Своей природе* способен к страданию; б) поскольку *Бог по природе способен к страданию*, то Он познает страдание творения вместо него»³⁰, и упрекает Мольтмана в том, что тот заменяет аксиому бесстрастности Божественной сущности противоположной. Бергман подводит итог: «Невозможно обоснование аксиомы ни отсутствия страдания, ни страдания с помощью нашей патристической интерпретации...»³¹. (Под патристической интерпретацией подразумевается изложение Бергманом взглядов Григория Назианзина.)

Показательна критика Бергманом теорий других современных богословов. Так, по мнению Бергмана, модель онтологической способности Бога сострадать *любому* страданию мира у Дж. Кобба (John V. Cobb Jr.), С. Макфаг (Sallie McFague) и М. Фокса (Matthew Fox) отменяет исключительность исторического страдания Христа³² (а у нас вызывает вопрос, сострадает ли в таком случае Бог грешникам в их греховных страстях?). Макфаг предлагает отнести трансцендентность Бога к области «мифологии нашего собственного контекста в светском виде»³³ и считать мир телом Господа³⁴, тогда страдание мира одновременно будет страданием Бога. При этом «муки частей творения <...> Бог чувствует также телесно». «Имеет ли в виду Макфаг, что Бог страдает „от Самого Себя“?» — спрашивает Бергман³⁵. Фокс уходит от исторического Христа и на основе доказательств из Библии, движения «New Age» и глубинной психологии разрабатывает «живую космологию» с космическим Христом, Который «возглавляет путь к космическому спасению»³⁶.

Резюмируя взгляды названных богословов, а также Д. Сёлле (Dorothee Sölle), У. Духроу (Ulrich Duchrow), Г. Лидке (Gerhard Liedke), Ю. Мольтмана, Х. Линка (Christian Link), Г. Альтнера (Günter Altner), Ч. Сонга (Choan-Seng

Song), Бергман пишет, что в их богословии «отсутствие страданий как важное свойство Бога отклоняется»; в качестве аргументации авторы ссылаются на интерпретации христианской традиции, метафизическое объяснение страдания отвергают, теологическое толкование страдания происходит у них под знаком «теологии после Освенцима». При этом «классическая христология двух природ не представлена ни одним из теологов»³⁷, которые «полагают, что учение о двух природах скорее относится к греческой метафизике, чем к христианскому учению»³⁸. Однако собственная интерпретация Бергманом триадологии и двухприродной христологии для объяснения страдания Бога вызывает серьезные возражения с позиций православной догматики³⁹, что видно и из его изложения учения Григория Богослова.

Из приведенных примеров очевидно, что протестантские богословы (явно или неявно) исходят из понимания Лиц Святой Троицы как модусов Божественной сущности или ее обособленных частей. Поэтому самым простым и единственно возможным решением антиномии «страданий бесстрастного Бога» для них является отказ от догмата бесстрастности Божественной природы с упреком святым отцам в некритичном восприятии греческой философии. Таков, например, вывод Р. Бокхэма⁴⁰. Он также отмечает, что богословы XX века (К. Барт⁴¹, К. Кита-мори⁴², Ю. Мольтман⁴³) преодолели страх традиционного богословия перед древней ересью *патрипассианства*⁴⁴ и наряду со страданиями Сына утверждают также и страдания Отца⁴⁵.

Католические богословы

Наиболее показательной является позиция католического богословия, которое исторически и догматически ближе к православному учению. Среди защитников доктрины страдающего Бога называют таких очень разных католических богословов, как Р. Канталамесса (Raniero

Cantalamessa), Ж. Гало (Jean Galot), Г.У. фон Бальтазар (Hans Urs von Balthasar), Р. Хайт (Roger Haight), Э. Джонсон (Elizabeth Johnson), Г. Кюнг (Hans Küng), М. Саро (Marcel Sarot) и Дж. Собрино (Jon Sobrino)⁴⁶.

Не имея возможности рассмотреть взгляды всех сторонников и противников доктрины страдающего Бога, остановимся на двух представителях этих лагерей: Марселе Саро (Marcel Sarot)⁴⁷ и Томасе Вейнанди (Thomas G. Weinandy)⁴⁸. Их заочная дискуссия состоялась на полях журнала *Ars Disputandi*⁴⁹.

Саро полагает, что изначальная аксиома бесстрастности Божественной природы не подтверждается Священным Писанием, разделяется не всеми святыми отцами и опровергается современными богословами⁵⁰. Способность Бога сострадать человеку и Своему творению сводится у Саро к вопросу (бес)страстности Божественной природы, поэтому Саро опровергает или перетолковывает основные атрибуты Божества, на основании которых традиционное богословие считало Божественную природу бесстрастной: вечность, неизменность, абсолютность (безусловность), всеблаженство, всеведение и т.д. Саро приводит следующие доказательства в пользу страстности Божественной природы: 1) если Бог не имеет опытного знания, Его знание существенно ограничено и не может быть названо всеведением, а опытное знание предполагает опыт страдания и боли; 2) если Бог не в состоянии иметь такие чувства, как симпатия, сочувствие или сострадание, Он не сможет дать нам совершенное утешение; 3) если Бог есть любовь, то Он не бесстрастен; 4) если пострадавший в воплощении Христос является высшим откровением Отца, то Отец также должен быть страстным (*passible*)⁵¹.

Последнее утверждение выглядит странным, поскольку сам Саро согласен с тем, что во Христе страдала не Божественная природа, а Сын, в качестве субъекта воспринимавший страдания Своей человеческой природы. «Если Божественная природа является бесстрастной,

второе Лицо Троицы может страдать по плоти во время воплощения, не теряя Его сущностную бесстрастность. Таким образом, нет никакого противоречия в утверждении, что бесстрастный Божественный Логос воплотился и страдал», — пишет он⁵². Заметим, что данное различие Ипостаси и природы в Божестве скорее исключение, чем правило в богословском методе Сарот.

Очевидно, его не устраивают «страдания Бесстрастного» только в лице Сына Божия и, желая доказать, что вся Святая Троица сострадает миру, он продолжает настаивать на страстности Божественной природы. При этом Саро оговаривает определенные условия: 1) Божественные чувства могут быть под влиянием тварного мира только личным, а не причинным образом. Это означает, что Бог не может быть жертвой эмоции; 2) Бог остается неизменным относительно Своих моральных качеств (не может иметь неблагих эмоций); 3) Его страдания не могут умалить Его всемогущества; 4) ресурсы счастья, доступные Богу, неисчерпаемы, поэтому Его страдания встраиваются в Его счастье, а не наоборот⁵³. При этом Саро вынужден утверждать, что Бог существует во времени, иначе бы Он действительно был бесстрастным⁵⁴.

Следствием страстности Божественной природы у Саро становится признание телесности Бога и фактический пантеизм⁵⁵. Таковы далеко идущие последствия отказа от аксиомы Божественной бесстрастности.

Доводы *Вейненди*⁵⁶ в защиту традиционного понимания Бога как неизменного, трансцендентного, бесстрастного и т.п. основываются на соответствующей интерпретации Ветхого Завета и ссылок на авторитет древних святых отцов. Обращаясь к взглядам Фомы Аквинского, Вейненди пишет, что Бог есть «само бытие», или «чистый акт». Поэтому невозможно такое Его изменение, в результате которого Он станет более совершенным. «Бог бесстрастен, потому что Его любовь совершенна в акте («Бог есть любовь») и никакой самоконституирующий акт не может сделать Его более любящим».

«Лица Троицы бесстрастны по аналогичным причинам, — продолжает Вейненди. — Отец чистый акт отцовства, ибо Он есть акт, посредством которого Он рождает Сына в совершенной любви Святого Духа. Сын есть чистый акт сыновства <...> Дух есть чистый акт любви» Отца и Сына. Если говорить о Божестве в целом, то поскольку «Бог полностью актуализирован в Своей любви и благе, Он не может быть лишен этой любви и блага, которые заставили бы Его страдать, так как претерпевание такой утраты сделало бы Его менее совершенно любящим и благим».

Бог сотворил мир «из ничего» и поэтому Творец и творение существуют в разных онтологических порядках. Грех и зло как причины страдания людей содержатся полностью в тварном онтологическом порядке и не могут перейти в нетварный Божественный порядок. Для того чтобы грех и зло вызывали страдание Бога, Он должен перейти в тот же онтологический порядок. Именно поэтому богословие «страдающего Бога» интенционально отстаивает *пантеистическое* представление о Боге. Однако страдающий Бог, лишаясь некоторого блага, Сам перестает быть совершенным благом, а лишаясь Своей трансцендентности, Бог попадает в злой космический порядок и потому не может помочь страждущей твари. «Таким образом, страдающий Бог не только философски и теологически несостоятелен, но и религиозно разрушителен», — делает вывод Вейненди.

Действительное сострадание Божие содержится в Его совершенно актуализированной любви, но, в отличие от человеческого сострадания, оно лишено страдания, которое сделало бы Его любовь менее совершенно актуализированной. Бог совершенен в Своем сострадании не потому, что Он Сам страдает со страдальцами, а потому, что Его любовь в полной мере и свободно охватывает их. Отсутствие страдания в Боге на самом деле освобождает Бога от любого себялюбия, что делает Его сострадание совершенным.

Антиномию Кирилла Александрийского о Христе: «Бесстрастный страдает», Вейненди объясняет через общение свойств двух природ во Христе⁵⁷. Сын Божий, бесстрастный по Божеству, страдал и умер как человек. Если бы Христос пострадал как Бог, то Он не испытал бы подлинных человеческих страданий. Страдания и смерть воплощенного Сына являются ответом Отца на человеческие страдания. Страдания Христа являются утешением только для христиан как членов его Тела, Главой которого Он является. Причем если отцы Церкви (как пишет сам Вейненди) полагали, что страдания христиан следует относить к их Главе — Христу, то Вейненди делает иной акцент: «В реальности это не Христос участвует в нынешних страданиях христиан, а христиане участвуют в нынешних страданиях Христа и поэтому в своей плоти восполняют „недостаток скорбей Христовых“ (ср. Кол. 1:24). В то время как Христос уже завершил дело спасения, праведные мужи и жены продолжают быть страданием для Христа, который есть Глава тела, и поэтому их страдания — в совершение, или восполнение, нынешних страданий Христа»⁵⁸. Из этого следует, что Вейненди полагает, что Христос и ныне испытывает муки от страданий Своего Тела — Церкви, то есть страданий составляющих ее христиан, к сожалению, не объясняя, как он это понимает.

Заметим, что Саро, который является специалистом в теологической области, относящейся к обсуждению (бес)страстности Бога [(im)passibility of God] и активным сторонником идеи страстности Божества, дает высокую оценку Вейненди, называя его взгляды «лучшим представлением классической ортодоксальной точки зрения „бесстрастников“ (impassibilist point of view) вплоть до настоящего времени»⁵⁹.

Ганс Урс фон Бальтазар (H. Urs von Balthasar) занимает срединную (компромиссную) позицию между Саро и Вейненди. Бальтазар считается приверженцем классической традиции и противником современных

антропоморфных тенденций. Сам он говорит об этом в своей последней книге (1988 г.): «Сегодня повсеместно распространились учения, в которых стирается граница между Богом и человеком. Не имеет значения, каким образом обосновывается такое размывание — атеистическими аргументами или мистико-пантеистическими, с помощью космического христогенезиса (теогенезиса) или же простого антропогенеза <...> Различие между Богом и Его творением отнюдь не размывается, а примиряется во Христе, превечном Дитя Бога Отца»⁶⁰.

Сам Бальтазар часто говорит о страданиях Бога, но всегда подчеркивает их особый характер: «Не может быть никакого *pathos* [страдания, πάθος] в Боге, если под этим понимать некоторое принудительное воздействие извне»⁶¹. Божественная сущность неизменяема, но при этом «неизменный Бог вступает в отношение с тварной реальностью, и это отношение придает новый взгляд на Его внутренние отношения»⁶².

Бог, неизменный по сущности, изменяется в Сыне, Который в страданиях Своей тварной плоти исцеляет человеческую природу и приобретает в дополнение к Божественному всеведению опытное знание по тварному естеству⁶³. Опираясь на Григория Нисского, Бальтазар полагает, что «если Бог хочет спасти [человечество], свободно выбирая страдания, [Он] страдает бесстрастно (*impassibly*); [и] поскольку страдает добровольно, [Он] не ограничен страданием, но превосходит его»⁶⁴. Бальтазар подчеркивает, что Божество во Христе сохраняет Свою абсолютную инаковость миру⁶⁵. В страстях Христа Бальтазар признает, что субъектом страданий человеческой природы является Бог Сын, а Божественная природа не страдает⁶⁶. Впрочем, он может позволить себе без всякой критики и оговорок процитировать ответ Христа Катарине Сиенской (одной из самых почитаемых святых женщин в католицизме, признанной учителем Церкви) о Своих крестных муках, в котором говорится о смешении двух

природ так, что «превечное Божество также впитало в Себя временные страдания»⁶⁷.

По мысли Бальтазара, страсти Отца также необходимы и спасительны, как и страдания Сына⁶⁸. Причем Бальтазар согласен с Оригеном, что страсти Сына и Отца начались еще до воплощения Логоса. Логос «сошел на землю из сострадания к человеческому роду; собственно, Он пережил наши страдания еще до Креста, и еще прежде, чем благоволил принять нашу плоть <...> Это были страдания (страсти, *pathos* [πάθος]) любви. И разве не очевидно, что Сам Отец <...> также страдает? <...> Бог переносит наши беззакония подобно тому, как Сын Божий принимает на Себя нашу боль. Сам Отец <...> претерпевает нечто исходящее от любви...»⁶⁹. По мнению Бальтазара, неверно причислять Оригена к патрипассианам, поскольку он «отрицает плотское толкование *pathos*'а [страдания, πάθος] Бога»⁷⁰. Для него «страдания Христа» суть выражение любви, которая независимо от «человеческого греха, ею на себя принимаемого, не может во всем творении найти лучшего языка для передачи самоё себя, чем страсти. Греческое понятие “*pathos*” [страдание, πάθος] (тщательно отстраняемое философами от Бога) как нельзя лучше подходит для осуществления связи между содержанием и выражением»⁷¹.

Бальтазар также согласен с Оригеном⁷² и Паскалем, что страдания Сына продолжаютя и после вознесения Христа — «до конца мира». Это страдание, которое «причиняют Ему все грешники»; «это и страдание Бога в человеческом облике, которое причиняет Ему Сам Бог»⁷³.

Таким образом, Бальтазар: 1) принимает, что субъектом страданий человеческой природы во Христе является Ипостась Бога Сына и Божественная природа не страдает; 2) некая духовная страсть (*pathos*, πάθος) есть атрибут Божественной сущности, а не только человеческой природы Сына. Поэтому πάθος принадлежит Отцу и Сыну еще до вочеловечения Логоса; 3) Отец, как и Сын, сострадает со-

творенному Им миру; 4) страсти Сына и Отца спасительны для человечества и продолжаются до «конца мира»; 5) в Своем сострадании твари Бог сохраняет Свою абсолютную инаковость миру.

Русские религиозные философы и богословы

Совмещение идеи страдающего Бога и догмата бесстрастности Божественной природы вызывает догматические трудности и у некоторых авторов, которых на Западе считают православными. В числе сторонников «доктрины страдающего Бога» в зарубежных обзорах упоминаются имена Н.А. Бердяева и протоиерея Сергия Булгакова, работавших в эмиграции до середины XX века.

Г.П. Федотов замечает: «Запад, конечно, ошибается, считая Бердяева типичным выразителем русского Православия; Бердяева самого беспокоило это давнее недоразумение»⁷⁴. Действительно Н.А. Бердяев рассуждает как свободный философ, не стремящийся опираться на христианские догматические основы и даже прямо спорящий с ними. В книге «Смысл истории» он восстает против самого принципа неизменяемости Божественной природы и ее бесстрастности⁷⁵. Он пишет: «Судьба Распятого на кресте Сына Божьего <...> есть не что иное, как трагическая страстная мистерия, переживаемая Божеством потому, что она предполагает перенесение принципа движения, внутреннего трагического конфликта на природу Божественной жизни <...> Нельзя утверждать трагической судьбы Божьего Сына, искупительной смерти Его, и вместе с тем не признавать движения в самой Божественной жизни»⁷⁶.

Обоснование своих философских интуиций Бердяев ищет в учении немецкого мистика Якоба Бёме (1575–1624) о «темной природе в Боге», которая есть «Ungrund, безосновность» и к которой неприменимы категории добра и зла, бытия и небытия (потому «темная» не значит «злая»). «Если в Божественной жизни разыгрывается трагедия

страстей <...> в центре которой стоит страдание <...> Сына Божьего, — пишет Бердяев, — то это может быть объяснимо только тем, что есть глубинный источник <...> трагических страстей в недрах самой Божественной жизни»⁷⁷.

Бердяев пишет о страдании Бога и человека и в других своих произведениях⁷⁸. Иногда он прямо солидаризируется с теми, кого он называет сторонниками патрипассианства, считая, что в соединении человеческого и Божественного страдания «преодолевается разорванность и отчужденность человеческого и Божественного»⁷⁹. Резюмируя эту часть философского наследия Бердяева, Г.П. Федотов говорит: «„Духовное солнце не бесстрастно“, — сказал он в одной из последних своих книг <...> Любовь Божия в том, что Он разделяет страдания человека, злоупотребившего своей свободой»⁸⁰.

Относительно богословия *протоиерея Сергия Булгакова* следует подчеркнуть, что ряд его тринитарных, христологических и софиологических заключений был подвергнут критике и отвергнут Священноначалием Православной Церкви⁸¹. Учение Булгакова о страдании Бога привлекло меньше внимания. Суть его можно изложить следующим образом.

В результате вочеловечения Сына Божия во Христе наличествует «единая „сложная“ жизнь (отцы неточно говорят здесь: „сложная ипостась“), — пишет он⁸². Независимое соединение двух природ во Христе подразумевает для него *изменяемость Божественного естества* вследствие общения свойств (*communicatio idiomatum*)⁸³. Во Христе Божественная природа страдает человеческой, ибо в этом состоит перихорисис двух природ, «вытекающий из нераздельности ипостаси и природы»⁸⁴. Допущение же бесстрастности Божественной природы при страдании человеческого естества ведет к недопустимой двойственности жизни во Христе⁸⁵. Кеносис Булгаков относит не к Ипостаси Сына, а к Божественной природе, которая страдает во Христе⁸⁶. При этом Божественное

естество сострадает человеческому «духовным образом» (по аналогии с состраданием человека человеку), а не плотским; добровольно и по любви, а не вынужденно⁸⁷.

После Своего вознесения Христос сострадает земному человечеству, продолжается Его участие в судьбах человечества и мира⁸⁸. «Христос живет в Своем человечестве и страждет с ним его страданиями и от его грехов, вместе с тем пребывая во славе одесную Отца»⁸⁹. Христос страждет вместе с воинствующей Церковью, которая есть Тело Его⁹⁰. «Страдание Христово в Его земном человечестве не окончилось и после вознесения. Притом оно имеет две стороны: во-первых, в Церкви таинственно совершается уже совершившаяся земная жизнь Христова с ее служением пророчески-первосвященническим, и, следовательно, жизнь человечества в Церкви включает и совершившуюся жизнь Христа. Во-вторых, Христос соучаствует в собственной жизни человечества, ему сострадавая, с ним и в нем распинаясь, алчет, жаждет, в темнице, гоним и поносим. То, что Он единожды и на вечные веки пережил и искупил как *грех* человеческий, Он сопереживает как его *страдание*»⁹¹. Дело спасения мира Христом еще не завершено, поэтому «существует еще не пережитое страдание, хотя оно всё уже изжито на кресте, и еще не совершившееся служение, хотя Первосвященник вошел уже с жертвой во Святая Святыя»⁹². Присутствие Божие в мире и неразлучение Христа с земным человечеством есть проявление Божией любви, которая раскрывается как «*со-страдание* Христа человечеству в его человеческой Голгофе. В личной жизни Христовой интегрируется вся человеческая жизнь, и в Его страдании всякое человеческое страдание»⁹³. «Богочеловека сопричастным всей человеческой жизни (разумеется, различно для каждого индивидуального человека)», — делает Булгаков существенную оговорку. Это нужно понимать «в смысле со-страдания с человечеством на крестном пути его к воскресению»⁹⁴.

Бог Отец и Святой Дух, не воплощаясь, сострадают вочеловечившемуся Сыну и «Божественным образом» со-распинаются с Ним⁹⁵: «В человеческом распятии Сына и Божественном со-распятии Отца, со-распинается и сама любовь, ипостасная Любовь Отца и Сына, Дух Св[ятой]»⁹⁶. Булгаков полагает, что «страдание бесстрастного Бога Отца иное, но не меньшее, чем страдание воплотившегося Сына»⁹⁷. Во время распятия Сына Божия на Голгофе «со-страдание и третьей Ипостаси, которое, будучи отличным от страдания Сына, как и Отца, не может быть ему неэквивалентным по силе. Вообще нельзя думать, что во Св[ятой] Троице один только Сын страдает за грех мира при безучастности или внешнем только, не страдающем участии других Ипостасей. Это противоречило бы основному троичному догмату о Боге как триипостасной любви <...> в тройстве Ипостасей имеющей единую жизнь»⁹⁸. «Страдание за мир есть в этом смысле не только кенозис Сына, но и хотя в ином, особенном, смысле — кенозис и других Ипостасей, всей Св[ятой] Троицы»⁹⁹. В своей концепции Булгаков не видит признаков еретического теопасхизма в антитринитарном аспекте отождествления Ипостасей: «В искуплении мы имеем *сложный* образ такого взаимоотношения, при котором Ипостась Сына сама непосредственно соединяется с миром и страдает в нем, другие же Ипостаси, оставаясь чужды этой непосредственной связи, Сыну *духовно* со-страждут, в силу единства любви»¹⁰⁰.

Из сказанного очевидно, что Булгаков, как и большинство сторонников доктрины страдающего Бога, отказывается от догмата неизменяемости и бесстрастности Божественной природы, хотя и оговаривает особый характер ее страстности. Мысль Булгакова о том, что и после Своего вознесения Христос сострадает страждущему земному человечеству, созвучна высказываниям святых отцов Православной Церкви¹⁰¹, но не получила у него непротиворечивого догматического объяснения.

Тезис о сострадании Бога Отца и Святого Духа вочеловечившемуся и страдающему Богу Сыну также не находит у Булгакова догматического объяснения кроме оговорки о не плотском, а некоем «божественном», «духовном» характере такого сострадания.

В заключение этого обзора следует упомянуть работу в защиту бесстрастности Бога *диакона Павла Гаврилюка*¹⁰². Автор убедительно показывает, что в истории Церкви вопрос о страдании и бесстрастности Божества неоднократно становился предметом дискуссий и выделяет основные этапы развития православного учения о страдании Божества: отвержение страстности и необузданности языческих божеств (утверждение апофатического понимания божественных эмоций); утверждение реальности человеческих страданий Христа (против докетизма); учение о страдании Бога Сына в воплощении (теопасхизм), но не Отца (отвержение патрипассианства); учение о том, что Божественность Слова не умалялась страданиями (против арианства); учение о Божественном кенозисе Сына (самоумалении, истощании по Ипостаси) (против несторианства).

Главным достоинством проделанной автором работы является демонстрация ошибочности широко распространенных представлений о влиянии греческой философии на учение ранней Церкви о бесстрастности Бога. Для святых отцов Божественная бесстрастность означает, что христианский Бог есть чистый Дух и потому Он не имеет антропоморфных телесных эмоций, как языческие «боги». Его забота о человечестве не мотивирована корыстными интересами. Господь победил страдания. Поэтому Божественная бесстрастность служит «апофатическим квалификатором», который отделяет «страсти и переживания, не достойные Божественной природы»¹⁰³.

При всем достоинстве данного исследования, за его рамками остались такие вопросы, как отношение Отца и Духа к страданиям Сына в воплощении, отношение Сына

и других Лиц Троицы к страданиям тварного мира после вознесения Христа. Это не умаляет проделанной автором работы, но оставляет место для дальнейших исследований темы (бес)страстности Бога в христианском богословии.

Выводы

Задачи и объем данной статьи не предполагают исчерпывающего анализа и критики всех публикаций по доктрине страдающего Бога, однако сделанный обзор позволяет прийти определенным выводам.

Из проведенного обзора следует, что *сторонники доктрины страдающего Бога* (passibilist theologians): 1) объявляют догмат бесстрастности Божества чуждым Богу Библии, привнесенным в христианское богословие вследствие влияния языческой греческой философии; 2) отрицают или перетолковывают основные свойства Божественной сущности: вечность, неизменяемость, всеблаженство, бестелесность (невещественность), бесстрастность и т.п.; 3) обосновывают отказ от Божественной бесстрастности (divine impassibility) нравственными требованиями солидарности Бога со страждущим человечеством и всем тварным миром; 4) выводят (прямо или косвенно) из страданий человеческой природы Христа страстность (passibility) Божественной сущности (природы); 5) утверждают, что Сын и после вознесения сострадает человечеству и всему тварному миру, а Отец и Святой Дух сострадают Сыну (пусть и не плотским, а неким духовным образом); 6) склонны к телесному и пантеистическому пониманию «страстного Бога», Который в их богословии часто перестает быть невещественным и нетварным Духом классической христианской теологии¹⁰⁴; 7) протестантские авторы не могут без нарушения догмата бесстрастности Божественной природы объяснить восприятие Богом человеческих страданий Сына во Христе, а также страдание других Лиц Святой Троицы; 8) католические авторы, даже

признавая классическую двухприродную христологию, для обоснования сострадания миру всей Святой Троицы также настаивают на страстности Божественной природы; 9) некоторые представители русской религиозной философии, работавшие в эмиграции, в своих трудах также утверждали продолжающиеся страдания Сына после вознесения, сострадание страждущему Сыну и человечеству со стороны Отца и Святого Духа в Своей Божественной природе.

Защитники догмата Божественной бесстрастности (impassibilist theologians): 1) категорически отрицают любую изменяемость, страстность (как аналог человеческой эмоциональности) и телесность Божественного естества; 2) считают, что сострадание Божие миру и человеку есть Его абсолютная, всеовершенство и бесстрастная любовь. Любое иначе понимаемое сострадание Бога твари будет догматически недопустимым лишением или умалением Его любви и блага, которые делали бы Его менее совершенно любящим и благим; 3) утверждают, что грех и зло, вызывающие страдание людей, являются умалением добра, содержатся в тварном онтологическом порядке и потому не сообщимы нетварному онтологическому порядку, где пребывает Бог; 4) такая сообщимость означала бы лишение Бога трансцендентности, умаление Его совершенства через претерпевание страданий, подчинение Его законам тварного мира и невозможность его спасти.

Таким образом, нравственное требование к Творцу сострадать Своему страждущему творению в случае его исполнения привело бы к противоположному результату — невозможности для Бога избавить тварь от страданий. При этом попытка Бальтазара сохранить срединную позицию между двумя непримиримыми богословскими лагерями не выглядит убедительной и до конца логичной. Предложенный им компромисс: Отец и Сын сострадают миру, сохраняя совершенную инаковость твари Своей Божественной сущности, требует признать наличие в последней особой духовной страсти (*pathos*, πάθος). Если считать,

что эта *πάθος* есть совершенная любовь Бога, то происходит переход к позиции «бесстрастников» (Вейненди и др.). Если Божественную *πάθος* понимать антропологически, телесно, то происходит переход на позиции сторонников страдания Божественной природы (Саро и др.). То же можно сказать и относительно позиции Булгакова об особом характере страстности Божественной природы.

Таким образом, необходимо найти принципиально иной подход к решению этой проблемы. По нашему мнению, только православное понимание ипостаси, утверждающее инаковость каждой Божественной Ипостаси по отношению как к единой Божественной природе, так и к другим Ипостасям, а также инаковость Ипостаси Сына по отношению к Его страдающей человеческой природе во Христе, позволяет решить указанную проблему. Детальное догматическое изложение этого подхода — тема нашей следующей статьи.

Примечания

¹ *Bauckham R.* «Only the Suffering God Can help»: divine passibility in modern theology // *Themelios*. 9.3 (April 1984). P. 6–12. P. 12.

² *Surin K.* The Impassibility of God and the Problem of Evil. *SJT* 35 (1982). P. 105.

³ *Solle D.* «God's Pain and Our Pain» in *Judaism // Christianity and Liberation* / Ed. by Otto Maduro, Orbis, 1991. P. 112–114. Курсив наш. — В.И.

⁴ *Bushnell H.* The Vicarious Sacrifice. L., 1866; *Fairbairn A.M.* The Place of Christ in Modern Theology. N. Y., 1893.

⁵ *Relton H.M.* Studies in Christian Doctrine. L.: Macmillan, 1960. P. 79. (Гл. 2 этой книги впервые была опубликована в «Church Quarterly Review» в 1917 г.)

⁶ *Brasnett B.R.* The Suffering of the Impassible God. L., 1928.

⁷ *Wheeler Robinson.* The Cross in the Old Testament. L.: SCM Press, 1955; *Terence E. Fretheim.* The Suffering of God: An Old Testament Perspective. Philadelphia: Fortress Press, 1984. О «Божественной

страсти» пишет еврейский ученый Авраам Хешель (*Heschel A.* *The Prophets.* San Francisco: Harper & Row, 1965).

⁸ *Bauckham R.* «Only the Suffering God Can help»...

⁹ *Goetz R.* *The Suffering God: The Rise of a New Orthodoxy // Christian Century.* 103 (April 16). 1986. P. 385–389.

¹⁰ *D. Bonhoeffer, E. Brunner, K. Barth, J. Moltmann, W. Pannenberg, Miguel de Unamuno, Kazoh Kitamori, R. Jenson, E. Jüngel, J.Y. Lee, R. Swinburne, A. Torrance, T. Torrance, K. Ward, N. Wolterstorff. J. Cone и др.*

¹¹ Напр., см.: *Griffin D.* *A Process Christology.* Philadelphia, 1973; *Pittenger N.* *God in Process.* L., 1967.

¹² *Vanstone W.H.* *Love's Endeavor, Love's Expense.* L.: Dartmon, Longman and Todd, 1977. P. 63, 64; *Ward K.* *Rational Theology and the Creativity of God.* Oxford: Basil Blackwell, 1982; см. также: *Idem.* *God, Chance, and Necessity.* Oxford: One World Publications, 1996; *Macquarrie J.* *In Search of Deity: An Essay in Dialectical Theism.* L.: SCM Press, 1984; *Fiddes P.S.* *The Creative Suffering of God.* Oxford: Clarendon Press, 1988. P. 157; *Braybrooke M.* *The Resurrection in Christian-Jewish Dialogue // Common Ground.* 1991. No 1. P. 28; *Harries R.* *Theodicy Will not Go Away // Dialogue With a Difference.* L.: SCM Press, 1992. P. 106–107.

¹³ *Doctrine Commission of the General Synod of the Church of England, We Believe in God.* L.: Church Publishing House, 1987. Chap. 9. P. 159–160.

¹⁴ *Ibid.* P.160.

¹⁵ *Fiddles, Paul.* *The Creative Suffering of God.* Oxford: Clarendon Press, 1988. P. 3.

¹⁶ *Пикок, Артур.* *Богословие в век науки: Модели бытия и становления в богословии и науке.* М.: ББИ св. ап. Андрея, 2004. С. 144. (В оригинале: *Peacocke, Arthur.* *Theology for a Scientific Age: Being and Becoming — Natural, Divine, and Humane.* 1993).

¹⁷ *Там же.* С. 389.

¹⁸ *Там же.* С. 407.

¹⁹ *Бергман, Сигурд.* *Дух, освобождающий природу: Тринитарная космология Григория Назианзина в свете экологической теологии освобождения / Пер. с нем.* Архангельск, 1999. С. 538. См.: с. 183–201, 277–292, 333–334. В оригинале: *Bergmann, Sigurd.* *Geist, der Natur befreit: Die trinitarische Kosmologie Gregors von*

Nazianz im Horizont einer ökologischen Theologie der Befreiung, (i rysk översättning). 1999. Автор: *Sigurd Bergmann*, Norwegian University of Science and Technology, Trondheim.

²⁰ Там же. С. 187. Курсив наш. — В.Н.

²¹ Там же. С. 286.

²² «Во Христе тесно переплелись Божественная и человеческая природа, но каждая из этих природ сохраняет свою абсолютную идентичность. Смешение апатии и патии для Григория невысказано» (*Бергман С. Указ. соч. С. 189*). «Боль Бога Сына остается абсолютно человеческой болью. Это, конечно, приводит к тому, что Григорий должен понимать Божественную природу впредь как неспособную страдать <...> В теологии Григория Бог страдает по-человечески, ибо Он объединил во Христе Божественное и человеческое» (Там же. С. 199).

²³ *Бергман С. Указ. соч. С. 199–200*.

²⁴ Там же. С. 200–201. Курсив наш — В.Н.

²⁵ Там же. С. 292.

²⁶ «Опыт страдания Сына продолжается в Боге <...> Бог страдает и дальше, так как Христос вносит Свое окровавленное тело в Троицу <...> Чтобы уметь постигать спасительную власть триединства до наших дней и в будущем, Бог остается в представлении Григория страдающим». При этом у Григория «Бог остается Тем, Кто не может ощущать плотские страдания. Божественная природа не знает страдания» (*Бергман С. Указ. соч. С. 188*).

²⁷ По мнению Бергмана, «Григорий тринитарно указывает на раны Сына у Отца и на вхождение Духа, Сына и Отца в творение, страдающее от родовых схваток» (*Бергман С. Указ. соч. С. 290*).

²⁸ Там же. С. 279.

²⁹ *Moltmann Jürgen. Der Weg Jesu Christi: Christologie in messianischen Dimensionen. München, 1989. P. 181. Цит. по: Бергман С. Указ.соч. С. 280.*

³⁰ *Бергман С. Указ. соч. С. 288.*

³¹ Там же. С. 289. Курсив наш. — В.Н.

³² Там же. С. 286–287.

³³ *McFague Sallie. Models of God: Theology for an Ecological, Nuclear Age. Philadelphia, 1987. P. 186.*

³⁴ *Idem. P. 69–78; также см.: McFague Sallie. The Body of God: An Ecological Theology. London, 1993.*

³⁵ *McFague Sallie. Models of God...* P. 75. Цит. по: *Бергман С.* Указ. соч. С. 281–282.

³⁶ *Бергман С.* Указ. соч. С. 283.

³⁷ Там же. С. 284.

³⁸ Там же. Примеч. 393. С. 468.

³⁹ Например, Бергман пишет, что Бог во Христе принимает человеческую природу и «соединяет человеческое страдание со Своей сущностью» (Там же. С. 187).

⁴⁰ *Bauckham R.* Op. cit. P. 12.

⁴¹ *Barth K. Church Dogmatics IV/2.* — Edinburgh, 1957. P. 357.

⁴² *Kitamori. Kazoh. Theology of the Pain of God.* London: SCM Press, 1966. P. 115.

⁴³ *Moltmann J. The Crucified God.* London: SCM Press, 1974. P. 242–243.

⁴⁴ *Патрипассианство* — учение о страдании Отца в Лице Иисуса Христа, модалистическое направление монархианства. Согласно учению Праксея и Ноэты, Бог Отец и Бог Сын различны только *secundum modum*. Иисус Христос — это Бог Отец, который в воплощении выступает в модусе Сына и в этом модусе пострадал (*Pater passus est*: отсюда название данной фракции модалистов — патрипассиане). Тертуллиан, опровергший это учение в своем сочинении «*Adversus Praxeum*», назвал его патрипассианством (*patripassionismus*).

⁴⁵ *Bauckham R.* Op. cit. P. 11.

⁴⁶ *Cantalamesa R. The Power of the Cross.* L., 1966; *Balthasar H. Urs von. Theo-Drama IV: The Action.* San Francisco, 1994; *Küng H. The Incarnation of God.* N. Y., 1987; *Sobrino J. Christology at the Cross Roads.* L., 1978; *Galot J. Dieu souffre-t-il?* Paris: P. Lethielleux, 1976.

⁴⁷ *Sarot M. God, Passibility and Corporeality.* Kampen: Kok Pharos, 1992; *Idem. Patripassianism, Theopaschitism, and Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. Religious Studies.* 1990. No. 26, p. 363–375; *Idem. Auschwitz, morality and the suffering of God. Modern Theology.* 1991. No. 7, p. 135–152; *Idem. Beyond kenoticism: Why the suffering God had to become man. Nederduitse Gereformeerde Theologiese Tydskrif.* 2012. Vol. 53, Supplementum 3. P. 100–112.

⁴⁸ *Weinandy Th. G. Does God Change? The Word's Becoming in the Incarnation,* 1985; *Он же. Does God Suffer?* Edinburgh: T&T

Clark, 2000; *Idem*. Does God Suffer? // First Things. 2001, No. 117, November. P. 35–41.

⁴⁹ *Sarot M.* Does God Suffer? A Critical Discussion of Thomas G. Weinandy's Does God Suffer? // *Ars Disputandi*. 2001. Vol. 1 (The Online Journal for Philosophy of Religion) (<http://www.arsdisputandi.org/index.html?http://www.arsdisputandi.org/publish/articles/000018/index.html>); *Weinandy Th.* Does God Suffer? // *Ars Disputandi*. 2002. Vol. 2.

⁵⁰ *Sarot M.* Does God Suffer?..

⁵¹ *Sarot M.* God, Passibility and Corporeality. Ch. 2 и 3.

⁵² *Ibid.* Ch. 3. P. 90–94.

⁵³ *Sarot M.* God, Passibility and Corporeality. Указ. соч. Ch. 3. P. 67.

⁵⁴ *Ibid.* P. 56–57.

⁵⁵ *Ibid.* Ch. 4–7.

⁵⁶ Позиция Т. Вейнанди излагается в основном по его упомянутым статьям.

⁵⁷ *Weinandy Th.* Does God Suffer? Edinburgh: T&T Clark, 2000. P. 199–200.

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ *Sarot M.* Does God Suffer? См. Вступление.

⁶⁰ *Бальтазар Г.У.* «Ты имеешь глаголы вечной жизни»: Размышления над Священным Писанием / Пер. с нем. Е.М. Верещагина. М.: Мысль, 1992. С.186.

⁶¹ *Balthasar, Hans Urs von.* The Last Act. Ignatius Press, 1998. P. 222.

⁶² *Balthasar, Hans Urs von.* Theo-Drama: Theological Dramatic Theory: The Dramatis Personae: The Person in Christ. Vol. 3. Ignatius Press, 1993. P. 523.

⁶³ *Бальтазар Г.У.* «Ты имеешь глаголы...». С. 113.

⁶⁴ *Balthasar, Hans Urs von.* The Last Act. Ignatius Press, 1998. P. 219.

⁶⁵ *Бальтазар Г.У.* «Ты имеешь глаголы...». С. 187.

⁶⁶ *Бальтазар Х.У. фон.* Целое во фрагменте: Некоторые аспекты теологии истории. М.: Истина и жизнь, 2001. (В оригинале: *Balhtasar, Hans Urs von.* Das Ganze im Fragment: Aspekte der Geschichtstheologie. Freiburg: Johannes Verlag Einsiedeln, 1990). С. 304.

⁶⁷ *Бальтазар Г.У.* «Ты имеешь глаголы...». С. 56. Курсив наш. — В.Н.

⁶⁸ *Там же.*

⁶⁹ Ezech. h.6, 6 Baehr. VIII, 384–385. Ср. аналогичные мысли у Григория Назианзина в стихотворении о человеческой природе 121 и сл. (PG 37, 765). — Прим. Г.У.Бальтазара, входящее в цитируемый фрагмент. Цит. по: Бальтазар Х.У. Целое во фрагменте. С. 306–307.

⁷⁰ Peri Archon II,4,4 Preuschen V.131, с. 25 и сл. — Примеч. Г.У.Бальтазара, входящее в цитируемый фрагмент.

⁷¹ Бальтазар Х.У. Целое во фрагменте. С. 307.

⁷² Бальтазар Х.У. Целое во фрагменте. С. 304–308.

⁷³ Бальтазар Х.У. Паскаль // Логос. 1992. № 47. С. 15–1 по 81–67. С. 59–45, 60–46.

⁷⁴ Федотов Г.П. Бердяев-мыслитель // Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. С. 395–408. С. 395. Впервые опубликовано: Новый журнал. 1948. № 19. Курсив наш — В.Н.

⁷⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Paris: YMCA-PRESS, 1969. С. 269. См.: с. 57–69 и др.

⁷⁶ Там же. С. 60.

⁷⁷ Там же. С. 68–69.

⁷⁸ Напр. см.: Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. Париж: YMCA-Press, б.г. [1937]. С. 175. (Глава V. Зло и страдание как проблемы духа).

⁷⁹ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого (Глава 5. Страдание) // Он же. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 290.

⁸⁰ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 395–396.

⁸¹ См.: Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей от 17/30 октября 1935 года «О новом учении протоиерея Сергия Булгакова о Софии Премудрости Божией»; Указы Московской Патриархии Преосв. митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию № 1651 от 7 сент. 1935 г. и № 2267 от 27 дек. 1935 г. (с осуждением софиологии и христологии прот. С. Булгакова). См. также: Лосский В.Н. Спор о Софии. «Докладная записка» прот. С. Булгакова и смысл Указа Московской Патриархии // Лосский В.Н. Боговидение. М.: АСТ, 2003. С. 11–108.

⁸² Булгаков С., прот. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. I. Париж: YMCA Press, 1933. С. 286.

⁸³ Там же. С. 286.

⁸⁴ Там же. С. 287–289.

⁸⁵ Там же. С. 288.

⁸⁶ Там же. С. 287, 289.

⁸⁷ Там же. С. 289–290.

⁸⁸ Булгаков С. Агнец Божий. С. 378, 436–438; Булгаков С. Святой Грааль // Путь. 1930. №32. С. 3–42. С. 33–37.

⁸⁹ Булгаков С. Агнец Божий. С. 378.

⁹⁰ Там же. С. 436–437.

⁹¹ Там же. С. 437. Здесь и в др. цитатах разрядка С. Булгакова.

⁹² Там же. С. 438.

⁹³ Булгаков С. Святой Грааль. С. 34.

⁹⁴ Там же. С. 36–37.

⁹⁵ Булгаков С. Агнец Божий. 399–401.

⁹⁶ Там же. С. 383.

⁹⁷ Там же. С. 399.

⁹⁸ Там же. С. 400.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 401.

¹⁰¹ Подборку святоотеческих высказываний см.: Немыченков В.И. Жертвенное служение Христа после Вознесения // Богословский сборник ПСТБИ. М.: ПСТБИ, 2005. №13. С. 30–54.

¹⁰² *Gavrilyuk, Paul L.* The suffering of the impassible God. The dialectics of patristic thought. Oxford: Oxford University Press, 2004. П. Гаврилюк преподает в Университете св. Фомы Аквинского (штат Миннесота, США).

¹⁰³ *Ibid.* P. 16.

¹⁰⁴ Напр., см.: Макарий, архиеп. Православно-догматическое богословие. СПб., 1868. Т.1. С. 95–150. «Бог есть чистейший Дух, не соединенный ни с каким телом <...> природа Его совершенно невещественна» (Там же. С. 96).

Игумен Арсений (Соколов)*

ПРИТЧИ О МИЛОСЕРДИИ В 15-Й ГЛАВЕ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ**

Милости хочу, а не жертвы.

Осия 6:6.

Пожалуй, самое захватывающее и потрясающее в третьем Евангелии — это притчи, а именно те, которые встречаются только у Луки. Эти притчи, которым нет параллелей в других Евангелиях, объединяет одна общая тема — тема милосердия Божия. С удивительной пластичностью в этих притчах изображается сострадание Бога к человеку в его падшем, бедственном состоянии.

Данте назвал евангелиста Луку «*scriba mansuetudinis Christi*» — писцом кротости Христовой. Профессор Глубоковский отмечал в своем очерке о евангелисте Луке, что его Евангелие «обнаруживает безграничную, даже пара-

---

*Автор — доктор богословия, настоятель подворья Русской Православной Церкви в Бейруте (Ливан), представитель Патриарха Московского и всея Руси при Патриархе Великой Антиохии и всего Востока.

** Доклад на XXIII международном симпозиуме по православной духовности. Vose, 9–12 сентября 2015 г.

доксальную любовь к грешникам и самую незыблемую уверенность в их прощении и исправлении»¹.

Человек создан по образу Божию. Но образ Создателя затемнен, искажен в нас грехом. Мы не можем чисто созерцать Бога, не способны, пользуясь выражением архимандрита Софрония (Сахарова), «видеть Бога, как Он есть». Будучи сами злы и жестоки, мы склонны и Бога представлять таким же, склонны «создавать» Его по нашему падшему образу и подобию. Христос пришел в мир и стал человеком, стал одним из нас, чтобы, как мы поем в праздник Рождества, «прежде падший обновити образ». Созерцая Христа, каким Он изображен в Евангелиях, мы видим чистый, неискаженный образ Божий; внимая евангельскому учению, мы узнаем, каково отношение Бога к нам. Это такое отношение, которое способно вернуть нас к Нему. И мы возвращаемся к Нему через Христа, Который для того и пришел, чтобы, как говорит Иоанн, «рассказать» нам Бога, объяснить Его (*экзегеза*: Ин. 1:18). Христос, по Иоанну — «экзегеза» Бога.

Бог милосерден. Его милосердие абсолютно, оно ничем не ограничено и никак не обусловлено. Этим новозаветное учение о Боге отличается от ветхозаветного. Да, и в Ветхом Завете провозглашалось, что УНВН есть «Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый» (Исх. 34:6). Однако это милосердие, или благоволение (*хен*) и эта милость (*хесед*) в Ветхом Завете обусловлены поведением человека: Бог милостив к человеку, когда тот искренне стремится жить по Его заповедям; к тем же, кто Его заповеди отвергает, Бог применяет кару, причем — до «третьего и четвертого рода» (Исх. 34:7. Ср. Исх. 20:5. Втор. 5:9). Это так называемое богословие воздаяния: праведник награждается, нечестивец карается. Милосердие уравнивается справедливостью. В этом — логика Моисеева Закона. Иначе

¹ *Глубоковский Н.Н.* Апостол Лука, евангелист и дееписатель. София, 1932. С. 101.

зачем были бы нужны заповеди? Впрочем, богословием воздаяния невозможно объяснить всего, что происходит в жизни человека и общества. Поэтому рядом с такой безоблачной книгой Притчей Соломоновых вдруг появляется загадочная книга Иова, во всей остроте ставящая вопрос страданий праведника, и поэтому вслед за такой ясной и определенной книгой Наума, целиком посвященной вполне справедливому воздаянию ниневитянам, сразу же следует книга Аввакума, начинающаяся с вопроса о незаслуженных страданиях, с вопроса, адресованного Богу: «Доколе, Господи, я буду взывать, и Ты не слышишь, буду вопиять к тебе о насилии, и Ты не спасаешь?» (Авв. 1:2)². Богословие воздаяния не работает, им невозможно объяснить судьбу «человека под солнцем».

Но все же евангельское учение о безусловном милосердии Божиим возникло не на пустом месте. О незаслуженной милости, проявляемой Богом к грешнику, говорят первые главы книги Осии, в которой эта незаслуженная милость описана с помощью супружеской метафоры. Пророк в ней изображает Бога, а неверная жена пророка — израильский народ. По закону жена, изменившая мужу и подвергнутая разводу с ним, не может вернуться к нему обратно ни при каких условиях. Кажется бы, Израиль изменил Богу с идолами и больше не может быть Его народом. Однако у Осии «милость превозносится над судом» (Иак. 2:13): «Я увлеку ее, приведу ее в пустыню и буду говорить к сердцу ее... И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благодати и милосердии. И обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа» (Ос. 2:14, 19–20). Инициатива здесь принадлежит Богу. Жена-изменница и не собиралась каяться, но муж, который по-прежнему любит свою неверную жену, «увлекает»

---

² В прошлом году в киевском издательстве «Богуславкнига» вышло замечательное исследование на эту тему: *Фаст Геннадий, прот.* Толкование на книгу пророка Аввакума. Опыт библейской теодицеи. Киев, 2014.

ее, «говорит к сердцу ее» слова любви, вновь завоеывая тем самым ее верность. Такой, немислимой в рамках израильского семейного права ситуацией, Осия еще в VIII веке до Рождества Христова изображает отношение Бога к Израилю. Наш современник, аргентинский монах Франсиско Рибейро в одной из своих статей размышляет над книгой пророка Осии, и эти размышления приводят его к небезынтересному выводу: «Невозможно оставаться в монастыре, не сознавая себя грешником... Вся история для монаха подобна истории Израиля для Осии — это история восстания человека против любящего его Бога. Но вместе с Осией монах убежден: Бог никогда не обуставливает свое прощение предварительным обращением человека. И это ставит его на одну линию с пророком, уже преодолевшим базовое отличие Ветхого Завета от Нового: до Христа, чтобы спасти человека, Бог требовал от него обращения; во Христе Бог сначала предлагает прощение и лишь затем ждет обращения. Переживание в полноте этой благодатной икономии требует от монаха глубокой внутренней жизни, непрестанного продвижения в познании Бога»³.

Обратим внимание на притчу о блудном сыне. Нет нужды прочитывать здесь ее или пересказывать: все и так хорошо знакомы с ее сюжетом. Обратим лишь внимание на некоторые очень значимые ее детали. Нельзя не согласиться с отцом Энцо Бьянки, который настаивает: эта притча — не о блудном сыне, а о милосердном отце. Именно он, отец — главный персонаж этой притчи. Он изображает собой Бога, любовь которого к человеку безгранична и безусловна. Отец любит своих сыновей одинаково, как послушного старшего, так и непослушного младшего. Младший не заслуживает этой любви, он и сам сознает это: «Я уже недостойн называться сыном

---

³ *Ribeiro F.* Reflexiones monástica sentornoalgunosaspectosdel-librodelprofeta Oseas. “Quadernosmonasticos”, №123 (1997). P. 441 (вся статья — p. 419–442).

твоим», — говорит он отцу. Но отец настолько рад его возвращению, что восстанавливает его, утерявшего все сыновние права по закону, в этих самых правах. Полностью: «Дайте, — говорит, — перстень на руку его». Перстень — не элемент украшения, перстень — это право обладания на следствием: печатью, которая на перстне, опечатывают имущество. Право, утраченное по дерзости, глупости и непослушанию; право, восстановленное по милосердию. Удивительная параллель с первыми главами Осии, где жена, изменявшая своему мужу, вновь обручается с ним и восстанавливается в своих правах! Только вместо супружеской метафоры Осии у Луки — другая метафора: отец и сыновья. Но и эту метафору мы находим у того же Осии: «Когда Израиль был юн, Я любил его, и из Египта вызвал сына Моего» (Ос. 11:1). Египет у Осии очень хорошо соотносится с «далекой страной» у Луки. Израиль ничем не заслужил своего избранничества и освобождения из египетского рабства: «Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас, ибо вы малочисленнее всех народов, но потому, что любит вас Господь <...> вывел вас Господь рукою крепкою и освободил тебя из дома рабства, из руки фараона, царя египетского» (Втор. 7:7–8). Блудный сын также ничем не заслужил отцовского благоволения. Но помилован. Незаслуженно.

Когда происходит его обращение, его покаяние? Тогда ли, когда он, сидя у корыт со свинными рожками, принимает решение вернуться в отчий дом, смирить гордыню и повиниться перед оскорбленным им отцом? Вряд ли. Скорей всего, им движет трезвый и холодный расчет — спасти свою жизнь от неминуемой голодной смерти: пусть уж лучше вытерплю этот стыд, чем подохну здесь от голода, пусть уж лучше буду наемником у отца моего, чем пастухом свиней, хозяин которых дорожит их жизнью куда больше, чем моею. Трезвый и холодный расчет. Прагматизм, как мы бы сейчас сказали. Буду пахать

наемником, зато от голода не помру. Не таковы ль порой и наши взаимоотношения с Богом? — «Я Тебе три свечки, Ты мне — три желанья».

Конечно, там, в далекой стране, у пустого свиного корыта, мысли блудного сына переменились, произошла определенная *метанойя*, перемена ума. Да, затем он совершил и некую *тшуву*, возвращение к тому месту, откуда когда-то ушел. Но подлинная перемена — а значит и подлинная *метанойя*, и подлинная *тшува* — произошли с ним лишь тогда, когда он оказался в объятиях отца, лишь тогда, когда отец восстановил с ним те отношения, которые казались (да и были) навсегда утраченными.

Ключевое слово во всех трех притчах 15-й главы — радость. Отец радуется, приняв своего сына живым и здоровым; пастух радуется, обретя потерянную овцу; женщина радуется, найдя потерянную драхму.

Но все эти три персонажа не радуются в одиночку. Подлинная радость такова, что ею всегда хочется поделиться. И они делятся ею с теми, кто рядом: пастух, возвращаясь домой с найденной овцой, созывает друзей и соседей и говорит им: «Порадуйтесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу» (Лк. 15:6); женщина зовет подруг и соседок: «Порадуйтесь со мною: я нашла потерянную драхму» (Лк. 15:9); отец приглашает домочадцев: «Приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться!» (Лк. 15:23). Так небеса радуются о каждом прощенном Богом грешнике.

Те, кто не хотят разделить эту радость, уподобляются старшему брату блудного сына. Старший брат возмущен несправедливой щедростью отца: как можно прощать того, кто не заслужил прощения, кто не искупил свой грех? Он сам себя лишает радости — не хочет войти в наполненный радостью и весельем отчий дом. За это он слышит упрек отца: «Надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15:32). «Ты правильно живешь, ты никогда не нарушаешь моих повелений.

Но ведь твоего брата, который жил неправильно, я люблю не меньше, чем тебя. Твоя беда в том, что ты не любишь твоего брата, в том, что тебя не обрадовало, а огорчило его возвращение». Чему нас учит образ старшего сына в этой притче? Тому, что если в нас не будет искренней любви и милости к брату, мы лишимся и общения с Отцом. Отвернуться от ближнего — значит отвернуться от Бога. Это предостережение звучит уже в первых строках Писания: «И призрел Господь на Авеля и на дар его <...> Каин сильно огорчился, и поникло лицо его...», «Где Авель, брат твой?..» — «Не знаю. Разве я сторож брату моему?»» (Быт.4:4–5,9). Концовка притчи о блудном сыне — прекрасная параллель рассказу о Каине и Авеле. «Будьте <...> сострадательны, братолюбивы, милосердны», — увещевает нас апостол Петр в своем Соборном послании (1 Пет. 3:8). Ему вторит автор Послания к евреям: «Не забывайте <...> общительности (*koinonia*)» (Евр. 13:16).

Концовка притчи невольно подвигает к экклезиологическим размышлениям. Церковь — это отчий дом, наполненный радостью и весельем, в котором совершается трапеза по случаю нашего возвращения. И трапеза эта — не унылые поминки, а радостный и веселый пир. За такой трапезой каждый — раб и свободный, слуга и господин, рабочий и начальник — имеет равное другим сотрапезникам право протянуть руку к любому стоящему на столе блюду. Собственно, так можно сказать обо всех древних, особенно библейских трапезах: если человека приглашали на званый ужин и усаживали за стол, это значило для него очень много. Со случайными людьми трапезу не разделяли. Совместная трапеза объединяла людей, сблизжала их. Не как советская столовая и не как американский фаст-фуд, когда одному едоку нет дела до другого, стоящего или сидящего рядом едока, когда обед или ужин — лишь прием пищи, которую нужно забросить в себя, словно топливо, и бежать скорей продолжать трудовые свершения. Совместная трапеза в библейские времена имела духовное измерение, в ней могли уча-

ствовать только близкие люди — родственники, друзья. Поэтому фарисеи так соблазнялись, когда Иисус разделял трапезу с отъявленными негодьями, такими, каким был до встречи с Ним, например, Закхей (Лк. 19). А Христос и пришел в этот мир, чтобы стать близким к грешникам, чтобы разделить с ними (со всеми нами!) трапезу и этим обратить нас к Богу. Фарисеи, люди чрезвычайной духовности, не могли понять, как это «Он принимает грешников и ест с ними» (Лк. 15:2). И, соблазняясь, говорили о Христе: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Лк. 7:34). Вот почему так часто Божие Царство уподобляется трапезе; вот почему главным богослужением христиан также является трапеза — Трапеза Господня.

Апостол Павел уподобил Церковь телу, глава которого — Христос. То есть Церковь — это не только Христос, но и твои во Христе братья и сестры. Ты не можешь сказать: меня интересует только Христос, я причащаюсь Христу, а другие меня не интересуют. Невозможно сделать причащение Христу частным актом личного благочестия. Удивительно, но во всех анафорах звучит только «мы причащаемся», и никогда — «я причащаюсь». Причащается всегда вся Церковь, и никогда — отдельный ее представитель. Апостольские инвективы, содержащиеся в 11-й главе 1-го Послания к коринфянам — тексте, посвященном Трапезе Господней, — учат нас не личному благочестию (сколько молитв вычитал, как долго постился и т.п.), а благочестию церковному, то есть тому, насколько нам есть дело до того, кто стоит рядом с нами у евхаристической чаши. Твое личное причащение становится осуждением, если ты причащаешься, не помирившись с тем, кто причащается вместе с тобой, или если сопричастник тебе просто безразличен — «и не друг, и не враг, а так». Быть в мире друг с другом важно настолько, что любое чинопоследование литургии предполагает жест примирения и общения. Прежде чем исповедать веру и совершить

анафору, мы протягиваем друг другу руку мира, обнимаем друг друга и лобызаем. Чтобы исповедать Отца и Сына и Святого Духа, надо прежде возлюбить друг друга. Это не пустой обряд, это жест братского общения и примирения: нельзя причащаться из единой чаши, не примирившись друг с другом. Без подлинного братского общения причастников, без мира и солидарности внутри общины, без участия в нуждах бедных членов общины Евхаристия становится чисто механическим повторением тех жестов, которые совершил, и тех слов, которые произнес Христос на Тайной Вечери и которые заповедал нам совершать и произносить в Его воспоминание. *Koinonia*, общение, внутреннее церковное единство, является неотъемлемым условием совершения евхаристического богослужения. Евхаристия — сердце церковной жизни. Подлинное церковное возрождение невозможно без возрождения евхаристического. А оно, в свою очередь, предполагает активное и полное участие всех верных в литургии — не только в причащении, но и в самой евхаристической молитве. Верные должны внимать каждому ее слову, ум и сердце всех должны быть заняты только ее словами, и никакими другими. Предстоятель молится не от себя, но от лица всех членов Церкви, он — «уста Церкви», и все верные подтверждают его молитву общим «аминь». Но невозможно молиться «единым сердцем и едиными устами», не находясь в духовном единстве. Евхаристическая молитва предполагает это общение и единство. Если это единство было до совершения Евхаристии, Евхаристия лишь укрепит его; если же участники Евхаристии разрознены или тем более враждебны друг другу, совместное причащение не объединит их автоматически.

Смысл притчи о блудном сыне, или, лучше, притчи о милосердном отце — неисчерпаем. Сколько книг и картин написано, сколько фильмов снято по ее сюжету! Сколько произнесено проповедей и проведено конференций! Волновала эта притча и русских поэтов: на эту тему писали

Гумилев, Слуцкий, Седакова, Щуров, иеромонах Роман (Матюшин) и другие. Стихотворение Бориса Слуцкого (1919–1986) небольшое, приведу его целиком. В нем не все детали соответствуют сюжету притчи, но поэтам это простительно. Советский поэт-фронтовик не проглядел в этой притче главного — любви и всепрощения отца:

Истощенный нуждой, истомленный трудом,
Блудный сын возвращается в отчий дом.
И стучится в окно осторожно: «Можно?»
Сын мой единственный, можно!

Можно всё, лобызай, если хочешь, отца,
Обгрызай духовитые кости тельца.
Как приятно, что ты возвратился,
Ты б остался, сынок, и смирился.

Сын губу утирает густой бородой,
Поедает тельца, запивает водой,
Аж на лбу блещет капелька пота
От такой непосильной работы.

Вот он съел, сколько мог, вот он в спальню прошел,
Спит на чистой постели, ему хорошо,
И встает, и свой посох находит,
И, ни с кем не прощаясь, уходит.

Но для завершения выступления эта цитата не годится. Пожалуй, лучше всего подойдет другая — из проповеди митрополита Антония Сурожского: «Эта притча <...> лежит в самой сердцевине христианской духовности и нашей жизни во Христе».

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Священник Димитрий Азеев*

**ПРЕДИСЛОВИЕ
К ПУБЛИКАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ
АРХИЕПИСКОПА СЕРГИЯ (ТИХОМИРОВА)
«Освящение Воскресенского кафедрального
собора в Токио»**

Брошюра с воспоминаниями архиепископа, впоследствии митрополита, Сергия (Тихомирова) была обнаружена нами в маленьком букинистическом магазине в Париже. Изданная в 1930 году тиражом всего 100 экземпляров, она уже давно стала библиографической редкостью¹. Вероятно, она некогда бережно хранилась в семье русских эмигрантов, а затем, спустя годы, оказалась в лавке букиниста.

Владыка Сергей предпринял труд по изданию брошюры с единственной целью — сохранить для потомков воспоминания о произошедшем торжестве и событиях, ему предшествовавших, а также привлечь пожертвования для благоукрашения воссозданного храма. Об этом сказано на обложке.

---

*Автор — клирик московского храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке, член редколлегии журнала «Церковь и время».

Текст воспоминаний нами приводится полностью. Мы сохранили авторский стиль, который придает рассказу эмоциональный колорит, и оставили строчные и прописные буквы, поскольку это было важно для автора. Написание имен собственных и географических названий мы привели в соответствие с современной орфографией и раскрыли, где это было нужно, сокращения. В примечаниях мы постарались прокомментировать, где это представлялось возможным, персоналии и события, которые могут быть неизвестны современному читателю².

Митрополит Токийский Сергей (Тихомиров Георгий Алексеевич) родился 3 июня 1871 года в селе Гузи Новгородского уезда Новгородской губернии в семье протоиерея Алексия Тихомирова (+ 1927), настоятеля сельской церкви. Будущий святитель был вторым сыном в семье из семи детей — у него было три сестры и три брата. После окончания в 1892 году Новгородской духовной семинарии Георгий поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, где в 1895 году был пострижен в монашество с именем Сергей в честь преподобного Сергия Радонежского и рукоположен в сан иеромонаха.

Будущий иерарх последовательно прошел все ступени карьерной лестницы, характерной для ученого монашества того времени: инспектор семинарии, сан архимандрита, ректор.

В 1905 году архимандрит Сергей (Тихомиров) был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии, и 6 ноября 1905 года в Александро-Невской Лавре состоялась его хиротония во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. Владыка скоро стал известен как талантливый проповедник и богослов, видный церковный писатель и историк.

После того как епископ (впоследствии — священномученик) Андроник (Никольский) был вынужден по состоянию здоровья отказаться от поста помощника начальника Российской Духовной Миссии в Японии свя-

тителя Николая (Касаткина), Святейший Синод избрал епископа Сергия для этого служения. 21 марта 1908 года владыка был назначен епископом Киотским, викарием Токийской кафедры, и прибыл в столицу страны в июне 1908 года.

К моменту своего переезда в Японию епископ Сергий уже владел греческим, латинским, древнееврейским, английским, французским и немецким языками. Вскоре он выучил и японский, практикуя его во время ознакомительных поездок по стране. Поездки епископа Сергия на Южный Сахалин, аннексированный Японией после поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 годов, сыграли важную роль в возвращении православных храмов местным верующим. Японские войска конфисковали многие храмы и использовали их как административные или хозяйственные здания, но во время трех посещений Южного Сахалина в 1909–1911 годах владыка Сергий смог добиться от японских властей возвращения храмов верующим и бесплатной аренды церковной земли. Сообщения владыки часто публиковались в русской церковной периодике тех лет³.

После кончины архиепископа Николая (Касаткина) епископ Сергий принял на себя руководство Миссией, и с 19 мая 1912 года он становится епископом Токийским и Японским. Особое внимание владыки было сосредоточено на укреплении организации Миссии и повышении богословского образования японских священнослужителей. В 1913 году под его руководством начинает издаваться богословский журнал «Сэйкёо Ситёо» («Направление православной мысли»).

После октябрьской революции и прекращения финансирования работы Японской Духовной Миссии из России епископ Сергий неоднократно предпринимал поездки на Дальний Восток (до окончательного установления там советской власти) для сбора средств на поддержание Миссии.

1 мая 1921 года, ко дню Святой Пасхи, решением Патриарха Тихона владыка был возведен в сан архиепископа. Архиепископ Сергей помог многим русским беженцам, включая духовенство, организовав им на время приют в Японии. Епископ Владивостокский и Приморский Михаил (Богданов)⁴ жил при Токийском Воскресенском соборе с 1922 по 1923 год (о нем много говорится в воспоминаниях); епископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов)⁵, близкий друг владыки Сергея, нередко посещавший Японию, жил в г. Цуруга в 1920–1922 годах, где основал Никольскую церковь; 21 ноября 1922 года в Токийском кафедральном соборе был рукоположен во епископа Никольско-Уссурийского отец Павел (Введенский)⁶. В 1921 году в ведение архиепископа Токийского перешло управление и Русской Духовной Миссией в Корее⁷.

Великое землетрясение Канто⁸ практически полностью разрушив города Токио и Йокогаму, потрясло Страну восходящего солнца. Природная катастрофа явилась причиной гибели нескольких сотен тысяч человек и причинила значительный материальный ущерб, став самым разрушительным бедствием за всю историю страны. Землетрясение началось 1 сентября 1923 года, после полудня. Эпицентр его располагался в 90 км к юго-западу от Токио, возле острова Осима, в заливе Сагами. Всего за двое суток произошло 356 подземных толчков, из которых первые были наиболее сильными. В заливе Сагами из-за изменения положения морского дна поднялись 12-метровые волны, которые опустошили прибрежные поселения. Повсеместно начались пожары, разносимые сильным ветром, которые и причинили наибольший ущерб. Спасаясь от подземных толчков и пожаров, жители бежали на открытые пространства — площади, в парки, но это не всегда помогало. На одной из площадей Токио погибли около 40 тыс. человек — они задохнулись, когда загорелись окружающие площадь дома. Землетрясение

охватило площадь около 56 тыс. км². Основное разрушительное воздействие пришлось на юго-восточную часть провинции Канто. В результате землетрясения и последовавших за ним пожаров были практически уничтожены Токио, Йокогама, Йокосука и 8 менее крупных городов. Еще 11 городов пострадали менее серьезно. Официальное число погибших — более 700 тысяч человек; свыше миллиона остались без крова. Общее число пострадавших составило около 4 миллионов. Материальный ущерб, понесенный Японией от землетрясения, составлял на тот момент два годовых бюджета страны и в пять раз превышал расходы Японии в Русско-японской войне. После землетрясения японское правительство рассматривало возможность переноса столицы Японии. В качестве одного из вариантов назывался Кэйдзэ (ныне Сеул).

После того как Великое Кантоское землетрясение 1 сентября 1923 года и последовавшие за ним пожары сильно повредили Токийский Воскресенский собор и уничтожили большую часть зданий штаб-квартиры Миссии в квартале Суругадай, владыка Сергей предпринял множество поездок по Японии и Дальнему Востоку, усердно взывая к помощи и вдохновляя верующих. В 1925–1928 гг. он издавал православный журнал «Акэбоно» («Заря») на свои собственные средства. В результате его жертвенных трудов молодая Японская Церковь смогла восстановить Токийский собор уже в 1929 году.

Архиепископ Сергей (Тихомиров) был одним из немногих русских иерархов за рубежом, одобдивших «Декларацию» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года. В то время как остальные русские архиереи на Дальнем Востоке вошли в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей, владыка Сергей на протяжении всей своей жизни оставался верным Московской Патриархии. 2 апреля 1931 года, ко дню Святой Пасхи, архиепископ Токийский Сергей был возведен в сан митрополита.

Сложная и противоречивая внутренняя политика Японии тех лет и нарастающий в стране национализм привели к усилению противомосковских настроений в некоторых кругах японской паствы и притеснениям со стороны государства. Иностранцы вытеснялись с постов глав всех христианских деноминаций в Японии. Не смогла избежать этой участи и молодая Японская Православная Церковь. 4 сентября 1940 года митрополит Токийский Сергей (Тихомиров) был вынужден уйти на покой, передав временное управление делами Церкви мирянину Арсению Ивасава⁹, пользовавшемуся доверием японских властей.

Митрополит Сергей был выселен из резиденции при соборе и поселился в маленькой квартире в пригороде Токио, где продолжал совершать службы для горстки русских и японских верующих. Некоторые японцы и секретарь посольства Болгарии оказывали помощь иерарху в тяжелые годы военных лишений. В мае 1945 года его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу СССР. Когда владыка был отпущен на свободу через 40 дней, его здоровье было окончательно подорвано. Вскоре, 10 августа 1945 года, он умер в своей однокомнатной квартире. Отпевание состоялось в разрушенном Токио, в Воскресенском кафедральном соборе, который оставался единственным сохранившимся зданием в квартале. Выдающийся иерарх, миссионер и верный сын Матери-Церкви, митрополит Токийский Сергей (Тихомиров) покоится на кладбище Янака в Токио, рядом с могилой равноапостольного Николая Японского, своего великого предшественника и наставника.

Мы надеемся, что данная публикация воспоминаний, приуроченная к 145-летию со дня рождения и 75-летию со дня кончины приснопамятного иерарха, станет нашим приношением его памяти и послужит в помощь будущим исследователям истории Японской Православной Церкви.

Примечания

¹ В 2002 году воспоминания были переведены на японский язык и изданы в Токио: «東京復活大聖堂と関東大震災(Тоукёу Фуккацу Дай-Сейдоу то Кантоу Дайсинсай / Токийский Воскресенский (Кафедральный) Собор и Великое Землетрясение Канто)» под редакцией Преосвященного Архиепископа Токийского и Митрополита всея Японии Даниила. Издательство: 正教時報社 (Сэйкёо-Дзихоу-ся). 2002.

² Благодарим за помощь в составлении комментариев студента Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия иеродиакона Николая (Оно).

³ Свои впечатления от увиденного владыка Сергей записывал в форме путевых заметок, которые вначале публиковались в «Московских ведомостях» и вызывали живой интерес православной общественности. Следующие публикации были в журнале «Православный Благовестник» за 1914 г. В № 1, с. 115–142; № 2, с. 168–212; № 3, с. 208–235; № 4, с. 207–219; № 5/6, с. 208–220; № 7/8, с. 245–268, с ил. И в этом же 1914 г. в Москве «Русской Печатью» (Большая Садовая, 4. № 14) была выпущена отдельная книга (отдельный оттиск из журнала «Православный Благовестник» за 1914 г.).

⁴ Епископ Михаил (Михаил Александрович Богданов; 6 (18 ноября) 1867 г. — 9 июля 1925 г.) — епископ Владивостокский и Приморский. Покинул Россию осенью 1922 г. С 22 октября 1922 г. проживал при токийском Воскресенском соборе. После землетрясения 1 сентября 1923 г. покинул Токио и переехал в Харбин. Скончался 9 июля 1925 г. в Харбине. Похоронен под сводами Софийского храма.

⁵ Митрополит Нестор (Николай Александрович Анисимов; 9 ноября 1885 г. — 4 ноября 1962 г.) — иерарх Русской Православной Церкви. Был миссионером на Камчатке. Изучил тунгусский и корякский языки, перевел на них текст Божественной литургии и Евангелие. С 1916 г. — епископ Камчатский и Петропавловский. После установления советской власти на Камчатке перебрался в Харбин, где основал Камчатское подворье (1921 г.). В 1933 г. возведен в сан архиепископа (РПЦЗ). В 1945 г. приветствовал в Харбине Красную армию. В том же году перешел в юрисдикцию

Московского Патриархата, был назначен управляющим вновь созданной Харбинской епархией. С 1946 г. — митрополит Харбинский и Маньчжурский. В июне 1948 г. арестован китайскими властями и отправлен в СССР. Был приговорен к 10 годам лишения свободы по обвинению в активной враждебной деятельности против Советского Союза и отбывал срок в мордовских лагерях. Освобожден в январе 1956 г. и назначен митрополитом Новосибирским и Барнаульским, в 1958 г. — Кировоградским и Николаевским.

⁶ Епископ Павел (Павел Андреевич Введенский; 4 (16) марта 1866 — 9 февраля 1937) — иерарх Русской Православной Церкви, епископ Моршанский, викарий Тамбовской епархии. С 1919 г. был ключарем Владивостокского кафедрального собора. 3 декабря в Токийском Воскресенском соборе возведен в сан архимандрита. 21 ноября/4 декабря 1922 г. там же хиротонисан во епископа Никольско-Уссурийского, викария Владивостокской епархии. Рукоположение было совершено архиепископом Токийским Сергием (Тихомировым), епископом Владивостокским Михаилом (Богдановым) и епископом Камчатским Нестором (Анисимовым). В том же году временно управлял Владивостокской епархией. С 6 сентября 1923 г. по 13 июля 1927 г. — епископ Мелекесский, викарий Самарской епархии. В 1923–1926 гг. отбывал заключение на Соловецких островах. В 1926 г. был освобожден из лагеря и отправлен в ссылку в Уфу без права выезда. С 29 сентября 1927 г. — епископ Златоустовский с пребыванием в Уфе. С 12 августа 1928 г. назначен епископом Калужским и Боровским; с 12 декабря 1928 г. — епископ Оренбургский. В 1931 г. был арестован и 23 октября осужден тройкой при ПП ОГПУ СССР по Средне-Волжскому краю на три года высылки. 30 августа 1933 года уволен на покой. С 17 апреля 1935 г. — епископ Моршанский, викарий Тамбовской епархии. В Моршанске жил тихо и скромно на квартире, гостей не принимал. Редко служил в Базевской церкви Моршанска. Умер 27 января 1937 г. от сердечного приступа. Похоронен за алтарем церкви Николая Чудотворца в Базеве.

⁷ В 1944 году Корейская Миссия перешла в ведение Харбинской и Восточно-Азиатской епархии. После окончания Второй мировой войны указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия I от 27 декабря 1945 года было подтверждено пребывание Мис-

сии в ведении Московского Патриархата. В 1948 году Японская Православная Церковь перешла в подчинение к Американской митрополии. В 1955 году сохранившиеся приходы, не имевшие в те годы возможности контактов с Русской Православной Церковью, провели съезд, где было принято решение войти в состав Американской архиепископии Константинопольского Патриархата.

⁸ Свое название землетрясение получило по региону Канто, которому был нанесен наибольший ущерб.

⁹ Ивасава Арсений Хэйкити (1863–1943), кандидат богословия, управляющий делами Японской Православной Церкви, профессор Токийской духовной семинарии и Японской армейской академии, русист. Учился в школе русского языка, основанной архимандритом Николаем (Касаткиным), который и крестил его с именем Арсений в 1876 г. В следующем году Арсений поступил в Токийскую духовную семинарию, где стал одним из лучших студентов. После окончания семинарии в 1884 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1888 г. со степенью кандидата богословия, после чего возвратился в Токио. На родине стал профессором Токийской духовной семинарии, преподавал догматику, философию и русский язык. Параллельно работал в армейских школах как преподаватель русского языка, постепенно продвигаясь по карьерной лестнице военного ведомства. Будучи на государственной службе, Арсений Ивасава оставался деятельным участником церковной жизни. На Соборе Японской Церкви в Токио 13–17 июля 1940 г. было принято решение об отстранении правящего митрополита Сергия (Тихомирова) от управления Церковью, а Арсений Ивасава был избран ее главой. Однако он совсем не желал этой должности и наотрез отказался принимать священство — решение, которое, по его словам, он твердо принял еще в годы обучения в академии. В результате он остался мирянином. 4 сентября 1940 года митрополит Сергей передал ему временное управление делами Церкви, и в соответствии с действовавшим законодательством Ивасава стал «официальным представителем» Церкви в глазах властей. После хиротонии епископа Николая (Оно) и его утверждения в должности «официального представителя» Церкви стал директором русской школы при Токийском кафедральном соборе. Скончался 23 октября 1943 г.

Сергий (Тихомиров), архиепископ Японский

**ОСВЯЩЕНИЕ ВОСКРЕСЕНСКОГО
КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В ТОКИО***
(с историческим предисловием)
PER CRUCEM AD PACEM**

Вместо предисловия

Утро 1 сентября (н.ст.) 1923 года (суббота) не предвещало ничего особенного. Сильный южный ветер. Летняя жара. Временами редкие, но крупные капли дождя. Время обеда (всегда во всей Японии в 12 ч.), я разбирался в своей исторической работе¹: еще три месяца «посидеть сиднем», — и всё будет готово, утешал я себя. И сидел у письменного стола, не разгибая спины, до 11.50 утра. В эти часы приходил ко мне по делу молодой катехизатор Яков Ямагучи² и, вероятно, желая сказать мне приятное, сказал по-японски: «Давно не было землетрясения, прекрасно»; на что я ему, шутя, ответил: «Наоборот, худо; если теперь и потрянет, то уже сильно; и кто знает, не потрянет ли и сегодня». А нужно заметить, что в Токио небольшие толчки и неразрушительные землетрясения бывают часто. В 1923 же году их не было с ранней весны. И это обстоятельство многих беспокоило.

---

* Публикация и примечания: священник Димитрий Агеев.

** «Через Крест к миру» (лат.).

Моя квартира находилась на 2-м этаже миссийского дома³. Угловая комната — зал, с прекрасным видом на собор, город, Дворец. Здесь я редко бывал, — обычно здесь я принимал гостей. Следующая комната в два окна — столовая. Здесь мы, то есть я и Преосвященный Михаил (Богданов, бывший Владивостокский, живший у меня с 22 октября 1922 года), пили утром и днем чай, в 12 ч. обедали и вечером ужинали. Следующая комната полукруглая, — мой кабинет, моя спальня, моя молельня, моя библиотека, — словом, «моя» комната, в которой я жил, обжился, к которой привык и без которой было бы «не по себе».

Поработав в «кабинете» до 11.50, я вышел в столовую, где был уже накрыт обед. Помню я меню: яички всмятку, молочный суп из макарон и гречневая каша. Яички лежали уже на тарелках.

Пользуясь 10 минутами до обеда, я раскрыл «Japan Advertiser», чтобы окончательно просмотреть его и передать на 2-ю половину дня Преосвященному Михаилу. А он жил рядом с моим кабинетом, и нас разделял лишь темный маленький коридор. Против Преосвященного Михаила временно жил студент-восточник, практикант М.М. Бергер. По всему дому работали маляры, и двери были из-за них открыты. Открыт был и мой «черный» ход (соединявший меня с соседями: Преосвященным епископом Михаилом и М.М. Бергером).

11 часов 58 минут 44 секунды. Я стою у стула в столовой и читаю газету. Затрясло... Помню, я улыбнулся и сказал: «А суеверная бабушка сказала бы: „с слова сталося“».

Однако землетрясение (всегда они кончаются в 15–30 секунд) не только не кончается, а всё более усиливается. Я вспомнил совет покойного архиепископа Николая⁴: «Если будет сильно трясти — становитесь под косяк; стены повалятся, а под косяком Вы можете отделаться царапинами», — и перешел к двери, ведущей на коридорик и сразу налево — в мой кабинет. Стал под косяк. Продолжаю читать газету...

Однако начало качать так, как я не испытывал ни разу с 1908 года. Стоять на ногах было трудно. Я бросил газету на стул. Сдернул очки и, держа их в левой руке, ухватился обеими руками за дверные косяки. Я не упал.

Землетрясение молниеносно развивало силу. Что-то трещит постоянно. Что-то скрипит не прекращая. С перегородки, отделяющей столовую от прихожей, выскакивают из пазов раздвижные рамы, летят вниз, стекла бьются вдребезги. Посудный шкаф размахивался на аршин, не упал, но раскрылся. Летит посуда, бьется, черепки катятся ко мне. А я балансирую, чтобы не упасть.

Вот со страшным шумом посыпались из шкафов в кабинете мои книги. Навстречу им падают святые иконы из божницы-угольника. Мелькают какие-то предметы в окнах. Ни души около. Один... Было ли страшно? Нет: «пожил 52 года, довольно!» Было ли сознание смертной опасности? Было: «еще секунда, — и я „там“, и, о если бы у Бога, в Обителях Его Святых!» В это время, видимо, землетрясение достигло крайнего пункта. В глазах всё мелькало, всё кружилось. Треск, шум. Я, помню, перекрестился и сказал «предсмертное»: «Господи, прости меня и помилуй». Последовал страшный удар. Вероятно, пушка, значит 12 часов дня, подумал я. Гробовая тишина воцарилась. Но это потому, оказалось, что удар оглушил меня. Трясение сразу ослабело.

«На улицу! В безопасность! Если только успею спуститься по лестнице благополучно». Не побежал, а быстро пошел через «черный» ход. В дверях — владыка Михаил, с самоваром в руках: «Пойдемте вниз, в сад». Он поставил самовар на пол. Мы через 30 секунд были во дворе.

Пыльное, рыже-бурое облако стоит на дворе. Из него выскакивает мой слуга — повар Тит Тикаги, хватая меня за руку: «Дайсюкео» («архиепископ»), и буквально тащит меня под громадное фисташковое дерево.

Постепенно облако пыли исчезает. Выясняется картина повреждений. С крыш всех миссийских домов спала вниз черепица, вместе с сухой глиной, на которую 47 лет

назад она была наложена. Впрочем, нагромоздившиеся одна на другую черепицы еще позадержались там и здесь на карнизах. Трубы или сломаны и лежат уже внизу на земле, или сломаны, но еще стоят на крышах на своих местах.

Сбегаются миссийские насельники, и все становятся к деревьям: — с одной стороны — чтобы держаться за них, если закачает снова; с другой — чтобы задержаться на корнях и не провалиться в трещину, если бы земля дала трещину, «лопнула» (и почти всегда снова закрылась).

«Кита, кита, кита», — кричат испуганно японцы. Т.е. «пришло, пришло, пришло», — иначе: «Опять началось!» Действительно, начался 2-й удар. Земля колебалась, как волны в море. Дома тряслись, как легкие ящики. Сломанные трубы на крышах прыгали на своих местах, но не валились вниз, напоминая движения «ваньки-встаньки». Черепица продолжала лететь вниз. Чугунный забор Миссии раскачивало в стороны на аршин. Шум бьющихся друг о друга телефонных, телеграфных и электрических проводов. Бледные лица собравшихся. Слезы на глазах. Все «сидят», где кого застало второе землетрясение (чтобы не упасть). Жуткая картина. Но это уже для меня ничто после того, что только что пережито мною наверху в доме. Опять всё стихло.

Смотрю к востоку: северная стена миссийского дома как бы отделилась от восточной и западной. Трещина начинается внизу, постепенно расширяясь наверху. Очевидно, стена не упала только потому, что ее задержали крепкие стропила крыши. Трещины в домах везде, особенно над окнами 2-го этажа.

А там что за свежий кирпич лежит? Спешу, забывая опасность, к северным воротам Миссии, и глазам не верю: колокольня (122 фута⁵ с крестом) переломилась пополам и упала: шпилем на купол собора, пробив в нем большую брешь, и разными частями — на ризницу, разрушив крышу, потолок и всю ризницу на юго-запад от собора, на запад (перед крыльцом миссийского дома), на северо-запад.

Западный вход в собор (всегда открытый для обозрения публики) завален остатками колокольни до потолка. Крест с купола сорван и лежит у юго-западного угла собора.

Был человек, видевший падение колокольни, сын диакона М. Кавамура⁶, теперь умерший, Василий. Он с отцом жил внизу собора на юг от него. Выскочив из дома с первыми ударами, он видел, как громадный деревянный, обитый медью шпиль колокольни, вырвавшись со своего основания, повалился на купол, он видел, как долго качавшаяся (уже надломленная) колокольня треснула в сводах своих окон и громадными столбами, с колоколами языками вверх, валилась в разные стороны.

Зрелище так потрясло Василия, что он буквально остолбенел, потерял сознание.

Смотрю: у беседки стоят в полусознании секретарь Давид Фудзисава⁷ и Роман Сасагава, как раз перед ними только что упала колокольня. Зову их под фисташковое дерево. В северном малом входе в собор стоит иеродиакон отец Серафим: до начала землетрясения он только что отошел от свечного ящика в паперти, теперь уже до потолка заваленной, и успел во время землетрясения дойти до этой малой боковой двери; дальше не двигался: колокольня валилась перед ним. И он, видимо, ничего не помнил: «Отец Серафим, идите сюда» — «Хай» — «Да идите же скорее» — «Хай». Только и говорит «хай», т.е. «да». Пришлось его взять за руку и тоже отвести под фисташковое дерево.

В окна собора было видно, что иконостас не упал. Но подсвечники, вероятно, все лежали на полу.

Но в собор проникнуть не было возможности: и южные, и северные, и алтарные малые двери были закрыты, и ключи от них завалены в паперти. А окна, хотя и были открыты, — но они слишком высокие, да и такого устройства, что в них войти было почти невозможно. Взломать двери? Но это значило бы: открыть двери вора́м; а о возможном пожаре тогда никто и не думал.

Землетрясение между тем продолжалось, хотя уже не в такой силе. Достаточно сказать, что с 12 часов дня 1 сентября до полудня 2 сентября было 237 землетрясений, ясно ощущаемых человеком, т.е. почти по 10 на час, по одному на 6 минут. О записях же сейсмографа и говорить нечего.

Землетрясений же (afterschocks) за весь сентябрь 1923 года было 721, т.е. по 24 на день, по одному на час в среднем. Не так-то скоро успокаивалась почва, на которой расположилась столица Японии!

Люди около нашего дерева собирались. На соседней улице раскинули соломенные ковры и расположили больных глазной больницы Иноуэ. Выносят соседи имущество и складывают на ручные тележки. На носилках сестры милосердия уносят куда-то тяжелых больных из соседней больницы (для чахоточных) Сасаки. У всех на лицах паника, ужас. Почему? А потому, что в разных местах города уже начались неизбежные спутники больших землетрясений — пожары. Землетрясение же, случившееся ровно в 12 часов дня, когда нет дома в Японии, в котором не работала бы кухня, должно было сопровождаться еще большими пожарами. И действительно, в разных направлениях появился дым пожаров, слышались зловещие сирены пожарных команд. Но что они теперь могут сделать? Водопроводные трубы лопнули; воды во всем городе из водопровода не достать ни капли. Колодцы? Но они скромно ушли в небытие под натиском культуры — водопровода. Речки, каналы? Но они не протекали непременно около пожара. По крайней мере, у нас в Миссии в 12 часов дня не было уже нигде ни капли воды.

Настроение тревожное. Да и узнать что-либо положительное нельзя: телеграф, конечно, не работает, телефон не работает, послать куда-нибудь некого: все думают только о себе.

Из квартиры я ушел в легоньком летнем белом подрыснике из муслина. Жаркий день. Несмотря на сильный ветер — 90 градусов по Фаренгейту⁸. Шляпы, конечно, нет.

Слуга предложил сбегать в дом за шляпой, и хотя я его останавливал: «Из-за шляпы-де можешь погибнуть; ведь неизвестно, худшее прошло ли, или еще впереди», — через минуту я был уже в белой шляпе. А это очень помогло общему моему самочувствию при 90 градусах в воздухе.

Из-за забора больничные сестры предлагают рисовые шарики. Это напомнило слуге, что мы еще ничего не ели. Наскоро соорудил он что-то вроде стола. Принес из кухни (внизу другого дома) молочный суп, и мы с владыкой Михаилом немного поели.

Зову, помню, диакона Моисея Кавамура: «Где завтра лучше служить? Западная паперть ведь завалена. Не открыть ли южный вход и не отслужить ли в соборе?» Он согласился.

«А как быть с крышами? — продолжаю. — Пойдет дождь, зальет ведь все наши квартиры. Не покрыть ли их временно толем?» — «Самое лучшее», — соглашается диакон. Словом, в голове и мысли не было о том, что уже надвигалось с поразительной поспешностью.

«Пожары везде. Горит уже внизу Кудана⁹. Огонь движется в нашем направлении», — говорит покойная матушка Харита Мий¹⁰. Вижу: соседи безумно суетятся, и в наш миссийский двор несут шкафы, столы, столики, хибачи¹¹, спальные принадлежности, «татами» (толстые соломенные маты), посуду. Всё это сваливается всюду, без всякого порядка. Видимо, у всех мысль: «Николай сгореть не может».

Чего они так суетятся? Пойдем, посмотрим. Пошли с епископом Михаилом до трамвайной улицы, около почтового отделения «Суругадай». По пути (2 минуты ходу) несколько раз трясло. Помню, я оттащил от шатавшейся каменной стены больницы Сасаки какую-то обезумевшую девушку. Спасалась под стеной, которая в каждую минуту могла упасть и ее придавить.

Выходим на трамвайную улицу и в ужасе видим: пожар уже близок, «враг при дверях». Горят дома. Огонь свободно ходит в разных направлениях, перелетая улицы.

Ни людей, никакого сопротивления. Как будто лесной пожар. И понятно — воды нигде ни капли, а люди сбежали уже, захватив, что могли; сбежали, сами не зная, куда придут, лавируя среди горящих улиц; сбежали, спасая жизни.

«Надо выноситься», — говорит Преосвященный Михаил. «Но куда будете выноситься? На улицу? Если не сгорит, то раскрадут. А больше некуда. Везде ведь всё горит». — «Нет, в России раз пожар, всегда выносятся. И я пойду в квартиру укладывать вещи». — «А я не пойду: задавит тебя, — и после все будут злословить: погнался-де за тряпками и погиб», — отвечаю. «Вы как хотите, а я иду». И старец исчез в полуразбитом доме, захватив с собою и М.М. Бергера. Скоро они выволокли на чем-то (или на пледе, или на одеяле) свое достояние. А отец Серафим предложил всё это сложить в его квартиру, точнее, в сторожку при воротах. Втащили.

Пошел тогда и я с отцом Серафимом в свою квартиру. Что она из себя представляла внутри — ужас! Поставил иконки на место, взял две панагии, магистерский крестик, легкую черную рясу. Только. И всё это сложил в сторожку отца Серафима. Всё прочее оставил на волю Божию.

Около 3 часов дня мы с Преосвященным Михаилом пытались еще раз сходить до трамвайной улицы, но уже было там так жарко (горел Университет Меидзи¹²), что мы буквально бегом возвратились, чтобы самим не сгореть.

Помню: доктор и супруга Иноуэ спрашивают меня: «Выносить ли ценности и инструменты? За Вашей-де библиотекой, наверное, не сгорим». «Лучше выносите», — посоветовал я им тогда. Они быстро повернулись и пошли домой.

3 часа 30 минут дня. Начало гибели Миссии. Крыши стоят обнаженными от черепиц. А доскам уже под 47 лет. Насохли. Жар от надвигающегося пожара невозможный. Смотрю на крышу трехэтажной библиотеки. «Владыка, видите, — сохнет, пар идет», — говорю я. «Не пар, а дым. Загорается». — «Да нет же. Ни искры, ничто на крышу не

падает. Это, вероятно, пар». Но спор наш не продолжался. Крыша решила его. На наших глазах она моментально вспыхнула. Самовозгорелась от жары. Через 5 минут пламя 2–3-саженной¹³ высоты уже пожирало крышу.

Тушить пожар? Но чем? Воды нет, лестниц нет, людей нет! А в это время как раз пробежал с криком городской, после него заскрипели телеги, задвигались люди. Шум, крики, плач. Улицы быстро опустели. Куда все двинулись?

«Я не беспокоюсь за библиотеку, — говорю. — Правда, в ней до 11 000 томов книг. Но покойный архиепископ говорил, что в ней «гореть нечему»: стены кирпичные, окна стальные, стекла — в 2 линии, в окнах железные ставни (все были закрыты), полы внизу из плит, на 2 и 3-м этажах бетонные, потолки бетонные. Горит крыша, — но крышей пожар и закончится». Так верил я.

4 часа дня. Вокруг Миссии пусто. Конечно, еще трясет. Но на это уже не обращаешь внимание: всё-всё кругом тебя горит. Горят nanoшенные в миссийский двор «татами», одеяла, шкафы, столы. Горят газеты, горит одежда. По двору пройти трудно, чтобы самому не загореться.

К 90 градусам Фаренгейта прибавилась жара пожара. Дышать трудно. Голова кружится. Из глаз льются слезы из-за жары. Впереди — неизвестность. Что предпринять?

Налетел вихрь, вроде смерча. Полетели к небу горящие газеты, одежды. Догорая, падают вниз и поджигают в новом месте. Пожар двора расширяется. Что делать? Куда приткнуться, чтобы не сгореть? Уже под фисташковым деревом, конечно, пусто!

4 часа 30 минут дня: пробегает городской. Голова повязана мокрым полотенцем. «Если есть еще кто — торопитесь. Огонь охватывает кольцом. Пока еще есть выход в восточном направлении». И опять — никого! Что делать?

Посоветовались мы втроем (я, Преосвященный Михаил и М.М. Бергер), было 4.30 дня. Решили: всё оставить на волю Божию, а сейчас немедленно бежать,

чтобы не быть изжаренными. К счастью, тогда мы еще ничего не знали о колоссальных цифрах раздавленных в 12 часов дня. И, конечно, и в мыслях не имели, что много десятков тысяч народа стогорит сегодня ночью. Посмотрел я на часы: 4.30 дня. Перекрестился, и, спускаясь по южной лестнице, мы трое оставили Миссию, направившись сначала на восток. Слуга мой задержался; нагрузил на плечи тюк «лучшего» имущества и после побежал в другом направлении; по пути тюк бросил, чтобы самому не сгореть.

Спускаемся на улицу «Авадзи-чо»: в северном направлении — море голов, все бегут, ясно, в парк Уэно¹⁴. «А не бежать ли нам против течения? На юг? В Посольство?»¹⁵ — предлагает М.М. Бергер. Идея понравилась. Переменили направление.

Выходим на «Огавамацци», — впереди, в сторону «Суругадай-сита», всё в пламени. Свернули налево на «Митосирочо»: выхода из нее впереди нет — около «Кандабаси» всё пожирается огнем. Пройдя немного вперед, свернули направо, надеясь выйти на «Нисики-чо»¹⁶, но она уже вся в огне. Опять свернули налево, в какой-то узенький переулок. Народу — полно. Стоят телеги с имуществом. Двигаешься с трудом. Наконец остановились. Не прошло и 5 минут — крики отчаяния: «на 2-м этаже загорелось!» Рядом с нами огонь! Через телеги, по вещам, поспешно бежали мы. Куда придем? Не знаем. Только бы не в огненный мешок! Наконец, выбрались ко рву около «Хитоцу-баси». Пот льет ручьем. Ноги едва держат. Томит жажда. Обтираемся платками. Но они уже стали черными. Вот парикмахерская. Открыта. Стоит графин с водой. Зашли. Хозяйка с какою-то особой любовью напоила нас водой.

Мост «Хитоцу-баси» дымится, но огня еще не видно. Перешли его. Оказались за старинной каменной стеной. Налево еще не загоревшееся Министерство народного просвещения. Обсерватория: часы башни показывают 11 часов 58 минут: стоят.

Идем вперед. Направо ров дворцовый. Налево Министерство внутренних дел: горит. Министерство финансов: горит. Нам нужно успеть проскочить, не загоревшись. А дорога вся в трещинах, правда неглубоких, не глубже 1–2 аршин и не шире 1 фута¹⁷, пошли. Или, вернее, побежали — не упомяну. «Я устал, присяду», — заявляет Преосвященный Михаил. «Если сядете — сгорите. Видите, уже близко Дворцовая площадь? Бодритесь». Опять побежали. Наконец-то вышли из полосы огня. Лежат камни, приготовленные для ремонта моста. Сели мы на них и отдохали минут 15. Теперь ведь мы на безопасной площади. И до Посольства не так далеко.

Плетемся по Дворцовой площади. На ней уже собирается народ, но еще мало. Видны телеги. Но нет ни палаток, ни шалашей, ни, конечно, бараков. Подходим к Министерству иностранных дел, у колодца масса народа. Качают воду помпой и пьют. Оказывается, всю воду уже выпили. В 6 часов мы вошли в посольские ворота.

И здесь полуразрушенье. Черепица с крыш на земле. Труба парового отопления упала. Дом в трещинах. Небезопасен для обитания. Все уже расположились в посольском саду, куда вынесена и мебель. Мы встретили 2-го секретаря барона Бера¹⁸, от него получили по несколько глотков воды: всё, что оставалось в графине.хлопотал много драгоман М. Рамминг¹⁹. Посоветовавшись с посольскими, мы решили: здесь пока и расположиться. Есть скамейки, где посидеть. Есть и лужайки, где можно лечь без опасности быть раздавленными падающим домом. И гигиенически лучше, чем с сотнями тысяч в парках.

Наступил вечер. Но не стало темно. Картина получилась теперь ужасающая. Дым, поднимающийся к небу облаками, всяких цветов до ярко огненного включительно, закрывает от нас горящий город. Летят искры, летят горящие предметы: бумаги, материи, тонкие доски. Среди них безумно мечутся голуби. Слышны из полосы пожара взрывы. Что это? Газолин? Лаборатории? Бомбы? Саперы?

А вдруг сторит и Посольство? Вот рядом, через узкую улицу, уже загорелись дома. Опасность велика. А воды нет. М. Рамминг вооружил многочисленную прислугу какой-то высокой толстой травой. Люди бегали и забивали на траве и на крышах падающие предметы. А тут еще на счастье прибыла пожарная труба: оказалось, что пожар русского Посольства неминуемо повлек бы за собою пожар дворца Касумигасеки²⁰. Из какого-то старого колодца качали воду и — не тушили пожар (силы у трубы на это не было), а лишь заливали летавшие искры. Эта борьба продолжалась до полночи. «Теперь не сторим!»! А ноги уже отказываются стоять. Необходимо где-нибудь протянуться; и если не заснуть, то хотя бы полежать. Но где?

Площадки широкие. Есть горочки, на них кустики азалий. М. Рамминг дал какой-то старый ковер. Принес подушечки с диванов. Легли вповалку мы трое. Недалеко от нас расположились и посольские хозяева. Налево вдали уже лежит многочисленная прислуга. Первый раз в жизни спал я на траве. Да и спал ли? Смотришь на пылающее небо и думаешь: что это? Не светопреставление ли? А толчки подземные постоянно. За ними доваливается черепица с крыш. Вот что-то село тебе на лицо. Смотришь: сторовшая бумага. В голове же думы, думы, думы. Что Миссия? Но усталость взяла свое. Я забылся.

Ночью видел сон: кто-то на меня напал, я от кого-то бежал. Раскрыл глаза: рассветает, уже 5 часов утра. Мои соседи спят. Я встал и, не давая себе отчета что я делаю и хватит ли у меня на это сил, один побежал в сторону Миссии. Ни огня, ни дыма в северном направлении уже не было. У ворот, помню, увидел спящими на траве супругов М-ч.

Дворцовая площадь полным-полна. Встречаю незнакомого католического миссионера с узелком: «Вот всё, что спас; иду в Секигуци²¹, может быть, там всё цело». И я ему, показывая на себя, сказал: «*Omnia mea mecum porto*» (всё мое несу с собою), и есть ли у меня сверх этого еще что, — пока не знаю».

И это была правда: сапоги на ногах, шляпа на голове, платок в кармане, нижнее белье да подрясник — вот моя собственность сейчас. Смутно я уже чувствовал то, что через 20 минут увидел: ведь впереди, сколько глаз видит, всё было выгоревшей пустыней. Вот «Канда-баси»²². Мост уже сгорел. Солдаты протянули веревку и никого не пропускают. Остались лишь торцы среди рельсов трамвая. Увидели меня: «Николай? Как жалко, что сгорел! Пожалуйста, проходите». Впервые я здесь от солдат услышал, что мы погорели. Перешел то, что осталось от моста. Иду по «Митосирочо». Сворачиваю на «Огавамачи». Отсюда — на участок графа Тода, церемониймейстера Двора: всё, всё везде выгорело. Столбы еще догорают. Проволоки еще горячи. А вот и то, что от нас осталось! В 5 часов 45 минут утра 2 сентября я снова пришел домой, но уже на свежее догорающее пепелище.

У западных ворот встретил отца Романа Циба²³. Оказывается, он задержался во дворе Миссии, спасая свои шкафы. С ним задержался и сторож Имаи. Оба остались живы. Но когда загорелся собор, дома, где они спасались от огня, — они установить не могли; говорят только одно: «И здесь стоял, и туда, кажется, бежал». Ясно, что они были полоумными во время пожара.

Библиотека... Глазам своим не верю: 3-й этаж весь выгорел полностью, сгорели все полностью и 11 000 книг, и миссийский архив. Рамы и ставни выпали из своих гнезд. Оказалось: почему-то покойный архиепископ Николай устроил в библиотеке всё несгораемым, кроме потолка 3-го этажа: он был деревянный, подбитый снизу волнистым железом. Уж не думал ли он, что пожар может начаться только снизу? И еще: крюки железных ставней вбиты в деревянные кирпичи.

Но 2-й этаж (богослужebные книги, издания Миссии и дубликаты) и 1-й этаж (проповеднический зал) не сгорели.

Сгорела библиотека. Но напрасно считают нашу погибшую библиотеку «драгоценной». Достаточно назвать ее: «приличная, ниже среднего». Одно уже то, что она не

купленная, не нарочито подобранная, а случайно собранная от благотворителей, говорит, что это была за библиотека. Японских книг в ней не было. Из прочих книг — половина книг светских. Из духовных — было много журналов. Но среди книг почти ничего не было нового. Как правило, книги ведь не выписывались! И найти что-нибудь новенькое по богословию или другим отраслям знания нельзя было. Но диссертации аккуратно приходили, так как покойный владыка был почетным членом всех четырех академий²⁴.

Оба миссийские дома сгорели дотла. Еще догорали балки, на коих лежали стропила крыши. Под моей квартирой еще тлели бумаги: это догорали мои книги и труды моих 15 лет жизни в Японии. Сгорел труд, приготовленный уже к печати: «Сто лет христианства в Японии, 1539–1637». Сгорело 500 экземпляров (всё издание полностью) изданных мною «Материалов к истории Егорьевского Лусского погоста XV–XVII ст.». Сгорел готовый уже на 90% капитальный мой труд: «История Новгородской области XV–XVII ст.»²⁵. Да мало ли сгорело! Лучше не бередить раны! Еще не стары они. Легко и заплакать, как горько я заплакал тогда, найдя только пепел, еще не потухший, не остывший. А я сидел вечерами, ночами. А я-то тратил деньги, выписывая материалы из московских архивов (МИД и Минюст)!

Собор... И он сгорел! Я вошел в него северными дверями; западные двери и паперть были завалены развалинами колокольни. Уже ни дыму, ни чада. Вот догорает над южной дверью рама иконы. Во всем соборе не осталось ни вершка несгоревшего дерева. А было его много: восьмивершковые балки, везде вершковые полы, дощатые обшивки сводов потолка и купола, деревянные полы и лестницы на колокольню, деревянный трехярусный иконостас. Деревянный шпиль. В таком величественном соборе и столько горючего материала! Как будто нарочито были собраны подтопки.

Железные каркасы купола от жары размякли и обвалились внутрь собора. Колокола (1-й в 180 пудов, 2-й в 90 и т.д.)²⁶ расплавились полностью. Металлическая и

серебряная утварь вся или расплавилась, или сильно повреждена. Облачения, митры — всё сгорело.

Велик ли убыток? Колоссальный! Конечно, золота в соборе не было, кроме одной панагии. Бриллиантов не было; ведь бриллианты на орденах архиепископа Николая едва ли бриллианты! И облачений, митр «драгоценных» не было; но дорогие всё-таки были. Но колоссальность потери нужно измерять не стоимостью вещей, а тем, что всё это 30 лет, с 1892 года выпрашивалось, собиралось, тщательно хранилось; что всё сгоревшее — жертвы, «сердца» добрых благодетелей. И вдруг, в один вечер — от всего не осталось ничего. Поистине, огонь произвел такое «полное изъятие соборных ценностей», пред которым бледнеют пресловутые изъятия в России. Постоял. Поплакал. Но: «Господь дал, Господь и взял. Господь же даст и вторично», — сказал я себе и пошел далее по миссийскому двору.

Пни сгоревших деревьев. Здесь лишь обгоревшие стволы. Там только засохшие листья. Сила огня, видимо, была разная. Вот сдохшая собака лежит рядом с несгоревшим бамбуковым забором. Но, опять трясет! Нет, прекратилось. Иду далее: сторожка цела, не сгорела. Значит, владыка Михаил не погорел. Будет рад. Отца Серафима не видно. Кладовка со сломанными стульями, со старыми диванами, с прогоревшими печами, с подтопками цела. И другая сторожка цела. В ней жил мой слуга. Не погорел бы, если бы не взял с собою тюка «лучших вещей». Сгорела дотла семинария, женское училище, 3 деревянных дома служащих. Странно: сгорело всё капитальное; но осталось всё ничтожное, низенькое, малоценное. Ясно: сила огня при страшном ветре шла выше этих малых строений.

Встретил бабушку Акилину, еще 2–3 человека. И с сознанием «нищего» пошел с пепелища в Посольство. Всё я потерял: иконы, книги, труды, одежду, обувь, дома, библиотеку, школу, собор. Но не потерял одного: веры в Бога.

И часто, идя обратно, я повторял без ропота, но с благодарным сердцем: «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя»²⁷.

А если Бог сохранил меня и продолжил мне жизнь, пусть она отселе будет жизнью, достойной своего имени. Много продумал я в эти минуты и решил: «Вперед — свои силы и труды, пока хранит меня Бог, только для Бога, для ближних, только для проповеди, для возрождения и материального, и, прежде всего, — духовного».

Обратная дорога оказалась для меня труднее утренней: мост «Канда-баси» за этот час уже сгорел. Пошел я направо к мосту «Хитоцу-баси», но здесь, по дороге, горел еще склад дров. Как пройти? Налево ров, вода, направо — огонь. Стою... Стоит в раздумье и японец какой-то. Смотрю: он свое кимоно закидывает со спины на голову, бежит и благополучно пробегает.

Exempla trahunt (примеры увлекают). То же проделал и я, воспользовавшись своим подрясником. Благополучно перешел я далее и через горевший мост.

В начале 8-го утра возвратился я в Посольство. «Сгорел собор», — с горем говорю я. Но, увы, к счастью не член Посольства, мне отвечает: «Так и быть должно: нет России — нет и собора». Меня поразил холод, с которым это было сказано, и горячо возразил: «Причем же тут Россия? Да, России сейчас нет, но есть Японская Церковь, и, значит: будет собор». «Ну, что ваша Японская Церковь может!» — продолжает. «Поживем — увидим», — отвечаю.

Весть, что сторожка не сгорела, была, конечно, очень радостной для Преосвященного Михаила.

Нужно умыться. В чём и чем? Таз дали посольские. Воды достали из старого колодца соседнего бывшего итальянского посольства (стена, отделявшая посольства, к нашему удобству, упала). Умылся. Но чем утереться? Увы, наши носовые платки были черны. Да и мы-то сами! Будто из каменноугольных шахт вышли.

Наварим чай. Чай и посуду нам ссудил милый М. Рамминг, чайник железный получили от посольского сторожа. Но на чем будем кипятить воду? Где угли?

«Вот, нашли о чем говорить! Всё Токио горит, а у них углей нет», — говорит В.М. М-ч. Берет он большой железный таз, переходит улицу и возвращается торжествующим с полным тазом дымящихся головней и горячего угля.

Чай готов, но вода! Нужно было ждать 10 минут, пока «чай» отстоится и на дне стакана уляжется на палец на два грязь. Но делать нечего, пили. Всё-таки лучше, чем ничего. Об обеде, даже о куске хлеба и речи не было: провели воскресенье 2 сентября, ничего не пожевав. На улицах-то солдаты раздавали народу что-то. Ну, а здесь посольская экстерриториальность. Из-за нее и голодаем.

Ровно через 24 часа, в полдень, снова затрясло так, что волновался сад посольский. Оправдалось то, что я где-то читывал: через сутки бывает сильный *aftershock*.

Все мы трое, товарищи по горю, после полудня пошли в Миссию. Я взял там свое — а его было так мало. Преосвященный Михаил отобрал только нечто из своего. Прочее доставили дня через три телегой в Харадзюку²⁸. Часа четыре мы ходили кружной дорогой около Дворца. Усталыми возвратились в Посольство вместе с посольским протоиереем отцом П.И. Булгаковым²⁹: его мы встретили вблизи Миссии.

Возвратился из Никко³⁰ хозяин Посольства, 1-й секретарь Д.И. Абрикосов³¹. Стало как-то увереннее. И культурнее. Пили чай, да еще с бисквитами.

К вечеру усталость взяла свое. Но, увы, появилась масса комаров (бич Японии). Лицо я защищал своей шляпой, руки спрятал в карманы. Но комары ели нас беспощадно. Было темно. Пожары продолжались, но уже далеко. Электрического света нет. Жутко. Временами появляются таинственные «скауты» с фонарями и палками. Часто трясло, толкало. Но спали все, спал и я. Конечно, опять на траве. Проснулись утром совершенно изъеденные комарами.

Понедельник 3 сентября; с утра — серо, потом — дождик. Я ходил по соседним улицам. Вот тележки сгоревших на путях трамваев. Здесь еще горят склады. Там кто-то что-то раскапывает. Люди тащат за собой листы полусгоревшего железа, из них строят себе шалаши. Конечно, нет трамваев. Но куда-то мчатся грузовики. Никто ничего не знает. Газет нет: все сгорели. Телеграмм не принимают: провода не действуют. Работают солдаты, ставят временные столбики, натягивают провода, перекидывают временные пешеходные мосты, расчищают улицы.

Ели что-то под гордым названием «суп из грудинки», устроенный вскладчину, по 2 иены с лица. Казалось, очень вкусно. Но грудинка никак не хотела быть разжеванной зубами. «Я всё равно буду глотать: проголодался», — говорит Преосвященный Михаил.

Вечером меня нашел молодой христианин Макарий С-ки, и от имени своего отца предложил в их новом доме комнату. Но, я, ведь, «сам четвертый»: в одну комнату не уместимся. «Есть у отца и дом, почти уже сданный; если завтра придете и успеете, может быть, отец сдаст его вам»; я записал адрес и обещал завтра к 11 часам утра быть у них.

Добрая матушка С.М. Булгакова⁵² принесла узел носильного белья, и даже пёстренький старый подрясник. Их руками Бог опять начал возвращать мне огнем у меня взятое.

На травке сыро. Где спать? В дом идти? Страшно! Никто не идет. Отвели нам галерею канцелярии. Но пол каменный, старый, уже выбитый. Есть ямки. Легли. Больно, никак не улежать на камнях. Плохие мы подвижники! Да и постоянные толчки, трясения. Страшно, не заснуть. Делать нечего: вышли опять на травку, опахали руками сырую траву, легли теперь покрывшись сверху ковром. К счастью, и дождик успокоился: изредка шел, но мелкий, и еще ночь провели на траве. И слава Богу! Остались живы и здоровы.

Во вторник 4 сентября я пошел по данному адресу: Аояма, Харадзюку 198. Жарко. Далеко. Верст 6. По пути

пристал какой-то японец с чугунным котелком в руке. Возвращается с пожарища, где что-то раскапывал к себе в загородный дом. Разговорились. Договорились даже до общих знакомых. Он проводил меня до самого дома № 198. Но по пути на 2–3 минуты исчез в аптекарском магазине. Жду. Смотрю: выходит он с раскупоренной бутылкой кислого красного вина (Medoc): «Выпейте сейчас, у Вас очень истомленный вид». Язычник ли это? Да! Миллионы таких некрещеных, прекрасных в душе, по сердцу христиан, переполняют сейчас милую Японию.

Гордий и его жена Акилина С-ки приняли меня, что родного отца. Я обтерся у них в ванной комнате холодной водой из колодца. Вымыли они мое белье, а я пока сидел в длинной рубашке Гордия. Первый раз я тогда по-человечески ел: жидкий рис, какой-то суп; и пил стакан красного вина, подаренного мне Богом посланным спутником. Даже ел арбуз. Таким лукулловским обедом казался мне тогда этот скромный беженский обед. А хозяйева ведь тоже «погорели», потеряв одного сукна на 35 000; но случайно купленный ими большой японский дом, переделанный теперь на 3, помог им лишь одну ночь провести на улице и поселиться опять у себя дома.

«Я счастливейший из миллиона погоревших», — не скрывал правды хозяин. Договорились. Я снял у Гордия не одну комнату, как предлагал сын, а один из его трех японских домов. И с сознанием, что и для меня опять есть моя крыша, под которой хозяин, я возвратился в Посольство.

Вечером того же 4 сентября мы четверо: я, Преосвященный Михаил, М.М. Бергер и повар-слуга, прибыли в № 198, Харадзюку, Аояма.

Темно. Электричества еще нет. А свечей нигде не достать. Хозяйка дала 3–4 длиной в полтора вершка: такие только нашлись в лавке. Зажгли. Огляделись. «Работать» нечего. Сидеть не на чем. Решили лечь спать. Прямо на полу. Было 10 часов вечера. Легли. Прошло 20 минут: трясет. Еще 20 минут — опять трясет. Еще 20 минут — залаяли собаки,

затрясло. Жутко! А мы сняли было сапоги. «Оденем опять на всякий случай». Одели сапоги, легли. Опять трясет и трясет! Уже за полночь. Встали. Вышли в вестибюль дома, сели на каменную ступеньку и горюем свое горе. До 3 часов ночи насчитали 16 трясений. Но утомились, снова легли, и землетрясения кончились, т.е. мы заснули. В 6 часов утра я встал: трясет. Это 17-е. Начал мыться, толкнуло так, что водой меня оплескало: 18-е. Просыпается Преосвященный Михаил: как раз затрясло. «17-е», — говорит он. «Ошибаешься, — говорю, — по крайней мере, с 6 часов — 3-е, а после вчерашних — 19-е. А сколько мы проспали толчков!» Него-степриимно в этом отношении меня встретил Харадзюку.

5 сентября я купил на улице три тарелки глубоких, три мелких, три ложки, три ножа, три вилки, 6 чашек чайных, чайничек.

Нас зарегистрировали беженцами и зачислили на паек, который мы получали в школе Омбара, пока я не нашел возможным от него отказаться. Картофель, лук, рис, мясные консервы, рыбные консервы — вот что чаще всего давалось. Хлеба не было. 1-й раз я его получил (1/4 фунта) из Осаки. Нарезали мы его тонко-тонко и с каким аппетитом съели, по несколько ломтей.

Жизнь не сразу, но постепенно упорядочивалась. Одновременно выяснились и публиковались и все те сотни тысяч жертв, о коих мы только догадывались, судя по фотографиям, продававшимся «из-под полы». На сем я и кончаю «повесть скорбную о трусе великом и пожаре», коими были уничтожены три четверти столицы Японии.

В Токио осталась несгоревшей деревянная, в японском стиле, Богоявленская церковь в Ёцуя (Укёо-мацц № 26)³³; туда я и ходил к службам в воскресные и праздничные дни. А в октябре мне привезли из церкви Осаки хранившееся там облачение, орлецы, митру, посох, дикирий и трикирий, и я получил возможность сам служить в этой церкви. 10 октября уехал в Харбин Преосвященный Михаил. Еще раньше его уехал в Кобэ М. М. Бергер.

Постепенно меня одевали: церковь в Осаке сшила мне осенний подрясник и верхнюю рясу; бывшие ученики семинарии и женского училища тоже сшили подрясник и рясу; из церкви Химедзи прислали одеяло; из церкви Такасаки прекрасные спальные принадлежности; из Сеула разное белье. А в половине октября восстановилось сообщение с западом, и слуга привез с миссийской дачи много, даже самовар.

20 октября 1923 года состоялся экстренный Собор Японской Православной Церкви. Постановили: возродиться.

Для этого, по моей идее, продали в г. Мацуяма (остров Сикоку) 294 цубо³⁴ земли за 15 000 иен.

На эти деньги построенную там в 1908 году в память умерших пленных церковь разобрали (в городе не было наших христиан, и церковь после революции 1917 года из-за безденежья «стояла без пения»), погрузили на пароход; в Кобэ перегрузили на поезд, доставили в Токио, в Суругадай.

13 февраля 1924 года я произвел закладку этой церкви, через два месяца уже освятил ее во имя святителя Николая. Наш собор ошибочно называли S. Nicolas Cathedral (Николаевский собор), а собор был Воскресенский. Вербное воскресенье и Пасху мы уже встречали в Свято-Никольской своей церкви. Цены в то время на всё были безумно высокие, например, плотник 4 ½ иены в день; и все полученные за землю 15 000 иен ушли на перенесение церкви.

Всю весну ремонтировали миссийские дома, срыв разбитые 2-е этажи и уничтожив приведенное в негодность северное крыло главного дома с бывшей Крестовой церковью и с квартирой покойного архиепископа Николая. 2 мая, в пятницу, на Пасхе, проведя 8 месяцев в Харадзюку, я под трезвон Свято-Никольской церкви возвратился в Миссию, в свою скромную квартирку, еще не законченную. Не было еще стекол в рамах.

В июне месяце я насадил небольшой садик перед окнами архиерейской квартиры; пыли стало меньше.

С 1 сентября 1924 года я предпринял подомовный объезд всех православных Японии; ездил я с сентября 1924 года по июнь 1925 года, с сентября 1925 года по июнь 1926 года, с сентября 1926 года по июнь 1927 года. Объехал всё. Остались Курильские острова, Сахалин, Формоза. Только <...> принимали меня, как ангела Божия. Я обильно учил, утешал. Благодать Божия возродила сердца православных, убедившихся, что сердце Церкви — Миссия, Суругадай не парализовано, а живет. Это было хорошей подготовкой к сбору денег на собор.

Весной 1925 года на выданную Министерством внутренних дел сумму в 15 000 иен отремонтировали библиотеку, уничтожив 3-й этаж. Приведенные в порядок дубликаты (хранившиеся в несоревешем 2-м этаже) уже составили библиотеку в 3 000 томов.

Весной 1925 года Министерство внутренних дел выдало пособие в 8 000 иен для возобновления деятельности «Кёодзюцу-кай» — Православного благотворительного женского общества. Выдавая эти два пособия, МВД поставило два разумных условия: а) библиотеку сделать «общедоступной» для всех желающих пользоваться ее книгами; и б) деятельность Благотворительного женского общества не ограничивать сурово и строго рамками православных клиентов, помогая, когда нужно, и язычникам.

В июле 1926 года Собор Японской Церкви постановил начать сбор денег на ремонт собора по смете в 240 000 иен. С 1 сентября 1926 года по июль 1927 года собрали 55 000 иен.

В июле 1927 года Собор Японской Церкви постановил начать ремонт собора, выделив из всей сметы часть работ, в сумме 73 000 иен. 15 сентября состоялись первые торги. Работы сданы за 68 300 иен компанией «Симидзу-Гуми». Совершили молебен в соборе перед началом работ. Первая телега с лесами прибыла в Миссию 27 сентября; первая чаша бетона была опущена на крышу 29 октября. Жертв собрано до 85 000 иен.

В 1928 году осенью сдали 2-ю часть работ за 32 000 иен. Деньги, потребные для этого, заимствовали из оборотных сумм Миссии.

В январе 1929 года Консистерия и Строительная комиссия просили архиепископа лично выехать по церквам по сбору пожертвований. Мною было сделано 22 выезда. Посещены японцы даже в Маньчжурии и Корее. Принимались многие и другие меры. По сбору денег были удачи; были и неудачи. Но Бог утешил, и нужные 57 000 иен мною были собраны. Не добрал только 2 500 иен, каковую сумму временно одолжила церковь города Сендай.

В ноябре подрядчик прибежал к ночным работам, увеличив количество своих рабочих. Общими усилиями к 14 декабря весь ремонт и вся реконструкция собора были закончены, и Японская Православная Церковь получила возможность торжественно освятить собор в назначенный мною день 15 декабря 1929 года. О сем торжестве и будет далее повесть моя.

I.

Ожидая большое скопление христиан из провинции, православные японцы, живущие в Токио (а их 550 домов, 2002 человека), решили содержание их принять всецело на свой счет. Быстро собрали между собою до 1 900 иен. Сняли помещение в здании Общества молодых людей, отдельно для мужчин, отдельно для женщин. Назначили ответственных распорядителей.

Декабря 12, 13 и 14 со всех четырех станций Токио начали прибывать дорогие гости. Из занесенных снегом деревень и городов по берегу Охотского моря (Абасири, Сяри), из других пунктов далекого холодного Хоккайдо (Хакодате, Саппоро, Куширо, Немуро) прибывшие христиане поразили всех своим усердием. Как раз с противоположного конца Японии, с острова Кюу-Сюу, еще цветущего в декабре, прибыли богомольцы из Нагасаки, Кокура, Янагава, Хитоеси, Юномае, Кагосима, закутанные в вату северяне, одетые в

шелка южане; одни обожженные морозом, другие — всегда смуглые от солнца, с разным говором, разделенные между собою большим расстоянием (до 96–100 часов экспрессного пути), теперь объединились на одной задаче: помолиться на освящении собора, и слетелись в один центр с разных концов Японии.

Токусима на острове Сикоку; Ёнаго, Майдзуру, Аки-та — с берегов Японского моря; Хиросима, Окаяма, Химедзи, Кобе, Осака, Киото, Нагоя, Оказаки, Ханда, Какегава, Тоёхаси, Хамамацу, Сидзуока, Мисима, Сюузендзи, Готемба, Одарвара, Ёкосука, Ёкохама — все с линии Токио — Симоносеки; Хациоодзи, Буси, Коофу — с центральной линии; Циба, Нанае, Тега — из соседней губернии Циба; Такасаки, Маебаси, Асикага, Меурия, Уцуномия, Канума, Касасуяма, Бато, Сиракава, Вакамацу — с северных губерний; Сендай, Исиномаки, Наканида, Цукидаке, Вакуя, Санума, Каннари, Ивадеяма, Оохара, Иваядо, Мориока — северо-восточные города и деревни. И даже Кесеннума, Сакари, Ооци, Ямада с далекого северного побережья Тихого океана. Все послали своих представителей. А ближайšie общины прибывали большими группами.

Приветствовались взаимно. Поздравляли друг друга с великим торжеством. Несли подарки к празднику, и нанесли до 1 000 иен. Заходили к архиепископу за благословением. И, вместо поздравления, плакали слезами радости. О, если когда, то в эти дни прилично было воспеть: «Возведи окрест очи Твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к Тебе, яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки». И воспели во время всенощной 14 декабря, накануне освящения.

II.

Духовенству и катехизаторам Японской Православной Церкви были посланы приглашения: по возможности, прибыть на торжество освящения собора в Токио. Но «дорожных» никому не посылалось, так как с весны 1918 года

все японские приходы в материальном отношении самостоятельны, духовенство и катехизаторы (проповедники), церкви и молитвенные дома, — все содержатся местными общинами.

Кроме 6 иереев токийских, прибыло из провинции 21 иерей, всего собралось 27 иереев — японцев (не прибыли, или по дальности расстояния, например, из Формозы, из Дайрена, или по болезни — из Киото, из Одавара, 1 из Токио, или по другим причинам, всего 9 иереев). Из диаконов японцев было на торжестве 4 (3 из Токио, 1 из Сиракава), отсутствовало 2 (всего в составе Японской Церкви иереев 36 в 33 приходах, все японцы, и диаконов японцев — 6). Катехизаторов прибыло только 10, прочие 17, видимо, уступили свое место своим христианам (таким образом, вся сила Японской Церкви состоит из 36 иереев, 6 диаконов и 27 катехизаторов, — всего из 69 человек. По безвременью, и это хорошо. А до октября 1917 года одних катехизаторов было до 120. Впрочем, иереев больше 36 не бывало и раньше).

Из Кобе прибыл настоятель русского Христо-Рождественского молитвенного дома отец Александр Бобров со своим диаконом отцом Василием Чувашевым³⁵, и А.П. Крюков, принешие архиепископу в подарок от русской колонии в Кобе прекрасные настольные часы. Разделить с нами великое торжество прибыл из Кейдзё (Сеул) начальник Корейской Миссии архимандрит Феодосий³⁶.

По особому приглашению архиепископа из Харбина прибыли Преосвященный епископ Нестор, представитель монашества — архимандрит Ювеналий³⁷, собрат-миссионер протоиерей отец Аристарх Рафаилович Пономарев³⁸ (член Московского Собора 17–18 гг.) и протодиакон Прокопий Маковеев³⁹.

Итак, архиепископ — 1, епископ — 1, архимандритов — 2, русский протоиерей — 1, русский иерей — 1, русский протодиакон — 1, русский диакон — 1, японских протоиереев и иереев — 27, японских диаконов — 4, всего 39 человек. «Собор мног зело» собрался ко дню освящения собора.

III. Всенощное бдение

Величественный собор. Высота от пола до купола 85 футов (14 сажень)⁴⁰. Правильная форма креста с неширокими крыльями. В западном крыле на высоких колоннах — хоры, в северном крыле, наверху, устраивается придел святой равноапостольной Елены (имя жертвовательницы); в южном крыле наверху устраивается придел преподобного Сергия, игумена Радонежского, чудотворца. Иконостас — одноярусный, по рисунку христианина Сергия Кавамура, резной, выкрашен в 2 краски эмалированные — белую и бирюзовую. Иконы, прекрасно исполненные вдохновенной кистью художника-иконописца Ник. Ст. Задорожного⁴¹ (Харбин, Новоторговая, 23), копии с икон Васнецова (Спаситель и Богоматерь и два шестокрылых Серафима), Нестерова (Воскресение, Рождество Христово и Крещение Господне) и Сведомского (Воскрешение Лазаря). Царские двери низкие — по плечо иерею. Над царскими дверями художественно вышитая шелками «Тайная Вечеря» (работы Е.А. Цуй). Электричества нет: душа любит молиться в полусвете лампадок и ликовать с восковой свечечкой в руках. В собор легко поместится внизу 2000–2500 человек, да наверху — человек 500–700.

Ровно в 6 часов вечера раздался звон колокола. Стопудовик. Старик. Иеромонахом Владимиром⁴² (ныне архиепископ) выписан из Москвы в 1884 году для церкви миссийской дачи в Хаконэ⁴³. За разрушением церкви долгое время стоял на земле. В 1916 году послан в церковь Хакодате. В 1929 году, в январе, обменян Миссией на 6 своих колоколов весом в 30 пудов и поднят на новую колокольню. Исключительно чистый, бархатистый звон его заставляет забывать старые, расплавившиеся в пожаре 1 сентября 1923 года колокола. Трезвон. Еще 5 колоколов, в марте 1929 года полученных из Польши. На половину — жертва Польской Церкви, на поло-

вину — приобретены на деньги, «напетые певчими» здесь. В общем, около 145 пудов гармонично подобранных колоколов извещали всему Токио: «У „Николая“ торжество». И все радовались. И язычники радовались: «Опять раздался звон Николая». А в бывшей России колокола снимают, колокола переплавляют. Что это? Или мы в Японии отстаем от «века сего»? Но, кажется, Японию справедливо признают перво-классной, культурной державой. Или «они» закусили удила и «несут»? Несут для того, чтобы расшибиться о первую тумбу или опрокинуться и разбиться на повороте.

Всенощную совершает кафедральный протоиерей с сослужащими, посреди собора; голос протодиакона Маковеева «великий», но для собора как раз в меру. Все богомольцы стоят, как в Пасху, с зажженными свечами. А богомольцев до 1000 человек — собор не был наполнен вечером. Много было иностранцев.

Пели два хора — наш соборный и хор Богоявленской церкви в Ёцуя (Токио). Соборный хор пел прекрасно. Японцы и японки, чиновники, служащие, студенты и вообще учащиеся. Все «любители», до 40 человек. Чудные сопрано, прекрасные альты, хорошо спевшиеся тенора, не отстают и басы, помогаемые Андр. Сем. Беляевым⁴⁴, псаломщиком Миссии, и Алекс. Ник. Капустиным. Конечно, японцы и ноты теперь легко разбирают и читают, и в гаммах толк знают. И всё же талантливый регент, фанатик своего дела Викт. Алекс. Покровский⁴⁵ с 1924 года делал и делает колоссальную работу, не щадя своего здоровья. Имя его будет записано в историю музыки в Японии. Соборный хор не просто поет, а поет художественно, с душой, «с исполнением», без погони за «вибрациями» и т.п. модными вещами. В Миссии теперь можно восхищаться пением и... молиться.

Много порадовали певчие и Богоявленского хора (тоже до 40 чел.), нашедшие в лице бывшего семинариста Евпла Петр. Такахаши прекрасного регента-любителя, не

стыдящегося и поучиться у В.А. Покровского, и заимствовать его переложения.

Несутся в купол величественные унисоны Яичковского⁴⁶ «Благослови, душе моя...» «Слава Ти, Господи, сотворившему вся», громогласно воспели басы. И, казалось, раздвинулся купол и, сей голос: «Слава» вознесся к Престолу, сотворившему собор. Затрепетало сердце, когда запели стихиры Пасхи Смоленского: «Пасха красная...» — как бы звонят радостно колокола голосов. Сердце сжимается от радости, слезы подступают к горлу, ноги дрожат. Бедные нервы. А вот — Строкинское «Ныне отпускаеши» с чудным соло (А.Н. Капустин). Центр пения — «Хвалите имя Господне» знаменного распева в переложении Чеснокова. Специально к освящению переложенное и разученное песнопение, строго церковное, красиво-народное, могуче-музыкальное. Два канона: Христос раждается (Рождеству, на катавасию) и «Воскресения день» (храму: ведь собор-то не «Свято-Николаевский», не S. Nikolas, а Воскресения Христова. А зовут и его, и место, «Николаем», по имени покойного архиепископа Николая, 51 год жившего в Японии, 40 лет жившего в Токио и построившего собор). Великое славословие Архангельского вызывало слезы. Да и всё прочее пето было прекрасно. «Господи, воззвах» и стихиры Архангельского, «Богородице Дево» — его же, «Великая ектения» — его же, «Благословен еси Господи» — его же, «От юности моя» — Вишневого, «Воскресение Христово» — Архангельского, «Величит душа» — Мясникова, сугубая ектения — соль минор, «Взбранной Воеводе» — Касторского.

Как видите, Миссия любит Архангельского. Напевы все русские, но переложены (с приближением на 75–90 %) на японские слова (а их в полтора раза больше, чем русских).

Пение соборного хора было идеально хорошее. Прекрасно помогал ему в простых вещах и Богоявленский хор. Прекрасно отозвался о пении нашего хора протоиерей Аристарх Рафаилович Пономарев из Харбина, сам неподражаемый певец и знаток пения. Вот его слова: «Русская церковная музыка — знакомые, родные напевы. Целомудренные звуки любительских хоров летели ввысь храма. Здесь — не желание сказать приятное — „целомудренные“ звуки. — Нет. Здесь ощущение и впечатление этого чувства от благоговейного, бесстрастного и глубоко молитвенного исполнения певцов и певиц. Здесь не слышно той пародии на колоратуру или сердцещипательного тенора, какие, увы, в достаточной степени бережат религиозное настроение молящихся и несут в этом звукоподражательном моменте не малый соблазн и растрепание духа, невольно поддающегося власти звука и изнеженной гармонии»⁴⁷.

Я глубоко благодарен отцу Аристарху за то, что он почувствовал сердцем то, в чем наш хор научен и что составляет, безусловно, его духовную красоту, его обаяние. То же церковное песнопение, но спетое с приемами театра, сцены, эстрады, отдает кощунством и возмущает душу. В соборном пении этого недостатка нет.

Собор Христова Воскресения. Душа вспоминала Гефсиманию, суд, бичевания, оплевания, злохуления, крест, страдания, смерть, погребение. Но венец всего — «воскресение во славе», и «воскрешение сердец верующих учеников». Праздник. Триумф. Слава.

Пережил и наш собор и «трус» 1 сент. 1923 года, потеряв колокольню, и «огнь» вечера того же дня, пожравший его совершенно. Пережил улюлюканье врагов: «Посмотрим, как-то восстановитесь без России». Слышал полунасмешки безразличных: «Пока еще не поздно, полуразвалины взрываем динамитом бесплатно: после — платить будете». Скорбь, слезы, почти стоны полуотчаяния,

и надежды, скрытые где-то на дне сердца, надежды на что-то неопределенное: не то на богатого американца, не то на щедрого японца-язычника.

Но прошли циклоны. Разъяснела душа. Поняла, что только сам Триумфатор — Христос может воскресить, и только через нас самих, пострадавших, Воскресенский собор. И поняв, душа начала работать с верою во Христа и Его помощь. И не постыдилась. Собор был в 2 года воскрешен к славе силою Воскресшего Христа. С таким настроением сердце молилось во время полупасхальной службы. И когда, по окончании службы архиепископ, обращаясь к молящимся (по-японски), приветствовал их: «Христос воскресе!», все ответили: «Воистину воскресе!» А на 2-й его привет: «Братья, сестры: силою Христовою и наш «собор воскресе!», уже прогремело могучее: «Воистину собор воскресе!»

Во время всенощного бдения, после 6-й песни канона, были заслушаны адреса и приветствия харбинских дорогих гостей и приняты их щедрые дары собору и архиепископу. При прекрасном адресе от Дома милосердия Преосвященный Нестор поднес: от Дома милосердия — образ Всемилоостивого Спаса, от Кружка милосердия — большую металлическую лампаду, от девочек-сирот их работы — священные воздухи, лично от себя — прекрасное архиерейское зеленое облачение и орлец к Престолу. Казанско-Богородицкий мужской монастырь при сердечном адресе поднес через настоятеля отца архимандрита Ювеналия собору большую икону Вседержителя, и архиепископу — иконочку преп. Сергия Радонежского. Трогательный адрес прочитал Преосвященный епископ Нестор «от друзей, в Харбине сущих»; позволяю привести себе его полностью:

«Ваше Высокопреосвященство, высокочтимый, любимый наш Архипастырь и отец. От всей души поздравляя Вас с радостным днем восстановления разрушенного землетрясением собора, мы хотим сказать Вам, что в

Харбине, вдалеке от Вашей епархии, у Вас есть верные, преданные, любящие друзья. Несмотря на разделяющее нас расстояние, мы постоянно чувствуем Вашу отеческую любовь, Ваши архипастырские молитвы о нас, наше постоянное единение с Вами в любви Христовой. И вместе с Вами, дорогой наш владыка, разделяем мы все Ваши горести и радости. Мы от всей души преклоняемся пред Вашими трудами и подвигами. В тяжелые годы страданий нашей общей родной Матери, Православной Церкви Российской, Вы твердо храните верность ей и высоко держите знамя родного Православия в Японской стране. Да пребудет же с Вами постоянно Господь Бог, укрепляющий и дарствующий Вам силы и бодрость. Да расширяется и растет святое дело Ваше, которому Вы отдали столько сил и трудов. И примите от нас, любимый владыка, этот залог нашей любви — святой Крест Христов, символ нашей веры, знамя нашей непобедимой победы. Возложите его на себя и поминайте нас в святых молитвах своих. Ваши духовные дети, друзья и почитатели». 76 подписей, возглавленных именем великого государственного человека, мужа разума и совета, Н.Л. Гондатти⁴⁸. Миряне, духовенство, мужи науки, простецы, люди капитала, смиренные иноки, и мужчины, и жены. Много духовной радости это слово доставило архиепископу Сергию. Спасибо глубокое, великое, горячее.

Отец архимандрит Ювеналий и протоиерей Аристарх Пономарев поднесли собору сооруженные ими для поездки на освящение собора два прекрасных протоиерейских облачения. Ювелир С.И. Сокольников прислал от себя и супруги 2 лампы, Г.Д. Антипас⁴⁹ — два образочка к Царским дверям.

Все дары были принимаемы с любовью: ведь наш прекрасный собор напоминал красавицу-невесту «без приданного» (да и сейчас он еще почти ничего не имеет: пожар в день великого землетрясения 1 сентября 1923 года произвел полное изъятие не только ценностей, но всего, что было собрано с 1861 года). Архиепископ японцам кратко объяснял по-японски: от кого, и что; и, — благодарив, принимал дары.

Любовь деятельная друзей харбинских произвела глубокое впечатление на присутствовавших. Будем верить, что японцы-христиане (еще многому не наученные) получили в этот вечер прекрасный «предметный урок» жертвоводательности.

IV. Освящение собора. Литургия. 15 декабря 1929 года. Воскресенье

Ровно в 7 часов утра начался перезвон на миссийской колокольне. Перезвон был для нас необычный, особо торжественный, оживленный. То звонил Н.С. Задорожный, оказавшийся не только прекрасным художником, но и искусным звонарем. В соборе совершалось водосвятие. А народ, слыша звон, поспешал во двор Миссии и с западных, и с южных, и с северных ворот. Во дворе громадные палатки. Всюду распорядители, плакаты. Палатка Красного Креста. Полиция. Кинематографические машины. Бесконечное количество фотографов. Флаги внизу. Гирлянды флагов спущены по всем направлениям с колокольни. Приближается исторический час. Еще немного — и снова Слава Божия осенит наш реставрированный собор. Но дождусь ли я сего счастливого момента? Меня ли Бог удостоит великой чести освятить дом Его обитания в столице Японии? Трепетало сердце, и до этого уже уставшее за 6 лет после землетрясения. Напоминали о себе и нервы, коим тоже мало давалось отдыха. Но вот и 8 часов утра — час освящения.

Раздался серебристый бархатный бас большого колокола. В комнаты архиепископа пришли отцы архимандриты, отцы протоиереи, в вестибюле епископской квартиры выстроились попарно прочие иереи. На улице собрались катехизаторы, два хора певчих. При начале трезвона певчие, выстроившись попарно, открыли процессию, идя в собор с пением Пасхального канона. Замыкалась процессия епископом Нестором и архиепископом Сергием, «со славою» шедшими освятить дом Божий. Усиленно работали аппараты. Но серая погода и сильный ветер едва ли содействовали успеху снимков.

Входные молитвы, облачение архиепископа на кафедре, епископа Нестора в алтаре. Одел свои священные одежды и старец англиканский епископ Dr. John McKim⁵⁰, большой друг Православной Церкви, покойного архиепископа Николая и мой личный. В чине освящения приняли участие 2 архиерея, 2 архимандрита и 8 старейших протоиереев и иереев.

Архиепископ Сергий делал возгласения и читал 1-ю большую молитву и последнюю молитву по-японски. Епископ Нестор делал возгласения и читал 2-ю молитву по-русски. Обвязывал Престол шнуром протоиерей Аристарх Рафаилович Пономарев. Помазывал стены Святым Миром епископ Нестор, кропил святой водой архимандрит Ювеналий, совершал каждение архиепископ. Святые мощи были приготовлены в Свято-Никольской церкви, куда и пошли крестным ходом с участием в ризах уже всего духовенства. Со святыми мощами торжественно обошли собор и, возвратившись в алтарь, скоро dospели до конца освящения.

Народу было полно. К сожалению, входили и выходили, снова входили и снова выходили. Масса детей. Всё это создавало атмосферу какого-то подавленного гудения. Но с болью в сердце приходилось мириться, ибо в массе не менее 3 000 человек трудно установить нужную гробовую тишину.

Многолетия. Пять многолетий. И пропеты они были соборным хором художественно.

Слава Богу. Совершилось. Отныне мы опять молимся в Воскресенском кафедральном соборе. Цель достигнута. Ноша с плеч пала. Туга сердечная куда-то исчезла. Благодарнейшая благодарность Богу — вот чем жило сердце.

Божественную литургию на новоосвященном Престоле совершили те же лица, которые освящали собор. Прекрасно пели два хора — соборный и Богоявленский. За Великим входом архиепископ поминал поименно Святей-

ших Православных Патриархов: Константинопольского Фотия, Александрийского Мелетия, Антиохийского Арсения, Иерусалимского Дамиана, Сербского Димитрия, Румынского Мирона, Местоблюстителя Патриаршего Престола Всероссийского Митрополита Петра и его заместителя митрополита Сергия. Последние два имени — М<итрополит> Петр и м<итрополит> Сергий — упоминаются в Японской Церкви за всеми службами. Поминование же всех Православных Патриархов производится только в особо торжественных случаях. Проповедь говорил ректор (увы, бездействующей из-за безденежья) семинарии, кандидат богословия И.А. Сэнума⁵¹. Кроме того, всем богомольцам роздана, в переводе на японский язык, содержательная проповедь харбинского миссионера протоиерея Аристарха Рафаиловича Пономарева. Литургия закончилась в 1 час дня.

Всем собравшимся на великое торжество были розданы в коробках японские завтраки («о-бенто»⁵²) по 50 сен (сен — сотая часть иены. — *Прим. ред.*) за коробку. Роздали 2 500 ящичков (на сумму 1 250 иен). И всё-таки было много неполучивших; сами распорядители остались без завтраков; не брали их и большинство русских.

По самому скромному подсчету собравшихся было не менее 3 000 человек.

V. Торжественный Акт

Для отдыха служившего духовенства не было и 1 часа времени. С 2 часов дня снова все собрались в переполненный собор, где с 2 до 4 часов и состоялось «торжественное поздравительное собрание» (Сюкугакай), согласно вывешенной программе. Собранием заведовал И. Сэнума.

Поднявшиеся на хоры певчие стройно спели молитву «Царю Небесный», конечно, по-японски.

Все собравшиеся, — а их было до 2 000, — стоя пропели «Кимигаё» — японский национальный гимн. Не певчие пели — нет: все 2 000 пели, старцы и дети пели. В этом могучем исполнении тысячами в унисон национального гимна чувствовалась та «сила единения», которая создала Великую Империю и которая теперь воссоздала собор. Потерявшим Родину, не имеющим национального гимна некоторым русским патриотам трудно было стоять в эти минуты (а гимн непременно повторяется), и они плакали. Други, будем верить, что и мы запоем свой гимн! И скоро воспоем!

Отчет по постройке (краткий) отца протоиерея Павла Морита⁵³.

За ним назначена речь архиепископа. С утра до вечера хлопоты, суета. Полы, краски, иконы, облачения, утварь, прием гостей, встреча христиан. До речей ли, до составления ли речи было? Но делать нечего — экспромтом архиепископ сказал по-японски речь, которая по русской позднейшей записи была таковою:

«Возлюбленные братья и сестры! Спала с сердца тоска, давившая его с 1 сентября 1923 года! Господу, Благодателю нашему, слава.

Осуществилось то, о чем страшно было и во сне-то мечтать! Мы опять имеем собор: Господу, Благодателю нашему, слава.

Господь внушил Церкви нашей в октябре 1923 года твердую решимость восстановить собор. Ему — слава.

Господь раскрывал сердца ваши и карманы ваши во время сборов на собор с 1925 года по сегодня. Ему — слава.

Господь не отверг наших даров Ему и не возгнушался наших нечистых рук: Ему — слава.

Церковь Японская, познай свое ничтожество и преклонись пред Благодателем, с главы до ног тебя покрывшим милостями. Ему, Ему, нашему Благодателю, и прежде, и теперь, и после в нетленные века — слава и благодарение.

Но глаза мои видят, и сердце мое радостью радуется, что сюда, на наше историческое торжество, притекли чада Японской Церкви от запада и севера, и моря, и востока.

Счастливы вы, братья и сестры, что вас Господь избрал быть орудиями восстановления сего великолепного собора.

Но Господь не насилем брал средства ваши на собор. — Вы свободно, по сердечному расположению, давали — и от избытков своих, и от скудности своей Господу. И я не могу удержаться, чтобы с восхищением не поведать миру о вашем жертвенном подвиге.

Спасибо вам, общины, давшие и раз, и два, и даже три раза.

Спасибо вам, отдельные братья и сестры, дававшие и единожды, и дважды, и трижды.

Спасибо вам, общины, дававшие сотни, тысячи, даже десяток тысяч.

Спасибо вам, братья, сестры и общины, давшие иенами, десятками, сотнями. 5 иен «от сердца» не ниже пред Богом и 5 миллиардов!

Спасибо вам, «безымянные» сотни, безымянные десятки, безымянные полтинники: Бог знает ваши имена.

Спасибо тебе, четырехлетка Давид, давший на собор 2 сена (2 коп.): не беспокойся — собор готов!

Спасибо вам, кои давали и плакали, плакали слезами надежды и радости, или слезами радостной надежды. Утрите слезы свои: вы видите, чем Бог нас благословил. Собор воскрес во славе большей.

Спасибо глубокое и тебе, русская святая душа, которая поддержала мои руки, будучи сама без родины или в беженстве.

Всем спасибо с поклоном земным. Радуюсь за всех и поздравляю всех. Вы — Божии избранники. Через вас совершил чудо Свое Бог.

Сказал я: «чудо» совершил Бог. Ибо кто из нас мог бы и подумать, что мы, малая и юная Японская Церковь,

можем сделать то, что сделали? Но Премудрый Архитектор усмотрел новый, чудный материал для постройки собора; не гальку, не песок, не цемент, — а крепкую, как скала, веру юной Церкви, непоколебимую ее надежду на помощь Божию, и поразительно широкую, жертвенную любовь юной Церкви.

Это они — вера, и надежда, и любовь — и все три в атмосфере святого мира строили собор.

Братья и сестры! И это от Бога. Вера, надежда, любовь, мир — от Бога. Богу паки и паки благодарение и слава.

Собор готов, — а впереди-то работы сколько! Подумать только! Мы должны будем теперь день за днем строить живой собор православных душ человеческих.

Да и одна ли работа церковная пред нами впереди? Мир мятется. Переоцениваются ценности. Ниспровергаются троны. Перечерчиваются карты мировые.

Бьют волны разных ядовитых течений и о берега нашей островной Империи. Но она, как один, стоит около Трона. И не рай ли сейчас Япония среди стран всего мира? (Аплодисменты.)

Однако вспышки духовной чумы время от времени бывают и у нас, в Японии.

Братья и сестры! С верою в помощь Божию, с надеждою на конечный успех в атмосфере жертвенной любви все до единого поднимемся на строение живого собора православных душ.

Это наша первая задача. Центром этой великой работы да будет Воскресенский собор.

Но поработаем всеусердно и над тем, чтобы не колебались устои нашей страны, чтобы утверждались вековые устои нашей Империи.

К чему я вас зову сейчас? Взять в руки бомбы, ножи, револьверы и идти на «идеи»?

Нет. Идеей оружием не остановить. Да и «мечи», «ножи» запрещены Христом.

Заняться издательством брошюр, книг и листовок против «идей»?

Нет. Для этого есть ответственное Министерство народного просвещения.

Следить и выдавливать из общества «заразу» — носителей «опасных мыслей»?

Нет. Для этого есть агенты Министерства внутренних дел.

Братья, сестры! Не политикой заниматься я вас зову. Кости покойного Владыки Николая перевернулись бы от этого в гробу.

И я не благословляю вас на это: сила наша доселе — абсолютное воздержание от всякой политики.

Но мы должны поработать для укрепления устоев страны. Должны. И поработаем, идя путем Христовым.

Ложечка соли дает вкус пище. Фунт соли предотвращает пищу от гниения.

40 000 православных, 300 000 всех христиан в Японии — не ложечка ли это соли? Да, только ложечка на 70 000 000 населения.

Удвоим, утроим, удесятерим усилия. Поработаем в 30, 60, в 100 раз энергичнее. Будем иметь не 40 тысяч, а 400 тысяч. Пусть все христиане в Японии будут иметь не 300 тысяч, а 3 миллиона.

Тогда мы поистине явимся тою силою, которая останавливает гниение, если оно началось, и не даст загнить здоровой молодежи!

Это ли не святая работа? Это ли не наша работа, как граждан Империи?

Через усиленную проповедь к цветущей Церкви, к цветущему христианству.

Через живое, цветущее христианство к твердому Государству.

Святые миллионы преданных Империи лояльных христиан — вот девиз нашей работы в будущем.

Бог нам в этой святой работе в помощь!» (Аплодисменты.)

Речь архиепископа была с большим вниманием прослушана и тепло принята не только христианами всех исповеданий, кои были в соборе, но и представителями Правительства, и даже язычниками-гостями. Дай Бог, чтобы посеянные слова пали на землю добрую и принесли некий плод.

Певчие на хорах (соборные) художественно исполнили пасхальные стихиры Смоленского, которые пришлись как раз к настроению момента: только что окончился гром аплодисментов после речи архиепископа.

Архиепископ передал председателю Строительной комиссии, а тот прочитал благодарственные адреса: а) архитектору-художнику Окада Синици, составившему план и произведшему ремонт и перестройку собора; б) Симидзу Тейкици, главе фирмы «Симидзу-Гуми», взявшей подряд на работы и добросовестно, дешево и к сроку исполнившей подряд.

Прочитаны адреса: министра народного просвещения (заместителем), губернатора Токио (заместителем), мэром Токио (заместителем) и председателя Комиссии по восстановлению Токио после землетрясения и пожара — Накагава Нозому⁵⁴ (лично): он — бывший губернатор Осаки лично прибыл на наш праздник, вероятно потому, что он — наш православный христианин — единственный из «больших людей» Японии в составе нашей Православной Церкви.

Не читали, и даже не сосчитали, а только показали груду поздравительных адресов, писем и телеграмм, пришедших из разных концов Японии.

Председатель Консистории протоиерей отец Илья Сато⁵⁵ приветствовал от имени возглавляемого им совещательного при архиепископе органа.

Прекрасную речь, обращаясь к архиепископу, сказал 1-й секретарь бывшего Посольства Дмитрий Иванович Абрикосов, много раз с архиепископом ходивший

по лесам реставрировавшегося собора. Речь приводим полностью:

«Ваше Высокопреосвященство, Глубокочтимый Владыко.

Позвольте и мне в этот торжественный для Вас и всей Вашей паствы день принести Вам мое приветствие по случаю окончания работ и освящения восстановленного собора возглавляемой Вами Православной Миссии в Японии.

Я уверен, что все русские, сердцу коих близки судьбы нашей Православной Церкви, присоединятся к моему приветствию.

Честь и слава Вам, Высокочтимый Владыко, за ту энергию, благодаря которой мы ныне видим собор восстановленным из развалин.

Честь и слава Вашей Японской пастве, которая с такой щедростью шла на жертвы необходимых для восстановления собора средств.

Честь и слава тем русским, которые при всем оскудении своем никогда не отказывались от посильной лепты на восстановление собора.

Благодаря всем этим трудам, освященным Вашими молитвами и объединенным Вашей энергией, мы с радостным сердцем присутствуем теперь на освящении восстановленного храма Божия.

В этот, Богом благословенный день, невольно мысль переносится к ужасным сентябрьским дням 1923 года, когда на Ваших глазах рухнула колокольня, когда огонь, пожирая всё на своем пути, подступал к собору, и Вы принуждены были бросить всё и искать убежище в нашем Посольстве. Помню я, как в первые дни, казалось, что всё кончено, и что никогда мы уже не увидим наш собор восстановленным. Помню, как мы раз ходили по развалинам, и Вы, передавая мне на память от старого собора кусок расплавившейся меди от колокола, — такова была сила огня — впервые высказали мысль, что нужно будет подумать о восстановлении разрушенного храма. Тогда

эта мысль казалась мне неосуществимой. Ведь восстановление собора стоит сотни тысяч, а вокруг были только развалины. Но на мое неверие Вы ответили только: «Буду молиться, и Бог поможет».

И Бог помог. Он дал Вам здоровье и силы по нескольку раз объехать по всей Японии Вашу паству. Он внушил каждому православному, даже в самом глухом уголку Японии, что восстановление собора в Токио не есть стороннее для него дело, а есть дело его личной веры и чести, — и пожертвования потекли.

«Птичка по зернышку клюет», — помню, говорили Вы мне после каждой поездки Вашей по провинции. И в результате чудо совершилось. Скромные лепты выросли в десятки тысяч, и из развалин восстал величественный храм, который по своей красоте превзошел даже старый собор, а когда, благодаря талантливому художнику г-ну Задорожному, алтарь украсился чудными копиями Васнецовских и Нестеровских произведений, то в собор вошла частица русской души, что, я уверен, сделает его дорогим и родным всем русским, которых судьба забросила в Японию, и которые находят и будут находить в своих горестях утешение в молитвах как в новом соборе, так и в многочисленных рассеянных по всей Японии церквах, возглавляемой Вашим Высокопреосвященством Миссии.

Сердечное Вам за это спасибо».

Слушал я речь, смотрел на оратора и вспоминал те счастливые годы, в кои приходилось иметь общение с представителями «старой Руси», с истинными русскими добрыми людьми.

После этого, представляя русскую колонию в Токио, выступили И.И. Лельмеш и Ф.Еф. Маслов и приветствовали архиепископа Сергия следующим адресом, прочитанным Иваном Ивановичем Лельмеш:

«Ваше Высокопреосвященство, Высокочтимый Архипастырь и дорогой Владыко Сергий. Свершилось. Воскресенский кафедральный собор в Токио восстановлен. Развалины,

оставшиеся после великого землетрясения, превратились снова в величественный, дивный храм Божий. Мечта безвременья, русского лихолетья: увидеть когда-нибудь на Суругадае восстановленным православный очаг — его собор, превратилась ныне в действительность. Сегодня мы присутствуем на последнем, самом знаменательном, самом торжественном этапе если не эпохи, то эпопеи воссоздания, восстановления собора, присутствуем на его торжественном освящении. Для нас, русских, живущих в Японии, это второе Светлое Воскресение. Ибо кафедральный собор на Суругадае для нас не только храм Божий, он для нас наглядный символ непоколебимости Православия, светлое воспоминание о былом величии нашей Родины и символический прообраз, провозвестник ее возрождения.

Мысли русских с благодарностью направлены ко всем, кто нес посильные жертвы на восстановление Воскресенского собора; пред ними мы, русские, будем считать себя неоплатными должниками. Перед Вами же, глубоко чтимый и дорогой Архипастырь, будут недостаточны все доступные человеку чувства, чтобы выразить и благодарность, и признательность, восхищение и преклонение за всё то многое, за всё то великое, что сделано Вами для дела Православия и русского дела. Вашу просветительную деятельность, Ваши труды как одного из славнейших первоучителей японских не нам, современникам, оценивать, не нам о них говорить: они по праву займут золотую главу в истории культуры и развития христианства в Японии. На наших глазах протекли годы Вашей напряженной и неустанной работы по воссозданию православного собора в Токио, годы Вашей непрерывной заботы по изысканию средств на восстановление его, годы Вашей борьбы с безразличием окружающих, борьбы с разного рода препятствиями, и всё это только для осуществления цели Вашей жизни, осуществления заветной мечты, в которую даже окружающие Вас и ближайшие сотрудники почти мало верили; и всё же эту дивную мечту Вы сумели претворить в еще более дивную действительность.

Слава Вам, великий созидатель, великий животворец, неутомимый труженик. Низко кланяемся Вам, Владыко, мы, русские, бесконечно признательные и благодарные Вам за дело родного Православия и русское дело. И молим мы от всего сердца Владыку Всевышнего, да продлит Он Вашу жизнь на многие, многие лета для работы и подвигов на ниве Православия, на ниве народной».

Под адресом около 100 подписей, несмотря на то, что о существовании адреса многие узнавали накануне и в день освящения. Архиепископ был глубоко тронут сердечным приветом своих любимых «русских». Но русские на словах только не остановились. Заместитель председателя Свято-Никольского братства Федор Еф. Маслов, обращаясь к архиепископу, сказал кратко приблизительно следующее: «Ваше Высокопреосвященство, глубокочтимый Архипастырь. Вы много потрудились, очень много сделали и бесконечно устали. Но, увы, вместо заслуженного отдыха впереди у Вас еще много дела, много забот; не можете Вы еще сказать: «Ныне отпускаеши...»

В другое время, в других условиях Ваш труд и Ваша усталость могли бы быть скрашены более или менее сноскими условиями отдыха. У Вас же и этого нет: и зимою и летом, как для работы, так и для отдыха у Вас одни и те же городские стены миссийского дома в Токио. Для всех очевидно, что в обстановке Вашей работы Вам необходим летний отдых вне города и необходимо место для такого отдыха, чего у Вас нет.

И вот русская православная паства решила сделать почин в этом насущном для Вас дачном вопросе, приурочив этот почин к историческому для Православия на Востоке дню освящения Воскресенского кафедрального собора в Токио, восстановленного исключительно Вашими трудами.

Примите же, дорогой Архипастырь, от русской паствы этот скромный фундамент, на котором, будем надеяться, Вам удастся соорудить хотя бы самую скромную дачу для летнего отдыха».

Сказав приблизительно это, Ф.Е. Маслов поднес архиепископу в конверте чек на 800 иен — лепту добрых русских сердец. Излишне и говорить, как глубоко был тронут архиепископ. Не «дача», и даже не «дачка», а «свой участок» за городом, на нем «свой архиерейский дом и своя церковь» с постепенным расширением около нее проповеднического, просветительного и благотворительного дела, — это мечта архиепископа. Суругадай для сего тесен. Да и окружающие собор университеты, школы и больницы не дают, и не обещают давать нужного для работы материала. «За город, в народную массу, к детям, к юношам, к простонародью» — вот мечты архиепископа.

Преосвященный епископ Нестор кратко приветствовал Японскую Церковь от имени митрополита Мефодия⁵⁶ и своего.

И.А. Сэнума после этого предложил всем встать и трижды провозгласил: «Тэнноо — хейкабанзай!», т.е. «Его Величеству Императору — банзай!». Громовое «банзай» 2 000 грудей, 4 000 поднятых «за Императора» рук, — как ярко проявили свою преданность Императору японцы-христиане!

Как? В соборе — «банзай»? Да! В соборе — «банзай»! Ведь «банзай» — иначе «ман-сей», два иероглифа, значащие: 10 000 (ман-бан) икс 100 (сей-зай), т.е. 1 000 000 лет «Его Величеству Императору — 1 000 000 лет», не то же ли, что «Многая лета»?

Патриотический «взрыв» не помешал непосредственно после этого с благоговением прослушать заключительное «Достойно есть». Этой молитвой долгожданный наш праздник официально был закончен.

VI. Дорогой привет

В 4 часа дня, возвратившись в свою квартиру, архиепископ получил телеграмму из Москвы следующего содержания: архиепископу Сергию, Суругадай. Токио, Япония. Сорадуемся радости Японской Церкви. Молимся. Просим молитв. Митрополит Сергей с Синодом».

Родившая нас к жизни Церковь-Мать вспомнила нас! Родительница радуется за свою юную дочь, Церковь Японскую, и молится за нее. Мать-Церковь просит молитв Церкви-Дщери! Сколько трогательного, умильного! Телеграмма была прочитана вечером на собрании 300 христиан-представителей, и в ответ на нее провозглашено громогласно и воспето от сердца, дружно: «Многая лета».

По поводу этой телеграммы нужно сказать следующее. Церковь Японская рождена Российской Церковью. Она восприняла от Апостола Японии архиепископа Николая и воспринимает и ныне от его слабого преемника «православное христианство», — только без всяких прилагательных: греческое, русское, монархическое и т.п. Церковь Японская, рожденная в стране, где государство и Церковь, точнее «религия», разделены, мыслит христианство только как «чистое, правое ученье Христа», без всякого привкуса политического. Были в старое время злые люди из католиков, которые смущали слабых, говоря, что лучше с католиками признать «папу», чем с русскими — «папу в белых штанах» (обер-прокурора). Но с учреждением Патриаршества в России в 1917 году эти злословы умолкли. Впрочем, начали было говорить: «пала династия Романовых — придется из святцев исключать романовских святых». Но и сие хуленье оказалось слабым. Но удивительны попытки врагов — Православию придать привкус «самодержавный», «романовский»!

Церковь Японская верила и верит: «источник ее чистого Православия, и только его, есть теперь Московская Патриархия и ее иерархи, ее возглавляющие». И Церковь Японская молилась не прерывая, и молится неизменно только за них. Угнетало ее отсутствие официального сношения с Матерью-Церковью. Но с 1927 года, с возобновлением «официальных» почтовых сношений с Патриархией, Церковь Японская, хотя и редко (за 3 года всего 7 раз), но радостно обменивалась с Патриархией официальными письмами и телеграммами, вовсе не интересуясь «политической ориентацией» Патриархии или ее отдельных членов.

Церкви же «беженской» японские христиане не понимают, твердо памятуя Христово слово, вовеки неложное (Ин. 10:12–13).

Не нужно забывать и того, что японцы-пастыри уже многократно сживали в тюрьмах, готовые полагать «жизнь свою за овец» (Ин. 10:11): сего они ждут и от своих учителей — русских архипастырей.

Великий соблазн произвело появление в России «Живой церкви», потом «обновленчества»; немногие горячие головы говаривали даже: *«Под Вселенского Патриарха!»* Но теперь, когда разные «стыдения мирская», поднятые революционной бурей, стихают, и истинная староцерковная Патриаршая Церковь заняла официальное положение наряду с прочими организациями, Церковь Японская усерднее, чем когда-либо, молится за Московскую Патриархию, за ее Местоблюстителя митрополита Петра, за его заместителя митрополита Сергия и за Патриарший Священный Синод, в жизни своей уподобляющийся святому апостолу Павлу (2 Кор. 11:23–31). Разумеется, молится она «за свою страну», т.е. Японию, за «своего Императора и Царствующий дом» и за «свой парламент».

Церковный вопрос, как он поставлен сейчас русскими архипастырями за границей, при перенесении на японскую почву был бы смертельным ядом и убил бы в японцах всякую веру в Православие как «беспримесное ученье Господа Христа».

VII. Вечеря любви

«По 1 иене с человека». Заплатил и я 10 иен за себя и за своих гостей, и к 5.30 вечера пошли мы в «Такаратэй»; в этом зале, вернее, в этом «учреждении», пообедал когда-то и покойный архиепископ Николай (старый зал, конечно, сторел). 300 человек гостей. Вода, сидр, кой-где сакэ. Угощение полуяпонское, полувосточное. Речи, горячие. Но,

к счастью, все так устали, что словесного наводнения не было. Около 7 часов вечера мы, уставшие окончательно, извинились пред ликующим собранием и решили идти домой. На прощание христиане прокричали тоекратно «банзай Архиепископу», и в ответ архиепископ провозгласил «банзай Японской Православной Церкви».

Погода как будто ждала окончания торжества; хмурилось небо с 14-го; а вечером 15-го пошел дождь. Кончилось отныне в Японской Церкви историческое 15 декабря 1929 года.

VIII. Заключительные аккорды

16 декабря, в понедельник, литургию в соборе совершал Преосвященный епископ Нестор. Ему сослужило всё духовенство, которое не принимало вчера участия в служении литургии. Пели собравшиеся русские, частью харбинские гости, частью местные знатоки или любители церковного пения. За литургией присутствовали прибывшие из провинции христиане, многие из которых пожелали причаститься Святых Таин (не в Свято-Никольской церкви 14 декабря, как прочие), а непременно в соборе.

-----

19 декабря, в Николин день — храмовый праздник Свято-Никольской церкви, уютной, теплой, прекрасной в акустическом отношении. Больше 5 лет эта церковь исполняла обязанности собора. Вечером совершенно было торжественное всенощное бдение, а днем литургия. Обедом вечером сего дня закончил архиепископ церковные праздники. 20, 21, 23 — дни проводов гостей. Миссия снова возвратилась к своим будням, сереньким, часто пустоватым, иногда мучительно одиноким, но чаще всего — рабочим. Собор есть. Это не мечта. Приятная действительность. Будем ждать в свое время плодов.

Призри с небесе Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, его же насади Десница Твоя⁵⁷.

IX. «Христовы лепты»

«Папа, архиепископ говорил в Церкви, что если кто даст Богу на собор, Бог воздаст сторицею. Я хочу отдать все свои деньги Богу на собор», — говорит четырехлетний Давид Аказава (г. Токусима) отцу. — «Хорошо сделаешь. Отдавай. Помоги отремонтировать собор», — ответил отец.

Мальчик порылся в своих игрушках, нашел две монеты по 1 сену и, красиво завернув по-японски в бумажку, положил пред иконами, на божницу: «на собор».

А после он беспокоился: сможет ли архиепископ кончить ремонт, если соберет 10 иен. Детская ангельская лепта от чистого сердца.

В квартиру входит дедушка лет под 70. Берет благословение. Загорелый. Рабочие руки в мозолях. Распоясывает свой кушак («оби»), достает спрятанную там пачку денег и передает мне: «на собор». Пересчитываю: пятииенными бумажками 500 иен! Глаза не верили. Первый раз христианин мне вручил для собора такую сумму.

«Кто ты? Откуда?» — Юкисима Тимон, 69 лет, из г. Хамамацу, продавец цветов в горшках, которые он сам же и выращивает. Японцы — большие любители цветов, и за редкие, хорошие экземпляры платят сотни. Как раз специалистом по культуре «ран» и «омото» и оказался мой милый Тимон.

Конечно, чай, разговоры. «Как это тебе Бог положил на сердце нарочито приехать (8 часов поездом) и пожертвовать на собор 500 иен?» — спрашиваю.

«А очень просто. Я сказал жене: пошлю на собор 300; а она говорит: довольно и 200. Ну, и поспорили. А я осердился, пошел в банк, снял и мои 300, и ее 200, — и даю Богу 500». Видимо, старик помнит хорошо: «а жена да боится своего мужа»⁵⁸. Я поблагодарил старика, благо-

словил его иконой. А он: «Приеду домой и скажу жене, что был в Токио. Может быть, и еще приеду».

Прошло полгода. Опять в квартиру входит Тимон дедушка. Веселый. Опять подает пачку денег: второй раз пятьсот иен! «С женой поссорился?» — в шутку спрашиваю. — «Нет, теперь жена меня послала. Тебе, — говорит, — Бог помогает. Так вези Богу лепту. А Бог мне помог: я купил горшок „ран“ за 300 иен, два месяца ухаживал за ним. Выставил его в Киото на цветочной выставке „Ран“. Чей? А-а, Юкисима из Хамамацу? Значит „прекрасный“ И дали мне, что просил: 1 500, я заработал 1 200, 500 примите Богу на собор».

Вторично благословил я сего милого старца, давшего уже 500 и 500 — всего 1 000 иен. Таких пожертвований в Церкви не столь-то много.

10 февраля 1929 года. Теперь я в г. Хамамацу. В 8 часов вечера прибыл, до 10 часов говорил о необходимости кончить собор. Общее сочувствие. Сразу подписали: Кавай 100, его мать 100, Косуги 100, его мать 100, сестра Кавай 100, брат Кавай 100, прочие 80, всего — 680.

Но мой Тимон сидит в углу и молчит. Заночевал я у милых Кавай. Утром, до поезда, посещаю с молитвой все дома. Прихожу к Тимону: дом уже большой, новый; участок по городу громадный: 900 кв. саженей. Бабушка счастливая, приветливая. Но нет старика. Где Тимон?

«Он говорил, что Вы придете после 9; но оделся, и куда-то ушел. Куда — не знаю».

Что за история? Не сбежал же он от меня? А ждать нельзя: поезд скоро отойдет.

Еду на станцию. На платформе провожают счастливые тем, что «хорошо дали» христиане. После всех прибегает и Тимон. Я уже в вагоне: «Забыл, что сегодня праздник, бегал в банк, хотел снять деньги, но закрыт. Так уж привезу сам, значит». На этот раз 1 000 иен.

Вот душа-то Христова! 6 марта привез 1 000 иен, получил от меня эмалированную японскую кадилницу. 500, 500, 1 000. Лепта сердца. Не Христос ли Сам его воспитал?

А «анонимы»? Сколько вас! И сколько Христовой любви и истинной скромности в них.

«Сын Федор с Надеждой подписали 15 иен. Больше не могут. Простите. Но у меня есть, припасено „на погребение“ 100 иен. Возьмите. Умру — похоронят ведь! Не выбросят. Только ни им, и никому не говорите», — говорит по секрету мне Анна, бабушка того Давида 4-х лет.

Гостиница. 11 часов ночи. Я готов спать. «Такой-то пришел», — докладывает прислуга. Что, думаю, за поздний визит? Входит христианин лет 45. «Все дают, кто 2, кто 3, много 5 или 10. Мне неудобно выделяться. И я подписал 10. Но этого мало. Примите 100 иен. Только: ни фамилии, ни города, ни губернии — догадаются. Молитесь за Петра и Ирину». Разве не свято?

А сколько было и других жертв, о которых и не подозревают даже те, что едят и ныне рис из одного котла? Умолчу: «догадаются». Но был аноним и в 500 иен.

Север. Остров Хоккайдо. Переселенческая деревня Сяри. Дома почти все наши православные. Деревню зовут соседи «Ясо-мура» — «Иисусова деревня», и глубоко чтут ее: *здесь что скажут — исполнят; можно верить.*

«Патриарх деревни», первый переселенец Павел Са-то, около 75, еще работает на полях. «Отец, — в конюшне четыре лошади: где пятая?» — спрашивает сын. «В Аба-сири свел, продал». — «За сколько?» — «За 65 иен». — «А деньги где?» — «А в Миссию, на собор послал». «Соодес-ка?(Вот что?)» — только и мог сказать первенец.

Сендай. Бабушка-дворянка, 76 лет, София Накагава, седовласая, но еще красавица, счастливая мать: ее сын, бывший губернатор Осака, ныне начальник Департа-мента по восстановлению Токио. Это он говорил речь на торжественном акте.

Бабушка решила: обойти, сколько может, богатых язычников в Сендае и собрать что-нибудь на собор. Приобрела книгу, написала на 1-й стр.: «Письмо-воззвание». Пошла.

Связи большие. Давали язычники хорошо. Только один богач-буддист, фанатик-буддист, научно изучающий буддизм, посмотрев на письмо, не читая его, сказал: «Другой веры!»

«А разве умно не прочитав отказывать? Сначала прочитайте, а потом или откажите, или дайте», — заметила смелая София.

Старик удивленно посмотрел. Взял сборную книгу. Прочитал молча письмо. Глубоко склонил голову. Молча встал. Ушел в соседнюю комнату. Молча вынес книгу, и в ней свою подпись и... 100 иен.

Это значит «слабый пол»! Так-то благодать Христова открывала сердца и язычников.

А бабушка собрала на собор 1 142 иены. Велика ее награда на небе.

Сендай. Другая бабушка. «Худородная». Согбенная. Маленькая. «Такую в хорошие дома не пустят; пойду по пролетариям», — и пошла. Обошла до 1 000 домов. Собирала по 1, по 2, по 5 сен, много давшие давали по 10 сен, 50 сен или 1 иене — почти не было таких жертв. Конечно, собирала среди язычников. Давали. Но один, «военный», ничего не дал, да еще обругал ее: «Такая старая, уж в гроб смотрит, а веришь в Киристо — в Христа!» Обиделась старица. Наутро вторично пошла: «Объясню ему всё, авось даст». Но военный, «по-военному» ее, кажется, выгнал. Бабушка выходит в отчаянии: «Где правда? Я — для Бога, а он гонит». Выходит за ворота, лежит на дороге серебряная монета 50 сен: подняла, вытерла ее. «Военный не дал — Бог дал», — успокоилась Мария Масуда. Всего собрала она «копеечками» 50 иен, т.е. 5 000 копеек с 1 000 домов. Велик ее подвиг. Ее 50 иен дороже 500 000 иен пред Богом.

А вот и еще Христова мирноносица, Христина Китамикадо, с острова Кюу-сюу, из деревни Юномае. Жена очень богатого язычника. Силою своей веры победила своего мужа и с его разрешения покрестила всех своих детей. Теперь она, с моего благословения, взяла на себя подвиг собрать что-нибудь на ремонт собора среди язычников. Положив в основу 100 иен, пожертвованных ее мужем, она три недели разъезжала по губернии Кумамото и привезла в 1928 году вместо красного яичка к Пасхе около 1 200 иен на ремонт собора. И Бог наградил ее: на освящении собора она уже молилась вместе со своим мужем, коему я нарек имя Серафим.

А вот Августа Фурукава, жена железнодорожника подрядчика. Училась давно в нашем женском училище, была самой маленькой по росту; ее, как малютку, лаская, носил когда-то покойный владыка Николай на руках. Теперь она сама (муж — язычник, но дети все христиане) дала 1 000 иен; да через мужа, у работающих у него, собрала почти тоже 1 000 иен. Отблагодарила за полученное ею в церковной школе образование и воспитание.

Ноябрь 1929 года. Приближается освящение. Дум, забот, хлопот без конца. И ночью голова не спала. Собор-то готов, но в нем, кроме иконостаса, ничего нет. И на Престол положить нечего, и поставить за Престол нечего, и одеть приличного для праздника — не можем: ничего нет. Я туда письмо, я сюда слезницу, я в третье место просьбу. А в ответ молчанье, молчанье, молчанье, отказ. «Тростью и чернилом» (3 Ин. 1:13), оказывается, трудно раскрыть сердце людское. Но на Престол нужно же делать облачение.

Долой чернила и трость! Собираю жен Токио. Собрались главных представительниц из всех 5 приходов до 70.

Моя речь — просьба. Образцы материи: дорого, но если сделаете облачение из этой материи, будет пасхальным, номер первый.

Начались разговоры, суждения, обсуждения, предложения, контр-предложения. Совершенно в согласии с иероглифом: известно, что, если иероглиф, означающий «женщина» (она) написать три раза два рядом, а третий над ними, получится новый иероглиф, смысл которого «шум».

Но вот всё постепенно стихает. Ходят по рукам подписные листы. 1 050 иен. Это ли не щедро дали добрые жены Токио? Сшили три одежды на Престол, Жертвенник и диаконник за 800 иен. Да на остатки сшили и вторые одежды. И оставили потомству память о своей вере.

Такими-то «Христовыми лептами» осолены все деньги, кои нам присылались христианами в 1926–1928 годах, в ответ на воззвание архиепископа, а в 1929 году давались архиепископу в ответ на его речи при поездках из церкви в церковь. 22 было поездки. Не «пострадавших» от нашего посещения моего почти не было. И плод был добрый. Японцы пожертвовали до 135 000 иен.

Х.

Направо от входа в собор и до землетрясения была крещальня. Никаких особых принадлежностей крещения в ней не было. Но в нужное время сюда приносилась или детская купель, или купель для взрослых, нечто вроде большой японской ванны или русской овальной кадки. Некрасиво.

В прочее же время обычно сюда в первую дверь заходили богомольцы, здесь оставляли свою верхнюю одежду или узелки, и в следующую дверь входили в собор. Нечто вроде раздевальной.

В новом соборе одну дверь заложили. Получилась возможность устроить уютный, довольно просторный алтарь.

Во временный иконостас установили старые, хорошего письма иконы.

Посреди собственно церкви устроили восьмигранную железобетонную купель размером в диаметре по четыре с половиной фута, высота три фута. С правой стороны одна ступенька для крещающего иерея, с левой — две ступеньки снаружи и одна внутри для крещаемых. Проведена вода из водопровода, устроен спуск воды в чистое место.

Образцом послужила купель в баптистериуме Равенны, и отчасти — баптистериума в Аквилее.

В этой купели может одновременно креститься до 5 человек взрослых.

Таким образом, мы в новом соборе устроили настоящий баптистерий, и церковь в нем была освящена архиепископом Сергием 5 января сего года в честь Крещения Господня.

Со дня освящения в каждое воскресенье иерей совершает здесь литургию для учеников и учениц воскресной школы. Дети сами поют, читают, и прислуживают за литургией.

Дай Бог, чтобы этот баптистерий Воскресенского собора послужил дверью, через которую постепенно, год за годом, десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч японцев входили бы в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

XI. «Церковь», а не «фикция»...

Пожертвовали 135 000 иен — и не удивительно: ведь в минувшем году христианами уплачено священникам (36), диаконам (6) и катехизаторам (27) 22 406 иен 90 сен; да на содержание церкви, молитвенных домов — 22 048 иен

63 сена — всего ими уплачено 44 455 иен 53 сена. И это — ежегодный их расход! Например, в позапрошлом году они израсходовали 45 355 иен 74 сена.

А кто «они», эти плательщики? Сколько их? По статистике, православных японцев, рассеянных всюду (и в Америке, и в Москве, и т.д.) 38 665 человек. Но оседло живущих, посещающих церковь, говеющих, несущих все церковные расходы — только 15 772.

Богу слава! Не стоим на точке замерзания. Движемся. И даже в этот период «безлюдья» покрестили в год 455 человек, из них 50% детей: это естественный рост Церкви. Не мертва же Церковь, если натуральным только путем увеличивается на 250–300 человек в год!

Что же я воспою в заключение своей заметки Господу Богу от лица Японской Церкви? Тако воспою:

Ты моя крепость, Господи.

Ты — моя и сила.

Ты — мой Бог.

Ты — мое и радование.

Примечания

¹ К сожалению, все неопубликованные труды владыки Сергия (Тихомирова) погибли по время пожара и уже не были им впоследствии восстановлены.

² Яков Ямагучи — катехизатор церкви Сошествия Святого Духа в Одавара, впоследствии принял священный сан и служил в том же храме. Генеральный секретарь (управляющий делами) Японской Православной Церкви. Отец нынешнего старшего священника ЯАПЦ протопресвитера Иустина Ямагучи.

³ Миссия была расположена в районе Суругадай, на высоком холме, видном в те времена из любого места столицы.

⁴ Архиепископ Николай Японский (Иван Дмитриевич Касаткин; 1 августа 1836 — 3 февраля 1912) — миссионер, основатель Православной Церкви в Японии. Прославлен в лике святых как равноапостольный.

⁵ Примерно 37,186 метра (1 фут = 30,48 см).

⁶ Моисей Кавамура Идзоо (1866–1940) — священник, японский церковный архитектор. В 1883 г. принял крещение в Православной Церкви с именем Моисей. Уехав в Токио, он обучался в православной духовной семинарии под началом святителя Николая Японского, и на 1892 г. был уже певчим, учителем и ризничим православной Миссии. Уже в начале 1890-х святитель отмечал его как «много трудящегося» и поощрял дополнительным жалованием. Будучи токийским регентом, ризничим и иподиаконом, в 1897 г. Кавамура также был поставлен блюсти миссийскую библиотеку. Проходя служение при Токийском соборе, Кавамура вскоре сделался опытным уставщиком, звонарем, архиерейским прислужником. Был ближайшим помощником свт. Николая (Касаткина) в хозяйственных вопросах. Сделался церковным архитектором-самоучкой. Пик его деятельности как архитектора пришелся на первые годы епископства Сергия (Тихомирова). С 1912 по 1916 год под руководством Кавамуры были возведены храмы Преображенский в Сюдзэндзи (1912), Матфеевский в Тоёхаси (1912–1915), Введенский в Сиракава (1914–1915), Воскресенский в Хакодатэ (1913–1916). В 1915 г. был рукоположен во диакона. В 1933 г. был возведен в достоинство протодиакона и включен в состав церковной консистории. В 1937 г. был рукоположен в сан священника. Служил в Токийском соборе. Скончался 5 февраля 1940 г.

⁷ Давид Фудзисава — секретарь православной Миссии в Японии.

⁸ 32,2 по Цельсию.

⁹ Кудана — название района в Токио.

¹⁰ Матушка Харита Мий — супруга митрофорного протоиерея Симеона Мий Мичироу.

¹¹ Хибачи — «огненная чаша». Традиционный для Японии переносной очаг — жаровня, который использовали для обогрева помещений и кипячения воды.

¹² Университет Меидзи (Мэйдзи) — престижный частный университет в г. Токио.

¹³ 1 сажень = 2,1336 метра.

¹⁴ Парк Уэно — один из самых известных и посещаемых общественных парков японской столицы.

¹⁵ Имеется в виду Российская миссия в Токио, которая заменяла посольство Российской Империи с 1917 до 1925 г., когда Япония установила дипломатические отношения с СССР.

¹⁶ Название улиц в Токио.

¹⁷ 1 аршин = 0,7112 м.; 1 фут = 30,48 см.

¹⁸ Бер Георгий Адольфович (Альфредович) — второй секретарь Российской миссии в Токио (1918–1923). Жил в эмиграции в Японии.

¹⁹ Рамминг Мартин-Готгард-Теодор (1889–1988) — драгоман Российской миссии в Токио. После жил в эмиграции в Германии.

²⁰ Императорский дворец в Токио.

²¹ Секигуци — название района в Токио.

²² Канда-баси — мост в Токио.

²³ Отец Роман Чибя (или Циба) — в то время старший священник (ключарь) Токийского Воскресенского собора.

²⁴ Архиепископ Николай (Касаткин) был почетным членом Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской духовных академий.

²⁵ Сгоревшие труды так уже никогда и не были восстановлены владыкой Сергием и безвозвратно исчезли для истории.

²⁶ 1 пуд = 16,38 кг.

²⁷ Пс. 117:18.

²⁸ Харадзюку — квартал в Токио.

²⁹ Протоиерей Петр Иванович Булгаков (1861–1937). Дядя (родной брат отца) писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Жил в Орловской губернии. Окончил Орловскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию; кандидат богословия (1888). Окончил Восточный институт в г. Владивостоке, затем преподавал в этом институте. Служил в Японии, в русской посольской церкви в Токио (1906–1924), затем переехал в США. Богослов, занимался изучением христианства в странах Востока и его взаимодействием с другими религиями.

³⁰ Город в Японии, расположенный в 125 км от Токио.

³¹ Абрикосов Дмитрий Иванович (1876–1951) — дипломат. Родился 11 апреля 1876 г. в Москве в богатой купеческой семье Абрикосовых, владевших различными кондитерскими фабриками, включая всемирно известную крымскую фабрику по приготовлению засахаренных фруктов. Окончил юридический факультет Московского университета (1899). В 1900 г. поступил на службу в МИД с причислением к Главному архиву МИД в Москве.

В 1902–1908 гг. работал переводчиком во Втором департаменте министерства. В 1908 г. назначен вторым секретарем посольства в Пекине, а в 1912 г. — вторым секретарем посольства в Токио. В 1914–1917 гг. работал в Дальневосточном отделе МИД. В 1917 г. — первый секретарь посольства в Токио, а затем — советник посольства в Пекине. В 1919 г. снова первый секретарь посольства в Токио, с 1921 г. — поверенный в делах. С признанием Японией СССР продолжал жить там как частное лицо. В 1946 г. получил разрешение на выезд из Японии в США, где и скончался 4 ноября 1951 г. (Пало Альто, Калифорния). Оставил после себя обширные воспоминания, охватывающие период с 1876 по 1946 г. — со времени его рождения и до отъезда из Японии.

³² Булгакова Софья Матвеевна (урожд. Позднеева; 1866–1943). Родилась в семье протоиерея. Супруга протоиерея Петра Булгакова. Руководила русской школой в Японии.

³³ Начало Богоявленской церкви в Ёцуя г. Токио было положено еще в 1876 г., изначально она была создана как крестильный храм в Кодзи-мачи г. Токио, откуда в 1911 г. была переведена в Ёцуя и переименована в Богоявленскую церковь в Ёцуя. Здание пострадало во время Второй мировой войны, и подобно другим церквям префектуры Токио, община данной церкви стала собираться в токийском соборе Воскресения. Однако в 1954 г. общине бывшей Богоявленской церкви в Ёцуя удалось приобрести землю и здание в районе Сугинами столичной префектуры. Наследница Богоявленской церкви в Ёцуя была переименована в церковь в Яматэ, а ее храм, обновленный в 1969 г., освящен в честь Рождества Христова.

³⁴ 1 цубо = 3,306 кв. м.

³⁵ Впоследствии священник. Служил в Шанхае (Китай).

³⁶ Архимандрит Феодосий (Перевалов Федор Иванович; 1875–1933) — начальник Русской Духовной Миссии в Корее. Родился в г. Уржум Вятской губернии. Образование получил в местных городских школах. В 1894 г. поступил послушником в Пещеры Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры, а в 1897 г. зачислен в братию. Во время Русско-Японской войны был командирован в Маньчжурию. По окончании войны, в 1906 г. перешел на службу во вновь открытую Духовную Миссию в Корее

в качестве регента и учителя пения. Трудился над созданием церковного хора из детей корейцев. Занимался переложением на ноты переведенных на корейский язык церковных песнопений, чем создал основу для корейского церковного пения. В 1908 г. принял монашество от руки архимандрита Павла (Ивановского). В 1910 г. был рукоположен во Владивостоке в сан иеромонаха. В 1911–1916 гг. служил во Владивостоке: сначала на подворье Корейской Миссии, потом епархиальным миссионером. В 1917 г. был вновь назначен в Корею заведующим Духовной Миссией. Ему пришлось возглавить Миссию в то время, когда революция и последующая гражданская война в России лишили Миссию материальной опоры и одновременно возложили на нее заботу о многочисленных русских беженцах и эмигрантах. В 1918 г. из-за отсутствия средств пришлось закрыть все школы, распустить почти всех служащих, начать распродавать некоторое имущество, свести просветительскую деятельность к минимуму. В 1921 г. Миссия была передана в ведение Токийского архиерея. 5 марта 1923 г. был возведен в сан архимандрита архиепископом Японским Сергием в Воскресенском соборе города Токио. В 1924 г. официально записал имущество миссии в Имущественное общество Японской Православной Церкви, чем обезопасил церковную собственность от захвата советской властью. В 1930 г. обратился с просьбой освободить его от должности начальника Миссии, переехал в Токио, где служил в Воскресенском соборе, окормляя местных русских эмигрантов. Осенью 1932 г. тяжело заболел и скончался от воспаления легких в ночь на 23 января 1933 г. в Токио. Погребен на токийском кладбище Дзоосигая.

³⁷ Архимандрит (впоследствии архиепископ) Ювеналий (Килин Иван Кельсиевич; 19.04.1875 — 28.12.1958) — архиерей Русской Православной Церкви, архиепископ Ижевский и Удмуртский. Родился в крестьянской семье. В 1896 г. поступил послушником в Белогорский мужской монастырь Пермской епархии. В 1900 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеродиакона, в 1902 г. — в сан иеромонаха. В 1916 г. возведен в сан архимандрита и назначен благочинным мужских и женских монастырей Пермской епархии. В 1920 г. эмигрировал в Харбин, где служил в кладбищенском храме. В 1923 г. переехал в Сербию, где

состоял настоятелем Сербского мужского монастыря (Витовница). С февраля 1924 г. — настоятель мужского монастыря в поселке Гандатенском (Новом Мадегоу) на Дальнем Востоке. Его трудами создана типография и больница при монастыре для братии и бедного населения. 16.02.1935 г. хиротонисан во епископа Синьцзянского (Китайский Туркестан), второго викария Русской Духовной Миссии в Китае (РПЦЗ). Из-за значительных затруднений для проезда новопоставленный епископ не смог отправиться к врученной ему Синьцзянской пастве. В течение года владыка продолжал настоятельство в Харбинской Казанской обители. Помогал епископу Иоанну (Максимовичу) в делах Миссии. В мае 1941 г. был вновь назначен настоятелем Казанско-Богородицкой обители в Харбине с подчинением ему монашеской общины в Трёхречье и присвоением ему титула епископа Цицикарского, второго викария Харбинской епархии. В октябре 1945 г. принят в лоно Русской Православной Церкви Московского Патриархата. С 15.06.1946 г. — епископ Шанхайский. В январе 1947 г. вернулся в СССР, где был последовательно епископом Челябинским и Златоустовским, архиепископом Иркутским и Читинским, Омским и Тюменским, Ижевским и Удмуртским. Перед кончиной принял схиму с именем Иоанн.

³⁸ Протоиерей Аристарх Рафаилович Пономарев (1881–1967). Родился в Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию, был рукоположен в сан диакона. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. Эмигрировал в Харбин, где был рукоположен в сан священника. Окончил юридический факультет в Харбине (1927 г.) и богословский факультет Института св. Владимира в Харбине (1939 г.). Доцент богословского факультета Института св. Владимира в Харбине (1934–1945). Ректор Харбинской духовной семинарии (1938–1945). Переехал в Париж. Служил в мест. Шалофер под Парижем. Митрофорный протоиерей. Затем переехал в США.

³⁹ Протодиакон Прокопий Макоев (? — 1943). Знаток церковного устава. В 1916 г. рукоположен в сан диакона. Служил в Чите, неся также обязанности архивариуса консистории, а позже и епархиального совета. В 1918 г. арестовывался. В 1919 г. из Читы перебрался в Харбин (Китай). Диакон Свято-Иверского храма.

В 1940 г. рукоположен в сан священника и назначен настоятелем храма в пос. Драгоценка (Китай). Благочинный Трехречья. Скончался 7.09.1943 г. в пос. Драгоценка в возрасте около 60 лет.

⁴⁰ 85 футов = 25,908 м.

⁴¹ Задорожный Николай Степанович (1901–2001) — иконописец. Один из пяти братьев — художников Задорожных. Учился в Читинской художественно-промышленной школе (1916–1920), преподавал изобразительные искусства в женской гимназии и других учебных заведениях Читы. В 1924 г. эмигрировал в Маньчжурию. Преподавал рисование в средних учебных заведениях Харбина. Создавал композиции на священо-исторические темы, занимался портретной живописью. Исполнил настенные росписи и более 60 икон для восстановленного после землетрясения Воскресенского кафедрального собора в Токио. В 1932 г. выполнил 20 икон для иконостаса и фрески в Свято-Николаевской церкви в Затоне (Харбин). Позднее создавал иконы для иконостасов многих других церквей Харбина. С 1933 г. жил в Шанхае. В конце 1930-х основал Российскую художественную школу в Тяньцзине и более 10 лет преподавал в ней. Выполнил росписи стен Свято-Покровского собора в Тяньцзине. В 1947 г. переехал в США, поселился в Майами. Создал большое количество икон для храмов в США и Канаде.

⁴² Владимир (Соколовский-Автономов Василий Григорьевич; 1852–1931) — иерарх Русской Православной Церкви, впоследствии архиепископ Екатеринославский. Родился в семье священника, окончил Полтавскую духовную семинарию. В 1878 г. окончил Казанскую духовную академию и был назначен помощником смотрителя Полтавского духовного училища. В том же году был пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. По собственному прошению был в 1879 г. назначен членом Японской Духовной Миссии. Заведовал учебной и воспитательной частью в семинарии. В 1884 г. возведен в сан игумена. На свои собственные деньги купил участок, на котором построил дачу для семинаристов и храм. В 1886 г. вернулся в Россию и преподавал в Холмской духовной семинарии. В декабре 1887 г. хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. Способствовал присоединению к Русской Церкви униатской

общины во главе со священником Алексием Товтом, совершившемуся в 1891 г. и вызвавшему массовое возвращение униатов в Православие в Америке. Ввел в Сан-Франциско богослужения на английском языке, что стало причиной недовольства местной общины, обратившейся с жалобой в Синод и просившей восстановить богослужения на церковнославянском. С 8 июня 1891 г. — епископ Острогжский, викарий Воронежской епархии. Выехал в Россию 2 октября 1891 года. С 1896 г. — епископ Оренбургский и Уральский, а с 1903 г. — епископ Екатеринбургский и Ирбитский. 18 марта 1910 г. уволен на покой по болезни и назначен настоятелем Спасо-Андрониевого монастыря в Москве. В 1921 г. Патриархом Тихоном возведен в сан архиепископа и назначен на Екатеринославскую кафедру. В 1924 г. был выслан властями из Екатеринославля в Москву без права выезда. После похорон Патриарха Тихона архиепископ Владимир 29.04.1925 г. был заключен в Бутырскую тюрьму по обвинению в «распространении непроверенных слухов о притеснении со стороны Советской власти Тихоновской Церкви». В январе 1926 г. примкнул к григорианскому расколу, был назначен григорианским ВВЦС на Днепропетровскую кафедру. В июне того же года принес покаяние Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). Пребывая на покое, служил во Всехсвятской церкви в селе Всехсвятском (ныне в черте Москвы). В этот период Павел Корин писал портрет архиепископа Владимира для картины «Русь уходящая». Скончался 27 ноября 1931 г. в Москве в страшной нищете. Погребен у алтаря Всехсвятской церкви села Алексеевского (ныне в черте Москвы). То, что митр. Сергей называет владыку Владимира архиепископом и знает о том, что он еще жив, говорит о том, что он был относительно осведомлен о состоянии дел в Москве.

⁴³ Дачу для Миссии в местечке Тоносава недалеко от Хаконэ построил на свои собственные средства иеромонах Владимир (Соколовский) по благословению святителя Николая (Касаткина) для того, чтобы там могли отдыхать во время каникул студенты семинарии.

⁴⁴ Беляев Андрей Семенович — прихожанин и псаломщик Воскресенского собора в Токио. В 1946 г. опубликовал в «Журнале

Московской Патриархии» статью о Японской Православной Церкви (см.: В Японии // Журнал Московской Патриархии. 1946. №8. С.55–56).

⁴⁵ Покровский Виктор Александрович (1897–1990) — регент, переводчик и аранжировщик. Работал в Токийском соборе в 1924–1962 гг. за исключением времени Второй мировой войны. Ему успешно удалось объединить русскую литургическую мелодию с японским языком. В 1962 г. с семьей эмигрировал в США, где управлял приходским хором. Скончался 12.02.1990 г. и был похоронен в Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании.

⁴⁶ Яичковский, Смоленский, Строкин, Архангельский и др. — русские церковные композиторы.

⁴⁷ «Хлеб Небесный», № 1. С. 29. «Хлеб Небесный» — православно-монархический и духовно-нравственный журнал русской эмиграции в Китае. Выходил в Харбине со второй половины 1920-х до 1944 г. при Казанском Богородицком мужском монастыре по благословению архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия (Герасимова). Журнал издавался с 1926 г. ежемесячно. В 1935 г. вышли № 1–3 (январь–март), после чего журнал был закрыт правительством Маньчжоу-го.

⁴⁸ Гондатти Николай Львович (1860–1946) — русский государственный деятель, исследователь Северной и Северо-Восточной Сибири. Шталмейстер Двора Его Императорского Величества Николая II, действительный статский советник. Член многих русских ученых обществ. Последний генерал-губернатор Приамурского края. Этнограф, антрополог. Назначен на должность генерал-губернатора в 1911 г. Проводил политику укрепления могущества России на Дальнем Востоке. В отношении аборигенов края не допускал вмешательства в их самобытную жизнь, запрещал торговлю алкоголем в национальных селениях. После революции эмигрировал в Харбин.

⁴⁹ Антипас Герасим Дмитриевич (? — 1932) — меценат. Российский грек. Промышленник, владелец водочного завода. В эмиграции в Китае. В г. Харбин приехал из Одессы. Церковно-общественный деятель. Церковный староста Свято-Иверской церкви и «Дома милосердия» в Харбине. Крупный коммерсант. Благотворитель. Умер 7.05.1932 г. в Харбине, похоронен в ограде Свято-Иверского храма.

⁵⁰ John McKim D.D. (Джон Мак-Ким; 1852–1936) — англиканский епископ Северного Токио. Получил богословское образование в семинарии Нашота-Хаус. С 1880 г. был миссионером в Японии. На покое с 1935 г., проживал в Гонолулу (США).

⁵¹ Сэнума Какусабуруо (Иван Акимович; 27.06.1868–?.08.1945) — ректор Токийской православной духовной семинарии. В 1890 г. поехал в Российскую империю учиться в Киевской духовной академии. По возвращении на родину стал профессором, потом ректором Токийской духовной семинарии. Переписывался с Л.Н. Толстым. Совместно с писателем Озаки Коуёу впервые в Японии перевел на японский язык «Анну Каренину».

⁵² Бенто — японский термин для однопорционной упакованной еды. Традиционно бенто включает рис, рыбу или мясо и один или несколько видов нарезанных сырых или маринованных овощей в одной коробке с крышкой.

⁵³ Протоиерей Павел Морита — православный священник-японец.

⁵⁴ Накагава Нозому (15.03.1875–01.04.1964). Родился в самурайской семье. Государственный служащий в Министерстве внутренних дел Японской империи. Служил в разных должностях, в том числе губернатором префектуры Осака. Председатель правительственного учреждения — Департамента по восстановлению после Великого землетрясения Канто, член Палаты пэров (Верхней палаты) Имперского Парламента Японской империи, член Тайного совета Японской империи. Был православным христианином.

⁵⁵ Священник Илия Сато — был обращен в Православие святителем Николаем (Касаткиным). Трудился катехизатором. На Соборе Японской Православной Церкви в 1911 г. был избран кандидатом для рукоположения в сан священника для служения в Корее. От назначения в Корею отказался, ссылаясь на незнание русского языка. Впоследствии решением Собора 1912 г. Илия Сато стал священником, окормляя около 10 приходов в центральной Японии. Могила протоиерея Илии Сато находится на православном участке кладбища Дзосигага, недалеко от могилы архимандрита Феодосия (Перевалова).

⁵⁶ Мефодий (Герасимов Маврикий Львович; 1856–1931) — митрополит Харбинский и Маньчжурский. Родился в семье священника Томской епархии. Окончил Томскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. Трудился псаломщиком в Алтайской Миссии. В 1885 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеромонаха и назначен заведующим Алтайским миссионерским катехизаторским училищем. В 1893 г. возведен в сан архимандрита и назначен начальником Алтайской Миссии. 2 июня 1894 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 1898 г. — епископ Забайкальский и Нерчинский. С 1912 г. — епископ Томский и Алтайский, с 1914 г. — епископ Оренбургский и Тургайский. В 1918 г. возведен в сан архиепископа. В начале 1919 г. эмигрировал в Китай. Решением Зарубежного ВЦУ в 1922 г. назначен управляющим вновь образованной Харбинской епархии. В октябре 1929 г. возведен постановлением Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви в сан митрополита. Скончался 28.03.1931 г. в Харбине.

⁵⁷ Пс. 79:15.

⁵⁸ Еф. 5:33.

Р. А. Савчук*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАВНОАПОСТОЛЬНОГО НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО

В статье рассматривается педагогический опыт равноапостольного Николая Японского. Первая часть посвящена обзору педагогической деятельности владыки, которая началась практически с самого начала пребывания святителя в Японии. Описывается система организованных равноапостольным учебных заведений при Духовной Миссии. Во второй части статьи рассматриваются главные педагогические идеи святителя, которые нашли отражение в его письменном наследии. Особое внимание уделяется таким вопросам, как воспитание христианских идеалов, последовательность и доступность в обучении, а также укрепление воли юных христиан.

Ключевые слова: педагогика, учебные заведения, миссия, христианские идеалы, традиция, воля, образность, развитие, знания, воспитание, семинария, катехизаторское училище.

---

*Автор — магистрант Николо-Угрешской православной духовной семинарии, кафедра истории Русской Православной Церкви (г. Дзержинский, Московской обл.)

Введение

Труды равноапостольного Николая, Просветителя Японии, вошли в историю не только как уникальный по своим масштабам подвиг проповеди Православия в новое время. Это был также достойный подражания пример мирного взаимодействия представителей разных культурно-исторических традиций.

Труд миссионера во многом сопоставим с трудом педагога. В центре их деятельности — человек. Цель всех усилий — воспитание личности и утверждение ее в достойных идеалах. Равноапостольный Николай безусловно осознавал важность воспитания новообращенных христиан и их детей в христианском духе. Он основал ряд учебных заведений, в которых принявших Православие японцев учили быть верными заветам Церкви, не поддаваться искушениям языческого общества. В то же время из школ равноапостольного Николая выходили не только достойные христиане, но и ученые, писатели, государственные деятели.

Педагогические идеи Просветителя Японии, дошедшие до нас в его дневниковых записях, письмах, свидетельствах очевидцев, раскрывают перед современными христианами глубины жизненного опыта замечательного миссионера. Владыка знал человеческую душу, понимал, что нужно христианину для утверждения в высоких евангельских идеалах. Педагогический опыт равноапостольного Николая ясно свидетельствует о жизненности православных традиций воспитания, их действенности и возможности применения в самых разнообразных общественно-исторических условиях.

Школы равноапостольного Николая

Владыка Николай мыслил стратегически. Он понимал, что усилиями одного человека невозможно создать в рамках целой страны такое живое и органичное общество,

как Церковь. Для этого нужны помощники. Да еще и в деле распространения веры, где требуется особая точность во взглядах, способность отстоять их, помощники должны быть людьми в высшей степени подготовленными. Ввиду этого Просветитель Японии с предельной внимательностью и особой заботой относился к вопросу о «делателях жатвы», о религиозном воспитании и образовании будущего духовенства, катехизаторов и женщин-христианок [1. С. 32]. В одном из писем он отмечал, что «воспитание помощников миссионерам, и вместе людей, которые бы со временем заменили собою миссионеров <...> должно быть одной из самых главных забот миссии» [2. С. 254]. В воззвании «Господам, окончившим курс в духовных академиях», от 29 апреля 1886 года святитель указывал, что делателям на ниве просвещения в Японии «удобно и прилично быть по преимуществу самим японцам. Но японцев для того нужно образовать...» [3. Л. 2 об.].

Другой сферой, в которой педагогический талант равноапостольного Николая принес обильные плоды, было воспитание молодых поколений православных японцев, не связанных напрямую с церковным служением. Это был вопрос в высшей степени важный. Речь шла о формировании поколений, для которых Православная Церковь с ее обычаями, культурой стала бы близкой и родной. Задача была непростой. Ведь дети христиан чаще всего воспитывались в светской или полуязыческой среде. В школах православной миссии обучались далеко не все юные члены Церкви. Для большинства из них христианской школой были только их родные семьи и общины, которых в деле воспитания наставлял владыка Николай. М.Н. Катков, единомышленник и добрый знакомый святителя, отмечал: «Во всяком другом деле ошибки поправимы, но в вопросах народного просвещения они влекут к последствиям, гибельным для целых поколений» [4. Л. 1 об.]. Это хорошо понимал владыка.

Собственно преподавательской деятельностью равноапостольный Николай занимался практически с самого начала своего служения в Японии. Он обучал японцев, желавших изучить русский язык. В 1866 году в одном из писем к бывшему консулу И. Гошкевичу святой писал, что если чиновники не захотят давать деньги на школьные учебники, то пусть они будут приобретены на его собственные деньги, прилагаемые к письму. Просветитель Японии решительно заявлял: «Я не перестану трудиться для школы, и школа, уверен, будет; если Азиатский департамент не захочет помогать мне, я вынесу все на своих плечах, а все-таки школа будет» [5. С. 302–303].

Особенно активными педагогические труды архимандрита Николая стали после его возвращения в Японию из первой поездки домой в 1871 году. Уже в отчете за этот год он указывал, что независимо от его желания при церкви образовалась школа русского языка, «во-первых, из японцев, изучающих русский язык, чтобы быть переводчиками или читать научные книги, во-вторых, из готовившихся принять христианскую веру и желавших изучать язык в видах служения ей» [6. Л. 272 об. — 273]. Об учреждении школы равноапостольного Николая просили и влиятельные японские чиновники, даже губернатор. Ввиду этого «через две недели по приезде школа уже существовала — многолюдней, чем когда-нибудь» [7. Л. 4–4 об.]. Для нужд учащихся святой составил «русско-японский лексикон», который стал первым в японской истории полноценным словарем [8. Р. 24].

При первой же возможности, как только японское правительство отменило антихристианское законодательство в 1873 году, архимандрит Николай принял за организацию сети православных учебных заведений. В городе Хакодате он открыл катехизаторское училище для подготовки проповедников Православия из местных жителей. Благодаря трудам миссионера уже на 1874 году при миссии находилось 12 катехизаторов и 30 их учеников. А в «училище для хри-

стианских детей» было 60 учеников [9. Л. 1 об.]. Двенадцать самых усердных катехизаторов святой разослал по главным городам для организации просветительских школ [8. Р. 29].

В 1875 году открылась духовная семинария в Токио, куда набирали подростков с начальным образованием [10. С. 124–125]. Японцы поступали в семинарию обычно до крещения. Семинарский курс был семилетним, со специальным педагогическим классом для подготовки преподавателей. Преподавание велось на японском языке. Первоначально в семинарии преподавали русские миссионеры, затем преподавателями стали окончившие духовную школу японцы. Некоторые из них получили дополнительное образование в духовных академиях в России. Первым ректором был сам равноапостольный Николай, который долгое время преподавал догматическое богословие в старших классах [11].

Вот как свидетельствовал об устройстве Токийской семинарии один из ее выпускников, Сергей Сеодзи: «Жизнь семинаристов отличается каким-то особенным домашним, семейным характером; семинария представляет какое-то единое семейство, где старшие искренно любят младших, а последние уважают и постоянно следуют советам и наставлениям первых. Эта взаимная любовь особенно проявляется в случае каких-либо несчастных событий, происшедших с кем-либо из их среды. В случае, например, заболевания какого-нибудь воспитанника, все его товарищи постоянно посещают его, а некоторые и почти безотлучно сидят у его постели, ухаживая за ним и стараясь его утешить и ободрить. Мне особенно памятен один такой случай <...> Раз, когда я был уже в VI классе, один наш товарищ тяжело заболел; доктор еще заранее предсказал его близкую смерть; многие воспитанники, и особенно его товарищи, и днем и ночью не отходили от больного; мать его, приехавшая по морю из южного конца Японии, была в отчаянии. Вдруг, в одну ночь, часа в три она выразила желание принести Богу общую молит-

ву, прибавляя, что она чувствует что-то особенное; все присутствующие тут встали, и один из них начал читать обыкновенные вечерние молитвы; все товарищи горько плакали. И вот, среди этой горячей молитвы и слез матери и товарищей, больной спокойно предал душу свою Богу. Можно себе представить, как плакали после этого товарищи умершего и особенно его мать! Но зато какое утешение получила мать умершего, увидев и испытав на себе это горячее проявление всеобщей братской любви товарищей. Она потом навсегда сохранила в себе воспоминание об этой ночи, воспоминание не горькое, как было бы естественно, а умиленное...» [12. С. 407–408].

Первое женское училище было основано в 1873 году [13. С. 786]. По мнению многих иностранцев, оно было в то время лучшим женским учебным заведением [14. С. 238]. Сам владыка очень радовался тому, что выпускниц православной женской школы приглашали в качестве воспитательниц в разные учебные заведения по всей Японии. «Везде их желают и везде считают лучшими» [15. Т. 4. С. 98], — не скрывая радости, отмечал святитель. Также миссия содержала православную женскую школу в Киото. Японские христианки заботились о сиротах. Для этого в Токио был устроен первый в городе приют [16. С. 16].

Уже к 1894 году молодая Японская Церковь располагала семинарией в Токио, двумя школами катехизаторов и двумя женскими школами [10. С. 124–125]. Равноапостольный Николай уделял особое внимание школам в деле христианского воспитания японской паствы, тесно связанной с языческим миром. Он считал, что именно из школы «должны выйти настоящие христиане, без закваски язычества, способные потом и своими силами поддерживать и распространять христианство» [17. С. 166].

Хотя владыка всегда подчеркивал, что миссия воспитывает японцев для служения Церкви, однако широта и основательность образования делала воспитанников Православной Церкви востребованными в самых раз-

нообразных сферах общественной жизни. Православные школы пользовались большим авторитетом и уважением и в среде язычников. Так, в августе 1898 года один богатый язычник отдал в семинарию своего сына «по общему фамильному совещанию, для направления его поведения» [18. Т. 3. С. 778]. Даже министр иностранных дел Японии Создзима Танэоми отдал на обучение в семинарию своего сына и двоих племянников [19. С. 35].

Согласно подсчетам японского исследователя Наганава Мицуо, через православные школы равноапостольного Николая прошло порядка 1000 учеников [20. С. 15]. Владыка создал целую школу переводчиков русской литературы на японский язык, заложив основы русистики в Японии [16. С. 16]. Кроме этого, святитель организовал изучение японского языка русскими мальчиками, которых направляли для этой цели из Восточной Сибири [21. С. 114]. Наследие Просветителя Японии в этом смысле является важным опытом организации мирного взаимодействия представителей разных социально-культурных традиций.

Кроме собственно японских учебных заведений святитель Николай смог создать эффективную систему образования для пленных русских солдат из простого народа во время русско-японской войны. Выяснив, сколько во всех лагерях на территории Японии неграмотных русских солдат, святой издал в Токио русскую азбуку и разослал ее по лагерям. Образованных же офицеров в своих письмах он просил стать учителями подопечных. Когда в лагерях в Тохаси и Сидзуока были открыты такие импровизированные школы, равноапостольный Николай послал туда учебные материалы для естественнонаучных опытов. Горячо поощрял он и освоение каких-либо профессиональных навыков, считая, что нахождение в плену может быть удобным случаем для обучения [22. С. 18].

Любовь владыки к просвещению и забота о нем простиралась даже и на его земляков. В 1900 году он написал «трогательное письмо» известному педагогу, земляку и

единомышленнику С.А. Рачинскому, в котором предавал свою орденскую пенсию (200 руб. в год) на школьные нужды родного прихода, где он родился и вырос [23. Л. 107].

Искренняя увлеченность святителя Николая педагогическим трудом вдохновляла и его последователь. Подражая владыке, многие японские священники и миряне основывали школы в разных местах Японии [24. Р. 172–173].

О действенности педагогических идей равноапостольного Николая, их практической значимости свидетельствуют плоды трудов Просветителя Японии и учрежденных им учебных заведений. Так, прибывший в Японию в 1874 году Л.И. Мечников отмечал, что русских переводчиков было больше и именно русские переводчики отличались лучшим знанием своего дела. Те из них, которые никогда не были в России, научились «довольно удовлетворительно говорить по-русски» в училище, устроенном русскими миссионерами [25. С. 122–123]. Среди учеников святителя Николая были Горо Амада, автор бестселлера «Гангстерская история Токая»; Такусабура Горо, которого называли «вечным искателем» и который стал автором конституции Мэйдзи. Обратился в Православие и студент Кентаро Ой, преуспевший со временем в политической карьере. Кенсусе Андо, преподававший одно время в Петербургском университете, затем стал мэром Иокогамы. Нозому Накагава — губернатором Осаки, а Хичисабуро Хирао — министром просвещения. Все эти и многие другие студенты равноапостольного Николая были очень активны на японской политической арене в ту эпоху [26].

Педагогические идеи Просветителя Японии

Рассмотрение педагогической деятельности апостола Японии было бы неполным без обзора тех основных идей, которые он вкладывал в систему созданных им

учебных заведений. Ввиду этого кратко рассмотрим некоторые из постулатов, которыми владыка руководствовался в своей воспитательской деятельности.

Высокие идеалы

Равноапостольный Николай хорошо понимал особенности развития юных душ. Владыка осознавал, что воспитание воли, ума и чувств ученика должно происходить органически, соответственно его природе и согласно дару свободы. Вот почему святитель большое внимание обращал на привитие воспитаннику идеалов, которые он будет считать близкими сердцу, родными, к которым сам будет стремиться. Просветитель Японии считал, что следует развивать у детей чувство высокого призвания христианина, понятие долга и служения высшим идеалам. Это фундамент, который позволит успешно реализовать остальные воспитательские цели. «Счастлив юноша, если идеал его не мираж» [27. Т. 2. С. 566], — говорил владыка об истинных жизненных целях и мотивах. С этой мыслью у равноапостольного Николая связано много советов и рекомендаций наставникам и родителям подрастающих поколений.

В дневниках владыки не раз встречаем строки: «После обедницы и проповеди так беседовал с братьями, между прочим, убеждая воспитывать детей для неба, в чем родителям помогают Ангелы-хранители детей» [27. Т. 2. С. 458]. Безусловно, этот принцип святитель реализовывал и в своих школах. В одном из отчетов Миссии об учебных учреждениях говорилось следующее: «Учащиеся, начиная с самых старших и кончая самыми младшими, крепко сознают, что они учатся для того, чтобы быть проповедниками учения Христова в своей стране» [28. С. 311]. И наоборот, если воспитанник не имел должного осознания и сосредоточенности на своем христианском призвании, если высокие идеалы не овладевали им настолько, что могли быть надежным руководством в жизни, то, невзирая на все достоинства юной души, такой воспитанник, по мнению святителя, расточал богатство, данное ему Богом.

Воспитание «для неба», воодушевление подрастающих поколений с помощью истинных идеалов должно стать, по мысли равноапостольного Николая, надежным основанием для добродетельной жизни, которая, безусловно, связана с правильными и высокими понятиями о человеческом призвании. «Внушите человеку, что он потомок обезьяны и что со смертью тела исчезнет и душа, может ли быть такой человек добродетельным?» — вопрошал святитель одного ученого. Руководствуясь ограниченными земными идеалами человек «будет добр, пока это ему полезно, как добра и обезьяна, пока ее ласкают; но учинит тотчас и зло, если увидит, что это ему полезней, как обезьяна украдет кусок сахара, потому что любит его». «Совсем иное, если воспитать человека в понятии, что он — сын Божий и наследник Царствия Небесного, каков и есть на самом деле» [18. Т. 3. С. 609].

Основы христианской веры, ясно и твердо запечатленные в душе, являются для молодых людей «прочным фундаментом их развития и крепкого стояния в жизни». Без этого «труды <...> наверное, будут наполовину пропащие»: даже самые одаренные юноши могут или «сбиться с прямого пути», или «с отчаяния броситься в водопад, как теперь, по-видимому, мода у многих даровитых юношей в Японии» [29. Т. 5. С. 609].

В связи с этим владыка считал, что человек должен быть целеустремленным, с ясным осознанием своих идеалов, иначе им овладевают шатания и пагубные увлечения. Вот что он говорил об одном из выпускников семинарии, отправленном в Россию, в письме к С.А. Рачинскому: «Сей юноша, несмотря на многие любезные качества и разнообразные способности, к служению Церкви непригоден по крайнему легкомыслию и беспрестанным увлечением вещами, с задачами Миссии ничего общего не имеющими» [30. Л. 31]. Напротив, святитель хвалил своего земляка — командира крейсера «Россия» Александра Михайловича Доможирова, называл его «милым челове-

ком», замечая: «Впрочем, не потому милый, что земляк, а что отличный служака — с идеальными стремлениями» [18. Т. 3. С. 748]. Да и сам Просветитель Японии говорил о себе, что он всегда искал «исполнение идеала высоты, вообще всего, что для меня представляется высоким» [31. С. 430].

Естественно, для того чтобы добрые идеалы стали для воспитанника надежным руководством во всех его поступках, следует, по мысли Просветителя Японии, сделать их близкими и родными сердцу ученика. Святитель хорошо понимал, что человек успешно и увлеченно занимается тем, что он выбирает сам, по внутреннему побуждению. Об этом направлении педагогической деятельности духовных школ, которыми руководил владыка Николай, говорилось в упоминаемой характеристике воспитанников семинарии: «Для большинства из них церковные интересы — их родные, собственные интересы. Их мысли, чувства и все действия неизменно вращаются, хотя бы и с некоторыми отклонениями, около одного центра — христианской религии; так они выросли, к тому навывкли и с тем более или менее неизменно останутся на всю жизнь» [28. С. 311]. «Будьте всегда прилежны в исполнении вашего долга во всех отношениях» [15. Т. 4. С. 474], — наставлял святитель выпускниц женской школы.

Сам Просветитель Японии подавал пример подобного отношения к своему призванию, называя его «лучшим и совершеннейшим из земных поприщ» [32. Л. 2 об.]. Святитель, по выражению современников, «носил в себе возвышенные идеалы», поэтому никогда не останавливался на достигнутом, всегда стремился к усовершенствованию настоящего порядка, предъявлял высокие требования к себе и окружающим [33. С. 44]. Вот как владыка свидетельствовал об этом в дневниках: «Боже, как мучительно заведывать всем в священном деле и в то же время видеть одни недостатки — и в себе, и в других! Хоть бы чем совершенным Господь порадовал!» [18. Т. 3. С. 283].

Высота идеалов равноапостольного Николая неустанно подвигала его на самоотверженный труд, давала силы выдержать горькие моменты сомнений и разочарований. Вот почему он считал весьма важной задачей привитие ученикам истинных христианских идеалов и устремлений [15. Т. 4. С. 829–830].

Обращал внимание святитель и на необходимость иметь твердый религиозный фундамент воспитания. Равноапостольный Николай по этому поводу так говорил о современной ему японской системе образования, лишенной каких-либо религиозных начал [34. С. 91]: «Окиньте взором нынешнюю сеть японских учебных заведений: густая и прекрасная сеть; но с одним недостатком: религиозного научения в ней нет; нравственное кое-как старается ютиться — на естественном законе (что такое он без Бога), на обрывках конфуционизма, индобуддизма; все это представляет весьма печальную картину — отсутствие прочных основ нравственного воспитания для японского народа в глазах всякого здравомыслящего человека» [35. С. 38]. Как видим, по мысли равноапостольного Николая, для воспитания высоких идеалов и устремлений у ребенка важное значение имеет привитие ему уважения к вере.

Последовательность и доступность в воспитании

Воспитателю необходимо следить, чтобы не отрываться в заоблачные высоты, оставив воспитанников без должного твердого основания. Во всем должна быть последовательность. Вот что говорил владыка об этом педагогическом принципе в своем дневнике: «Был на экзамене по русскому языку в первом классе семинарии: Иоанн Кавамото, учитель, по неопытности, парил в высотах, оставляя нужную твердую почву» [18. Т. 3. С. 426]. В другом месте по поводу отсутствия должных практических навыков у воспитанников равноапостольный замечал, что учитель — «теоретик, практически рассуждать не мастер»,

почему и заставлял учить ненужное [15. Т. 4. С. 826]. Также после одного из семинарских выпускных актов Просветитель Японии подчеркнул в дневнике, что лучшее слово сказал учитель Петр Уцияма. Но даже при этом святитель заметил, что речь «идеальничаньем больно изобиловала» [29. Т. 5. С. 540]. Равноапостольный Николай всегда отмечал, что в деле воспитания необходимы предельная четкость и ясность, чтобы воспитанники хорошо понимали требования их наставников. По этому поводу в предисловии к русскому переводу японской нравственной хрестоматии для детей он писал: «Действительно, интересно, как японские дети почти с молоком матери всасывают нравственные правила, самые необходимые для руководства в жизни. Правила эти выражены в книге с такою типичною ясностию и так кратко, что для детей самого малого возраста не может быть никаких затруднений в понимании и усвоении их...» [36. С. 1].

Владыка был решительно против того, чтобы допускать размытия христианских нравственных истин в погоне за современными научными изысканиями. Так, святитель резко отреагировал на предложение пригласить несколько профессоров университета, чтобы они прочитали лекции по современным наукам во время летних чтений для катехизаторов. Равноапостольный Николай строго запретил «плавать по воздуху и предпринимать глупости». Он считал, что подобное начинание не может принести никакой практической пользы, напротив, атеистические идеи университетских профессоров только развращают умы слушателей [15. Т. 4. С. 623–624].

Святой однозначно утверждал: «Академии должны разрабатывать науку ближе к жизни, а не писать на темы, в которых и диавол ногу сломит, или которые и лягушкам не нужны». В целом же владыка считал одним из главных требований качественного педагогического процесса доступность преподаваемого материала, потому что, говорил он, «в школах долбят кое-что, но не понимают и скоро забывают...» [27. Т. 2. С. 296, 297].

В этом отношении и проповедь равноапостольного Николая как одна из форм церковного учительства не была умозрительно-отвлеченной, но все время претворялась в жизнь, проникала в семью и быт [1. С. 35]. Подобную идею о том, что высшие идеалы должны быть доступны и понятны ученикам, высказывал также и С.А. Рачинский: «Нет, не в сфере отрешенного искусства нужно искать удовлетворения эстетических потребностей народа, — писал он, — а в сфере его практических нужд, в сфере его обыденной жизни» [37. С. 63]. Ввиду этого Сергей Александрович всегда ревностно защищал пусть и не столь образованных, но имеющих хорошие практические навыки учителей, перед их образованными коллегами, которые «требуют от людей, знающих не в пример более их, знакомства со всею методологической дребеденью, которою их напичкали в институте» [38. Л. 6].

Воспитание воли

Даже самые высокие идеалы не могут быть окончательным залогом доброй христианской жизни. Без воспитания у юных душ нравственного стержня, воли, их внутреннее сокровище может остаться нереализованным, а значит, утраченным. Можно знать на память все истины, иметь их «вечно в устах и головах», но если идеалы не «перейдут в волю», как выражался святитель, «не будут испытаны» и «осуществляемы в поведении», то даже самое незначительное затруднение в жизни, связанное с нравственным выбором, может стать для воспитанников непреодолимым препятствием [18. Т. 3. С. 706].

Равноапостольный Николай считал, что, открывая перед молодыми людьми свет истинной веры, вкладывая в их души высокие христианские идеалы, следует особо позаботиться о воспитании у подрастающих поколений правильного отношения к Богом данным силам, задаткам и склонностям. Нужно помочь юным душам обуздать собственную природу. Воспитатель должен с осторож-

ностью, но все же властно и твердо направлять их естественные наклонности в благоприятное русло. Святой замечал по этому поводу: «...и самая злая натура громко кричит, признавая себя свободной. Вот тут-то и важно дело воспитания, и я не знаю, что еще в жизни важнее его; и в этом деле важнее всего именно воспитание у детей воли, развитие и укрепление добрых наклонностей» [35. С. 44]. Владыка считал, что данные Богом задатки и таланты часто развиваются неправильно из-за недостатка воспитания, потому что человек не умеет правильно ими распорядиться [39. Т. 1. С. 79]. «Невоспитанность и невыдержка» даже при «богачейших способностях» и «достаточном развитии» могут привести к тому, что человек становится «непригодным» для созидательной деятельности [18. Т. 3. С. 102].

В чрезмерном попустительстве упрекал равноапостольный Николай и японских родителей. Святой писал: «Нередко приходится слышать о каком-нибудь сопляке лет 12: «Да он не хочет». Там, где именно родители должны бы рассудить за ребенка и направить его, они вполне отпускают вожжи, – отчего и пропадает столько японской молодежи...» [27. Т. 2. С. 27]. Таким образом, волю ребенка равноапостольный Николай считал одним из главных объектов воспитательского воздействия. «Что пользы, что те же Григорий Такахаси, Хино и другие умны, коли они остались слабовольными или своевольными! – сетовал владыка по поводу некоторых воспитанников семинарии. – А какими бы они вышли полезными деятелями, если бы во все время их воспитания не дать им ни одного дня своевольничать, капризничать, а заставлять исполнять неуклонно свои ученические обязанности!» [35. С. 44].

Архиепископ особо отмечал мысль одного из западных миссионеров, который говорил, что «знание – кирпичи, для связи их нужно хорошее поведение, иначе доброе здание жизни не построится» [15. Т. 4. С. 788]. Святитель Василий Великий по этому поводу наставлял юношей:

«Должно обуздывать и сдерживать тело, как порывы зверя, и мятежи, производимые им в душе, усмирять, поражая рассудком, как бичом» [40. С. 1066]. А в педагогических размышлениях современника равноапостольного Николая святителя Феофана Затворника находим такие слова о воспитании воли: «Дитя, предоставленное самому себе, делается неукротимо своевольным. Потому родителям строго должно блюсти эту отрасль душевной деятельности» [41. С. 15].

В этом контексте примечателен один пример. Как-то равноапостольный Николай очень расстроился из-за неблагочестивого отношения к Причастию японцев, окончивших духовные академии в России. Это были четыре кандидата богословия. Некогда они были одними из лучших выпускников токийской семинарии, благочестивыми и усердными. Однако в России, по словам владыки, они обращали внимание не на лучшие примеры, а на дурные, «льстящие извращенной природе человека». При этом они поддались воздействию таких примеров из-за того, что не имели сильного внутреннего стержня, были в целом людьми заурядными, «не из блестящих, не из самостоятельных» [15. Т. 4. С. 39]. Таким образом, равноапостольный Николай считал, что главная цель воспитания — вооружить человека нравственной твердостью, способностью противостоять влиянию плохих примеров. Он сам был, по замечанию сподвижников, «крепок духом, преодолевал эгоизм, характера твердого и выносливого, мужествен и непоколебим, как воин» [42. С. 25]. А юные христианские души святитель уподоблял распустившимся цветам, «но цветы хороши только как надежда на плод, бесплодный цвет — предмет печали и посмеяния» [15. Т. 4. С. 657].

О том, что следует особо внимательно относиться к воспитанию у подрастающих поколений воли, говорил и выдающийся педагог, старший современник равноапостольного Николая К.Д. Ушинский. Он уделял боль-

шое внимание воспитанию у подопечных нравственной твердости и считал, что воля выражает власть души над телом, «нервным организмом». При этом, по мнению Константина Дмитриевича, «власть души над телом очень велика» [43. Т. 2. С. 260, 263]. Интересно, что в последние дни жизни святитель Николай, размышляя над своей болезнью, говорил, что душа своей силой способна даже истощить организм, настолько велика ее власть над телом: «Так как кроме тела есть душа, да и сильнее она тела, — вот душа и работает, и волнуется, и меры, удержу не знает, на тело смотря как на помеху. Глядь — а тело-то и ослабело!» [44. С. 253].

К.Д. Ушинский считал, что воля «развивается и формируется опытами» [43. Т. 2. С. 263]. Подобно ему и равноапостольный Николай отмечал, что воля воспитывается «неуклонным исполнением предписанных правил» [35. С. 43–44]. Вот почему святой уделял такое внимание твердости в воспитателе. Таким образом, воля ребенка для Провосветителя Японии всегда была в центре воспитательской деятельности. Без ее надлежащего воспитания невозможно образование целостной человеческой личности.

В данном контексте интересны критические замечания единомышленника владыки М.Н. Каткова относительно университетского устава 1863 года, которые он изложил в докладной записке императору Александру III. Известный публицист и общественный деятель указывал, что произвол и расстройство дисциплины в университетах после введения нового устава очень плохо повлияли на воспитание студентов. «Лучшие годы юности, когда человек окончательно формируется, — отмечал Михаил Никифорович, — протекают в праздности, безо всякой дисциплины, вне всяких обязанностей» [45. Л. 3]. В связи с этим автор докладной записки говорил о необходимости введения твердой дисциплины и контроля со стороны государства над учебным процессом.

Выводы

Педагогические идеи равноапостольного Николая Японского, безусловно, сохраняют свою актуальность и для современной теории воспитания. В них соединены жизненная мудрость, обилие практического опыта и глубокое знание православной традиции. В чуждой христианству языческой среде владыка успешно воспитывал в юных христианах верность евангельским ценностям. Он считал главной целью воспитания образование самостоятельной нравственно устойчивой личности. Эта цель является актуальной и для современного христианского воспитания. Задача научить детей справляться с вызовами общества, во многом чуждого христианским ценностям, стоит и перед современными родителями и педагогами. Опыт равноапостольного Николая в этом смысле — замечательное руководство в организации полноценного христианского воспитания.

Литература

1. *Антоний, архиеп. Минский и Белорусский*. Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай // Богословские труды. Вып. 14. М.: Издательство Московской Патриархии, 1975. С. 5–61.
2. *Николай Японский, свят.* Видна Божия воля просветить Японию: Сб. писем / Ред.-сост. Г.Г. Гуличкина. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.
3. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 167. Д. 2296.
4. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 120. Катков. К. 52. Ед. хр. 6.
5. Письма Николая (Касаткина) бывшему русскому консулу в Японии И.А. Гошкевичу / Подготовил к публ. В.А. Онищенко // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. № 14. Владивосток, 2007. С. 294–311.

6. РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1422а.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 862. Оп. 1. Д. 117.
8. *Ishido A.* The Achievement of St. Nicholas: Equal to the Apostles and Evangelizer of Japan. Masters of Theology Thesis, St. Vladimir's Orthodox Seminary, 1974.
9. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (далее — ЦГИАК Украины). Ф. 127. Оп. 679. Д. 210.
10. *Рынковой И., диак.* Духовное образование как одна из важнейших задач миссионерской деятельности святителя Николая Японского // Угрешский сб. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Вып. 3. М.: ООО «Издательство ПЕНАТЫ», 2013. С. 119–136.
11. *Колыванов Г.Е.* Духовные семинарии Русской Православной Церкви за пределами России в начале 20 века. URL: http://www.mrda.ru/site_pub/82514.html (дата обращения 20.01.2015).
12. *Сеодзи С.* О Православной миссии и Церкви в Японии // Прибавления к Церковным ведомостям. 1891. № 13. С. 403–410.
13. Православная Церковь в Японии // Прибавления к Церковным ведомостям. 1889. № 27. С. 783–791.
14. *Кривко Ю.Б.* К истории деятельности миссии Русской Православной Церкви в Японии в конце XIX — нач. XX в. // Материалы междунар. конференции молодых историков. Харьков, 1994. С. 236–241.
15. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. / Сост. К. Накамура. Т. 4. СПб.: Гиперион, 2004.
16. *Саблина Э.Б.* Православная Церковь в Японии в конце XIX–XX вв. и ее основатель святитель Николай. Автореф. на соискание ученой степени кандидата историч. наук: (07.00.03). М.: МГУ, Институт стран Азии и Африки, 2000.
17. *Левитский Н.* Апостол Японии. Преосвященный Николай, архиепископ Японский (К годовщине со дня его кончины) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г.Е. Бесстремянная. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012. С. 153–199.
18. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. / Сост. К. Накамура. Т. 3. СПб.: Гиперион, 2004.

19. *Николай-до*. Святитель Николай Японский: краткое жизнеописание. Выдержки из дневников / Сост., расшифровка текста и коммент. А. Чех. СПб.: Библиополис, 2001.

20. *Иванова Г.Д.* Жизнь и деятельность Николая Японского // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти свт. Николая, Апостола Японии. СПб.: Изд. СПб. университета, 1996.

21. *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г.Е. Бесстремьяная. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012. С. 48–152.

22. *Накамура К.* Сострадание св. Николая. Строки из дневников святого // Япония сегодня. 2005. № 6. С. 17–19.

23. НИОР РГБ. Ф. 230. Победоносцев. К. 4418. Ед. хр. 1.

24. *Naganawa M., Kaneishi M., Nakamura K., Nakamura E., Maruchi K., and Mchael Van Remortel.* The Japanese Disciples of St. Nikolai // Saint Nikolai Kasatkin and the Orthodox Mission in Japan / ed. by Michael Van Remortel & Dr. Peter Chang. California, 2003. P. 140–182.

25. *Иванова Г.Д.* Культурная деятельность консульства в Хакодаде // Из истории общественной мысли Японии XVII–XIX вв. / Отв. ред. В.Н. Горегляд. М., 1990. С. 117–129.

26. *Прокл Ясуо Ушимару, прот.* Японское Православие и культура периода «Мейдзи». URL: [http:// portal-credo.ru](http://portal-credo.ru) (дата обращения 20.01.2015).

27. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. / Сост. К. Накамура. Т. 2. СПб.: Гиперион, 2004.

28. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1890 и 1891 гг. СПб., 1893.

29. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. / Сост. К. Накамура. Т. 5. СПб.: Гиперион, 2004.

30. НИОР РГБ. Ф. 230. Победоносцев. К. 4415. Ед. хр. 3.

31. Воспоминания Преосвященного Николая, миссионера Японского (из дневника архим. Андроника) // Православный собеседник. Октябрь 1900. С. 429 – 434.

32. РГИА. Ф. 796. Оп. 164. Д. 2330.

33. *Галахов И., прот.* Высокопреосвященный Николай, архиепископ Японский (3 февраля 1912 г.) // Святитель Николай

Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г.Е. Бесстремянная. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012. С. 28–47.

34. Современная Япония и христианство // Православный благовестник. 1896. № 10. С. 89–95.

35. «Я здесь совершенно один русский...». Письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии / Публ. и комм. Р.К. Цуркана. СПб., 2002.

36. *Булгаков П., прот.* Нравоучительная хрестоматия для начальных школ Японии. Ч. первая. Кн. I–III. Иокохама, 1909.

37. *Рачинский С.А.* Народное искусство и сельская школа // Рачинский С.А. «Из доброго сокровища сердца своего...». Нижний Новгород: Родное пепелище, 2013. С. 62–67.

38. НИОР РГБ. Ф. 230. Победоносцев. К. 4411. Ед. хр. 4.

39. Дневники святого Николая Японского. В 5 тт. / Сост. К. Накамура. Т. 1. СПб.: Гиперион, 2004.

40. *Василий Великий, свт.* Беседа к юношам о том, как получать пользу из языческих сочинений // Свт. Василий Великий, Архиеп. Кесари Каппадокийской. Творения. В 2 тт. Т. 1: Догматико-полемические творения. Экзегетич. соч. Беседы. М.: Сибирская Благовонница, 2008. С. 1054–1069.

41. *Феофан Затворник, свт.* Основы православного воспитания. М.: Сибирская благовонница, 2009.

42. *Зенина Л.В.* Японские ученые о Российской духовной миссии в Японии // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти св. Николая, апостола Японии (1836–1912). СПб.: Изд. СПб. университета, 1996. С. 21–30.

43. *Ушинский К.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 2. СПб., 1871.

44. *Сергий (Тихомиров), еп.* Памяти архиепископа Николая Японского (К годовщине кончины его; 3 февраля 1912 г.) // Свяtitель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г.Е. Бесстремянная. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012. С. 200–288.

45. НИОР РГБ. Ф. 120. Катков. К. 52. Ед. хр. 9.

Протоиерей Алексей Ястребов*

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И РИМСКАЯ ЦЕРКОВЬ

В статье делается обзор контактов Москвы-Петербурга и Святого Престола в период правления Петра I. Основываясь на исследованиях дореволюционных и советских историков, мы приходим к выводу, что император не имел намерений насадить унию или иным образом добиваться соединения Церквей. В ранний период правления Петра контакты с Римом были весьма оживленными, но после Полтавской победы в силу практической бесперспективности «ватиканского направления» отношения становятся менее интенсивными, хотя Католическая Церковь в России пользуется свободой как никогда прежде.

Ключевые слова: Петр I, Католическая Церковь, папа Климент XI, Римская курия, веротерпимость, иезуиты.

Контакты Киевско-Галицкой и Владимиро-Московской Руси с Католической Церковью и, в частности, с Папским государством восходят к правлению равноапостоль-

---

* Автор — кандидат богословия, доктор философии. Настоятель прихода святых жен-мироносиц в Венеции (Италия), Русская Православная Церковь, Управление заграничными учреждениями Московского Патриархата.

ного князя Владимира и ко времени Петра насчитывали уже без малого шесть веков¹. Своей сверхзадачей во все времена Рим ставил обращение России в католичество, тогда как русские великие князья и цари преследовали интересы государства, не идя при этом на вероисповедные уступки. Эпоха противостояний с военными орденами на северных рубежах Руси сменилась борьбой с унией в юго-западных пределах, тогда как Московское государство в то же самое время наладило с Римом регулярные дипломатические контакты, особенно интенсивные в последний период правления Ивана Грозного. Дальнейшей нормализации отношений помешала Смута, когда Римская курия ошибочно посчитала, что все, в чем она была заинтересована, можно взять без переговоров и даром.

Естественно, что после Смуты отношение Москвы к католикам было неприязненно настроенным. По тепление наступило лишь в годы царствования Феодора Алексеевича и регентства Софьи, когда при дворе вновь стали благосклонно относиться к полякам, в Москву поехали западнорусские ученые монахи, а Симеон Полоцкий готовил открытие первого университета.

Ватикан пытался решить в России несколько задач: побудить Россию к активным действиям против турок, добиться больших успехов унии в Западной Руси (здесь нужно было лишь невмешательство русских в дела католической пропаганды), получить разрешение на беспрепятственный пропуск миссионеров в Китай и Персию и на публичное отправление католического богослужения в самой России².

Петр I, начиная с Азовских походов и Великого посольства, проводил активную внешнюю политику, стремясь создать в Западной Европе выгодную для России систему «сдержек и противовесов». Святой Престол играл в «европейском театре» важную роль, и Петр взаимодействовал с ним также охотно и прагматично, как и с другими европейскими дворами.

Еще в Москве молодой царь, бывая в Немецкой слободе, познакомился с европейскими обычаями, проявляя расположенность к господствовавшему там протестантскому исповеданию, однако не чуждался и католиков, к которым принадлежал, например, генерал Гордон³. Во время Великого посольства царь посетил преимущественно страны Реформы: шведские пределы, немецкие курфюршества, Голландию, Англию, в которых, кроме интересовавших его первостепенных военно-технических и торговых вопросов, соприкоснулся и с церковной жизнью.

Установка государя на изучение русскими иных культурных, религиозных, социальных реалий была воспринята и его соратниками. Занятия и наблюдения путешественников времени Великого посольства во многом отражают и позицию самого царя. Особенно это касается вояжа Б.П. Шереметева, который хотя и не был официальным послом, но бесспорно получил от Петра указания по установлению прочных дипломатических контактов с итальянскими государствами и Мальтийским орденом⁴.

Его миссия стала «пробным шаром» Москвы в установлении благожелательных отношений и с Римом, возбудив надежды курии на обращение в католичество видного представителя русской аристократии и даже в перспективе самого царя⁵. В 1698 году он дважды встречался с папой, причем на первой аудиенции передал Иннокентию XII послание Петра и произнес речь (27 марта / 5 апреля 1698 г.)⁶. О чем боярин говорил с папой на втором приеме, в подробностях неизвестно, и это дало почву для догадок о том, что он прибыл для переговоров о возможном объединении Церквей⁷. Действительно, поведение русского вельможи будто бы давало повод считать, что он склоняется к принятию католичества⁸. В донесении иезуита отца Эмилиани из Москвы от 1699 года читаем, что вернувшийся из Рима Шереметев «необычайно прославляет нашу веру» [4. С. 41]⁹.

Вместе с тем в современных путешествиию Шереметева документах Римской курии чувствуется неудовлетворенность тем, что боярин не совершил «le grand acte», как называет его ожидавшееся обращение в католицизм отец Пирлинг¹⁰. Вторая встреча генерала с понтификом 14/24 июня 1698 года вызвала разочарование современника и очевидца событий, папского церемониймейстера, который, описывая ее, укоризненно замечает: «...он мог бы в этой аудиенции, оставив ошибки, предаться католической вере в руки Его Святейшества, и с таким окончанием (так!) обратился к нему славнейший Вицесереус¹¹, но после многих разговоров и с вызовом даже на аудиенцию П.Де Рубеиса, поляка из ордена иезуитов, не знаю почему, ничего не было совершено и, не сделав дела, он был отпущен и на следующий день уехал в Вену» [14. С. 108].

Государь в конце своего первого европейского путешествия побывал, наконец, в католической Австрии, где много общался с известным в ту пору проповедником, иезуитом отцом Вольфом. Он посещал богослужения в Коллегиуме Общества Иисуса, а также у примаса Венгрии, влиятельного кардинала Коллонича, сообщавшего тогда же в письмах государственному секретарю, кардиналу Спада, что царь готов воссоединиться с Римской Церковью¹². Затем уже на пути в Россию царь встретился в Раве Русской с иезуитом Вотой, которому сказал: «Соединение Церквей не невозможно», а затем в Замостье — с нунцием Давия, которому пообещал пропустить через Московию католических миссионеров (правда, в дальнейшем не торопился свои обещания исполнять)¹³.

Петр должен был (после Вены и Венеции) приехать в Рим лично, поэтому посещение Шереметева было лишь «артподготовкой» для визита «первого лица», причем испанский посол в Вене пишет, что Петр уже фактически вступил в переговоры с папой относительно объединения Церквей, действуя именно «через Шереметева» («...per mezzo del generale Szeremet») [1. P. 507].

Как видим выше, энтузиазм римского аппарата довольно быстро сменился недоумением и разочарованием из-за отсутствия ощутимых результатов такого старательного обхаживания видного московского аристократа¹⁴. Немного спустя похожие мысли слышатся из уст дипломатов и в отношении Петра: он в своих политических интересах умело пользовался стремлением Святого Престола к обращению его самого и его окружения в католичество, за каждую уступку требуя обоюдной услуги...¹⁵

Е.Ф. Шмурло пишет: «Политика Петра по отношению к Римской курии существенно отличалась от политики его предшественников. Это была политика «здорового реализма», руководившаяся соображениями практической пользы. Интересы государства, мира стояли у него на первом плане. Он ни на йоту не поступился бы интересами Русской Православной Церкви, но не видел нарушения их в большой терпимости к иноверцам и в признании за ними права свободно исповедовать свою веру» [1. Р. 227].

Так, уже после своего первого европейского путешествия царь обращался к папе Иннокентию XII с просьбой о помощи в заключении приемлемого мира с Турцией после Карловицкого конгресса, а затем через кн. П.А. Голицына в поисках посредничества Климента XI в русско-шведской войне (1702). Польский посол Дзялыньский, представлявший также папу, получил от Петра летом 1704 года ряд привилегий для Католической Церкви в России и намеки на возможность унии¹⁶. В 1707 году в Рим был отправлен кн. Б.И. Куракин отклонять папу от признания Станислава Лещинского польским королем¹⁷. В 1711 году офицер русской службы Павел Арколео прибыл в Вечный город и представил понтифику меморандум, в котором вместе с сообщением о начавшейся войне России с Турцией изобразилось доброе отношение царя к католикам¹⁸.

В свою очередь в рамках активных двусторонних контактов в Россию довольно часто приезжали разные представители Святого Престола: переговорщики, миссионеры (проездом в Китай), духовенство для служения в России.

Таким образом, отношение царя к Римской Церкви может быть с полным правом названо открытым. Фактически католичество пользовалось в России свободой, была лишь запрещена его пропаганда среди русских¹⁹. Католики могли строить церкви (с 1705 г.), причем кроме секулярных священников на территории России действовали три религиозных ордена, а проезд миссионеров в Китай был обеспечен за счет государства. Излишне говорить, что ничего подобного на Западе в отношении православных не было тогда и близко.

Изгнание иезуитов (17 апреля 1719 г.) не помешало делу католической проповеди: в Санкт-Петербурге, Москве и Астрахани ее продолжали капуцины и Меньшие братья²⁰. В 1724 году император разрешил было им постройку церкви в столице, однако в том же году представители обеих францисканских конгрегаций вслед за иезуитами высылаются из России по результатам разбирательства в Священном Синоде, касавшегося перехвата (в 1721 г.) корреспонденции, из которой явствовало, что члены этих орденов ведут запрещенную пропаганду католицизма²¹. Но на смену францисканцам пригласили доминиканцев²².

На самом же деле личное отношение государя к Католической Церкви, в первую очередь к ее политике, было весьма критическим, и оно проявлялось несколько раз довольно ярко. Он прекрасно понимал, какие цели и задачи ставит перед собой Святой Престол в России и старался не допустить их исполнения.

Царь терпеть не мог иезуитов, о чем сообщал им открыто еще в 1698 году в Вене²³, где он, с одной стороны, довольно времени провел в обществе образованного отца Ф. Вольфа, зато после говорил, что «при дворе Леопольда ему все понравилось, кроме того, что он везде встречал иезуитов. О последних он был невыгодного мнения и не допускал в Россию, несмотря на свою веротерпимость, ибо находил, что набожность у иезуитов есть только средство служить папе и господствовать над государями. Другой раз Петр будто бы сказал: «Иезуиты не могут удержаться, чтоб

не мешаться в государственные дела» [23. С. 77]²⁴. Члены Общества Иисуса и до Петра не были в особой чести у московского правительства. После падения Софьи в 1689 году священники ордена были удалены из России по настоянию Патриарха Иоакима, однако правдами и неправдами они продолжали просачиваться под видом секулярного духовенства. Петр поначалу предпочел смотреть на их действия сквозь пальцы ввиду возможных политических выгод, но в 1719 году все же изгнал их из России.

В конце своего первого европейского путешествия вскоре после мирного и многообещающего обмена любезностями в г. Замостье с нунцием Давия (4/14 августа), Петр в Бресте повздорил с униатским митрополитом Залевским, вздумавшим упрекнуть царя в «схизме»²⁵.

Куда более серьезный случай произошел 11 июля 1705 года. Это трагическое событие едва не стало причиной разрыва отношений между Санкт-Петербургом и Римом: в полоцком униатском монастыре Петр и его свита убили нескольких базилианских монахов²⁶. Сам, безусловно, жуткий инцидент был во многом спровоцирован униатами, которые вели себя непочтительно по отношению к царю, презрительно отзываясь о Православии²⁷.

Взгляд царя Петра на католичество был, таким образом, неоднозначным. С его природной любознательностью он интересовался строем латинского богослужения и церковного устройства, что было в период его первого европейского путешествия истолковано как симпатии к Римской Церкви. Проекта об объединении Церквей он не вынашивал, но бесспорно проявлял религиозную терпимость по отношению к католикам, как и вообще ко всем христианам²⁸. Крайне негативно реагировал на властолюбивые устремления Святого Престола, особенно на двуличие миссионеров и их попытки вмешиваться в государственные дела. Прилагая усилия по подчинению своей власти Церкви родной, домашней, царь, разумеется, не собирался подпадать под диктат чужой. В этом смысле модель

церковно-государственных отношений в протестантских странах ему была намного ближе, тогда как в богословские расхождения он не входил и диспутов о вере, подобно своему предшественнику царю Иоанну Грозному, не устраивал.

Отношение к латинской Церкви базировалось на принципах равноправия: с папой Петр вел переговоры как со светским властителем и духовным главой католического мира. Царь нуждался в помощи Австрии и Венеции на антиосманском фронте и Польши в борьбе против Карла XII. Отлично понимая, что в глазах императора и польского короля мнение Римского папы оставалось весомым, он вел активные переговоры с Римом, делая уступки и намекая на перспективу объединения Церквей. Однако обещания, щедро выданные Меншиковым иезуиту Броджо (1706) и царем понтифику через кн. Б.И. Куракина, остались неисполненными²⁹. После Полтавской битвы (1709) тон переговоров со Святым Престолом изменится, интенсивность переписки снизится³⁰. В последний период царствования, особенно после дела царевича Алексея, Петр, занятый домашними делами и государственными преобразованиями, практически не будет уделять времени диалогу с Римом, который до и после Полтавы можно было бы выразить двумя словами: «взаимоуважение» и «взаимовыгода» [З. Р. 268]. В качестве иллюстрации к его позиции можно привести слова из уже цитировавшейся выше (прим. 25) депеши нунция Давия, которые царь в гневе бросил униатскому прелату о том, что «он уважает добрых католиков, но точно также ненавидит таких бесцеремонных, как тот» [1. Р. 532].

Литература

1. Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Ч. 1. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1903. С. 728.

2. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.), Т. 1. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. С. 303.

3. *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège, IV, Librairie Plon: Paris 1907. P. 464.

4. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века I [Под ред. М.О. Кояловича; латинск. ориг. подгот. к изд. Ф.Дворским; пер. Виноградова] СПб., 1904, III.

5. *Шмурло Е.Ф.* Русские католики конца XVII в. по данным архивов Пропаганды и Коллегии св. Афанасия // Записки Русского научного института в Белграде, 3. Белград, 1933. С. 1–29.

6. *Флоровский А.В.* Московские навигаторы в Венеции в 1697–1698 гг. и Римская Церковь // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin, 1966. S. 194–199.

7. *Ястребов А.О.* Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 4 (54). М., 2014. С. 9–26.

8. *Шереметев Б.П.* Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства: 1697–1699 / Комментар. В.И. Щербакова, Н.Д. Блудилиной // Россия и Запад: Горизонты взаимопонимания: Литературные источники первой четверти XVIII века. Вып. 1. М.: Наследие, 2000.

9. *Шмурло Е.Ф.* Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, Т. 3, вып. 1. СПб., 1911.

10. *Historica Russiae monumenta ex antiquis exterarum gentium arcivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenio.* V. I–II. Petropoli, 1841–42 (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек, собранные А.И. Тургеневым, СПб.: Типография Э. Праца, 1841–42).

11. *Селищев А.Б.* П. Шереметев на аудиенции у папы Иннокентия XII // Русская старина. 1916. Т. 168, кн. 11. С. 293–301.

12. *Шереметев Б.П.* Записка путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Мальтийский остров. М.: Императорский Университет, 1773. С. 100.

13. *Шмурло Е.Ф.* Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. // Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та. Юрьев, 1897. № 1. Прил. С. 1–80.

14. *Шереметев П., граф Павел.* Владимир Петрович Шереметев: 1668–1737. Т. 2. М.: Синод, тип., 1914. С. 416.

15. *Шмурло Е.Ф.* Отчет о двух командировках в Россию и за

границу в 1892/3 и 1893/4 гг. // Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та. Юрьев, 1894. № 3.

16. *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. СПб.: Феникс, 2003. С. 274–276

17. *Шмурло Е.Ф.* Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого: 1697–1707 // *Историки-эмигранты: Вопросы русской истории в работах 20–30-х гг.* Отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 214–215.

18. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. III. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. С. 662.

19. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. Изд. 2-е. М.: Типография Н. Степанова, 1837. С. 669.

20. *Theiner A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Fédor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome: Impr. du Vatican, 1859, xxii. P. 556.

21. *Извеков Д.* Католическая пропаганда в России в XVIII веке // *ЖМНП Часть СХLXI.* СПб., 1870. С. 61–74.

22. *Бергман В.* История Петра Великого. В 6 тт. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1833. С. 1759.

23. *Верховский П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Т. II. Ростов на Дону, 1916. С. 896.

24. *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Т. III. СПб.: Тип. Шнора, 1787. С. 493.

25. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 8. Т. 15–16. 1703 — начало 20-х годов XVIII в. Харьков: Фолио, 2002. С. 832.

26. Письма и бумаги Императора Петра Великого I (под ред. А.Ф. Бычкова). Т. 2. СПб.: Государственная типогр., 1889. С. 721.

Список сокращений

ВТА – Ватиканский тайный архив

ГАВ – Государственный архив Венеции

ИАПФ – Исторический архив конгрегации Пропаганда Фидэ

Примечания

¹ По-прежнему актуален фундаментальный труд П. Пирлинга *La Russie et le Saint-Siège*, четвертый том которого посвящен интересующему нас периоду. Очерки истории Католической Церкви в России предлагает проф. Шмурло (Шмурло Е.Ф. Католицизм в России. Исторический очерк. ЭС Брокгауза и Ефрона; его же, *La visita dello zar Nicolò I al papa Gregorio XVI*, Roma 1907). См. того же автора: Шмурло Е.Ф. К истории сношений Московских государей с римскими папами: Целование папской туфли // Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 57–75; его же Посольство Чемоданова и Римская курия // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде. 1932. Вып. 7. С. 1–25; его же Русские католики конца XVII в. по данным архивов Пропаганды и Коллегии св. Афанасия // Записки Русского научного института в Белграде, 3, Белград 1933. СС. 1–29; его же Рим и Москва: Начало сношений Московского государства с Папским престолом (1462–1528) // Зап. Рус. ист. об-ва в Праге. Прага Чешская; Нарва 1937. Кн. 3. С. 91–136; его же. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого: 1697–1707 // Историки-эмигранты: Вопросы русской истории в работах 20–30-х гг. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИРАН, 2002. С. 214–215. А. Тейнер и А.И. Тургенев в своих трудах собрали множество документов, относящихся к этому времени. См.: Theiner A. *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Fédor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples*. Rome: Impr. du Vatican, 1859 и *Historica Russiae monumenta ex antiquis exterarum gentium arcivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenewio*. V. I–II. Petropoli, 1841–42 (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек, собранные А.И. Тургеневым, СПб.: Типография Э. Праца 1841–42). Кроме того, на эту тему писали А.Д. Толстой, Ф.И. Успенский, Д.В. Цветаев, Д. Извеков, А.В. Флоровский и другие исследователи. В наше время историей связей России и Рима (правда, в основном XVI веком) занимается И.В. Дубровский (см. напр., его Политика папства в отношении Московии: черновики инструкции Поссевино // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов,

Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XVI. М.: Модест Колеров, 2014. С. 19–97).

² [1. ч.1], [2. С.30].

³ К раннему периоду правления Петра (ок. 1692 г.) относится и учреждение кошунственного «Всеппянейшего синода», который, хотя хулил вообще христианскую иерархию, духовенство и монашество, все же больше затрагивал Католическую Церковь. Этого мнения придерживается и Пирлинг, который пишет с сожалением: «Наиболее странным было то, что, несмотря на грубые и омерзительные пародии на конклав, которые организовывал сам царь, (в Риме. — прим. А.Я.) продолжали упрямо верить в то, что он расположен к католикам и готовит объединение Церквей» [3. Р. 127].

⁴ [1. ч.1. № 639], [4. С. 16–44, 223–346].

⁵ Конечно, 46-летнего зрелого Б.П. Шереметева трудно было склонить в латинство, как и путешествовавшего тогда же П.А. Толстого (который был еще старше). Большинство русских ограничивались умеренными заявлениями, которые не выражались ни в чем, кроме устной демонстрации симпатии к католицизму (возможно, притворной), чего, конечно, не хватало для полноценного развития пропаганды в России, но, безусловно, были и случаи обращения, в основном среди молодежи. Известный отец Вольф в Вене и генерал ордена иезуитов Тирс Гонсалес в Риме провели с Шереметевым серию встреч, в ходе которых по желанию русского вельможи обсуждали с ним вопросы вероучения. Оба были убеждены, что боярин готов принять католичество. См.: [3. Р.Р. 131, 134].

Были, впрочем, у тайной миссии и успехи. См.: [3], [6], [7].

⁶ Грамота царя — «любительная», т.е. просто сопроводительная с рекомендацией Шереметеву. Речь боярина по-русски приводится в «Записке путешествия Б.П. Шереметева». См.: [8]. Шмурло при разборе архива конгрегации Пропганда Фидэ отмечает в фонде *Scrittura riferite nei congressi*. М.Р.Р. senza data, Л.10–11 речь Б.П. Шереметева на приемной аудиенции у папы Иннокентия XII, [9. С. 251], опубликованную еще раньше на латыни Тургеневым в цитированном выше сборнике *Historica Russiae monumenta*, [10. Р. 281]. См. также: [11].

⁷ «Июня 14 числа был боярин на аудиенции у папы, на которой от папы получил благоприятственное снисхождение и милость,

также как и прежде; отпущен же боярин из Рима от папы с великим удовольствием и честью» [12. С. 82].

⁸ Сохранилось, например, свидетельство о том, как русский вельможа благоговейно рассматривал во Флоренции подлинник документа о заключении Ферраро-Флорентийской унии. См.: [13. С. 19–20]. Сообщение содержится в депеше, направленной из Рима в Венецию кардиналом П. Оттобони. Сам документ хранится в Венецианском государственном архиве: ГАВ, фонд Senato Segreta. Dispacci. Roma. Dispacci expulsis al Senato, фильца 4. Цитируется у гр. П. Шереметева: [14. С. 111].

⁹ Маршалок Шереметева, будущий прибыльщик Алексей Курбатов, вероятно, в ту пору всерьез увлекся католичеством и даже обратился к папе с «суппликой», в которой, называя себя верным чадом Католической Церкви, просит о выделении ему литературы вероучительного содержания и гарантирует свое содействие в пропаганде католичества среди московской знати. Впрочем, касательно его искренности существуют иные мнения (см. ниже). Супплика напечатана: [1. Р. 359–362]. См. также: [15. С. 5, 61]; хранится: ВТА, фонд Scritture Clemente XI, 199, Miscellanea d'Europa, vol. II, № 5.

¹⁰ [3. Т. IV, Р. 134–135].

¹¹ «Vicegerente» — архиепископ, наравне с викарием Рима управляющий столичной епархией и подчиняющийся непосредственно папе.

¹² [16. С. 274–276]; [1. Р. 370] — № 506 от 10 мая 1698 г.), [1. Р. 390–391] — № 530 от 21 июня 1698 г. Петр будто бы говорил Вольфу во время их совместного путешествия в Пресбург (соврем. Братислава): «Лично для меня уния с Римской Церковью не составила бы затруднения, но стоит мне начать вводить ее, как наше духовенство сейчас же обрушится на меня и закричит: „Распять его, безбожника!“» [17. С. 219], [3. Р. 139]. При этом позже, в 1704 г., царь с насмешкой отозвался о «неуместной попытке» Вольфа обратить его в католичество [17. С. 247], [3. Р. 142].

Удивительно, насколько легко оказалось молодому, 26-летнему Петру обмануть ожидания искушенных церковных политиков, ведь не только Вольф и Коллонич, но и дипломаты, аккредитованные при венском дворе, были убеждены, что царь находился в шаге от принятия латинства (то же они полагали и о Шереметеве, в

этот же период посетившем Австрию, Италию и Мальту). См. напр., депешу нунция Санта-Кроче: [1. Р. 497] и испанского посла в Вене, епископа Алонсо-и-Валерия: [1. Р. 432], о Шереметеве см.: [3. Р. 131].

Царь не был вовсе чужд бесед на богословские темы, которых он касался в разговорах с тем же Вольфом в Вене (1698 г.), с о. Вотой (1698 г.), с архидиаконом польского прелата Станислава Шембека (его племянником К. Шембеком, 1709 г.) и в других случаях. Например, Н.Г. Устрялов сообщает, что царь «не раз беседовал с епископами Англиканской Церкви, которым однакож не полюбился непоколебимую твердостью в вере православной» [18. С. 99]. Очевидно, что государь «выдавал авансы» по политическим расчетам. Так, польскому архидиакону царь сказал, что соединение Церквей не за горами [3. Р. 224], то же он говорил раньше и Вотте (см. ниже).

По мере приближения победы в Северной войне Петр все меньше заигрывал с католиками. Голиков, например, доносит до нас сообщение об его беседе с латинскими богословами в Сорбонне (1717 г.), где он дипломатично уклонился от ответа на вопрос о соединении Церквей, сказав, что «дело сие не принадлежит до его звания, и что он, занят будучи войною и многими государственными делами, ежели бы и желал сего, то не доставит к толь важному делу у него времени...» [19. Т. V. С. 321]. Царь попросил докторов составить документ, содержащий их предложения, а затем приказал Феофану Прокоповичу составить от его имени ответ, в котором, уклоняясь от прямой критики католицизма, ссылаясь на соборность Восточной Церкви, то есть на невозможность для русских без ведома греческих патриархов решить вопрос об объединении с Католической Церковью.

Интересно, что в данном случае католики в известной степени помешали друг другу. Дело в том, что парижские доктора принадлежали течению янсенистов, против которого активно боролись иезуиты. Именно последних Петр и запросил в Петербурге относительно репрезентативности Сорбонского «*mémoire*», а те, конечно же, с готовностью ответили, что парижане излагают свои, янсенистские взгляды, а не позицию Святого Престола. Таким образом, сами католики дали русским повод к неприятию меморандума. См.: [3. Р. 261].

¹⁵ О встрече с Вотой см.: [3. Р. 144]. Венецианский резидент в Польше сообщает в одной из депеш: «Наконец царь дал нунцию

разрешение, которое Римский двор испрашивал многие годы, на проезд миссионеров через Московию и обещал по своем прибытии в Москву выслать соответствующие письма, выказывая кроме того большое почтение к Святому Престолу» [1. Р. 523]; Давия дважды писал Петру с напоминанием об их встрече в Замостье и отдельно Ф. Головину по поводу пропуска в Китай четырех миссионеров. См.: [9. С. 252], [17. С. 232].

¹⁴ П. Шереметев высказывает сомнение и в искренности Алексея Курбатова, который едва ли без разрешения своего господина предпринял бы столь смелые шаги, желая перехода в католичество и обещая его активно распространять в России. В действительности, в дальнейшем он был знаменит совсем не в области проповеди латинства. См.: [14. С. 109].

¹⁵ Конечно, Рим ставил своей целью не только обращение царя и его приближенных в католичество. Такой исход был бы самым желательным для курии, но в любом случае существовал целый ряд злободневных задач первостепенной важности, о которых мы упоминали выше: 1) участие России в войне против турок; 2) защита униатов от возможных притеснений на бывших польских землях, отошедших Москве после Вечного мира; 3) разрешение на проезд католических миссионеров в Китай и 4) беспрепятственное отправление богослужений в самой России. См.: [1. Р. XI, XII].

¹⁶ Бывшие самой верной приманкой для Рима еще со времен Иоанна Грозного. См.: [3. Р. 183–184].

¹⁷ См.: [3. Р. 205].

¹⁸ [15. С. 237–245].

¹⁹ Аббат Караман в своей аналитической записке, о которой упомянем ниже, сообщает, что католические миссионеры в России пользуются широкой свободой, имеют церкви, ходят по улицам в процессиях в полном облачении и звонят в колокола.

²⁰ Высылка членов Общества Иисуса не была следствием их деятельности, но стала ответом на недружественные шаги германского императора Карла VI (выдворение русского дипломата Веселовского). Об этом пишет контр-адмирал Змаевич своему брату, епископу Зары: [20. Р. 517–518].

²¹ [9. С. 233], [21. С. 66].

Конгрегация Пропаганда Фидэ прилагала большие старания для усиления католического влияния в России. Например, в докладной записке аббата Карамана для Пропаганды сообщается, что доверенное лицо Петра, архитектор Н. Микетти (работал над проектами в Петергофе, строил Эрмитаж и др.) был тайным эмиссаром кардинала Пьетро Оттобони (ИАПФ, фонд *Scrittura riferite nei congressi. Moscovia Polonia Ruteni. Senza data*», Лл. 4–9 об.). Вообще ватиканская аналитика того периода отличается, с одной стороны, хорошим знанием фактов о Русской Церкви и политической конъюнктуры Московии, с другой — упомянутой наивностью: достаточно заметить, каким легким делом представляется составителям обращение русских в католичество, практически у всех авторов читается пренебрежение к православной духовной традиции, воспринимаемой как невежественное искажение истинной католической веры.

Эти документы были обнаружены ЕФ. Шмурло во время его работы в римских архивах. Назовем некоторые из них: 1) Записка монс. У. Черри, поданная папе Иннокентию XI около 1680–1681 гг. и касающаяся обзора состояния и успехов конгрегации Пропаганда Фидэ во всем мире. Отдельная глава посвящена Московии. Хранится в библиотеке Корсини и в Ватиканском Тайном архиве (в двух списках): Библиотека Корсини, № 283; ВТА, фонд *Politicorum armar. X, vol. 109*, ВТА, фонд *Bolognetti, vol. 286*. Опубликовано (с корсиниевского списка): [15. С. 222–225]; 2) Доклад кард. Ф. Спады от 1705 г. о современном ему положении Католической Церкви в России и ретроспектива нескольких десятилетий с указанием, какой политики следует держаться Святому Престолу. Опубликовано: [15. С. 74–78]. Хранится: ВТА, *Scrittura Clemente XI, т. 222, Grecia e rito Greco, vol VIII, л. 74–78*; 3) Сочинение неизвестного автора под титулом «Сведения о расширении (государства) при правящем царе Петре, (распространении) его территории в сторону Китая, об его редких личных качествах, о религии Московитов и о прогнозах, что должна вскоре быть уничтожена турецкая империя» было составлено около 1711 г. Упоминается: [15. С. 69–70]. Хранится: ВТА, фонд *Bolognetti, № 139*; 4) Доклад аббата Карамана (1741 г.) в связи с вступлением на престол императрицы Елизаветы Петровны

с обозрением истории католической миссии и о способах введения латинства в России. Упоминается: [9. С. 251]. Хранится: ИАПФ, фонд *Scrittura riferite nei congressi. Moscovia. Polonia. Ruteni. Senza data*, лл. 4–9.

Подобных докладов было наверняка намного больше, не все они отложились в центральных архивах Ватикана. Такого рода записки начальству представлял, например, иезуит Вота, миссионер Вестинье и др.

²² [3. Р. 304–305].

²³ «Знаю я, что иезуиты большею частью люди ученые, во многих художествах искусные и ко всему способные, но не для меня, ибо я знаю также и то, что сколько они не кажутся набожными, однако вера их служит только покровом к обогащению, равно как их училища и художества — орудием к проискам, услугам и выгодам папы и к господствованию над государями» [22. С. 276].

Первое негативное впечатление Петра об иезуитах восходит еще к раннему периоду его царствования (1694 г.), когда ему в руки (по предположению Пирлинга (“dit-on”) — благодаря Ф. Лефорту) попала книга иезуита о. Авриля, который, будучи перед тем в России, описал ее крайне неприглядно. В книге была также какая-то крайне неосторожная фраза, буквально взорвавшая молодого царя, который с тех пор не взлюбил членов Общества Иисуса. См.: [3. Р. 123].

²⁴ Так пишет о. П. Верховский со ссылками на Штелина и Голикова.

О степени веротерпимости Петра можно судить хотя бы по одному факту. Несмотря на то, что официальное изгнание иезуитов состоялось еще в 1689 г., они вернулись в Россию под видом «императорских миссионеров», обычных священников, не принадлежащих никакой конгрегации. Петр прекрасно знал об этом, но из желания не испортить отношения с Веной закрыл глаза на обман. См.: [3. Р. 281].

²⁵ Хронология у Туманского: [3. С. 97–98]. О конфликте сообщает в донесении от 9 сентября 1698 г. нунций Давия, основательно полагавшего, что он «может испортить хорошее расположение государя» к Католической Церкви. См.: [1. Р. 532].

²⁶ Пятерых, согласно официальным источникам. Ср.: [25. С. 70–71], [20. Р. 409–416], [21. С. 63–64], [3. Р. 190–191].

²⁷ Эпизод был максимально использован Римом: чтобы загладить вину, Петр предоставил значительные льготы Католической Церкви в России. См.: [17. С. 250]. В том же 1705 г. Головин и Шафиров выдают в г. Гродно свидетельство, по которому католикам разрешается открыто отправлять богослужение и свободно перемещаться по территории России из Европы в Азию. См.: [15. С. 63]. В 1706 г. А.Д. Меншиков выдает диплом на преобразование иезуитского училища в Москве в гимназию. Сама упомянутая выше миссия кн. Куракина в 1707 г. изначально мыслилась именно как покаянная, хотя на деле она была совсем иного свойства [3. Р. 208].

²⁸ Свобода исповедания христианам-иностранцам гарантировалась еще по Манифесту 16 апреля 1702 г. См.: [26. С. 47–48].

²⁹ [26. С. 253–254].

³⁰ [3. Р. 128]. Опытный дипломат, Климент XI прекрасно осознал неисренность обещаний Петра, однако предпочитал вступить в игру в надежде победить. Чаяния курии выразил государственный секретарь кард. Паулуччи: «Мы не можем знать пути Промысла Божия в распространении нашей святой религии, но, конечно, наш долг состоит в том, чтобы приглашать народы и призывать князей признать и принять истинную веру. Святой Отец не стремится узнать, полностью ли искренни намерения царя, когда он демонстрирует свое желание привести своих подданных в лоно Церкви, он лишь убежден, что, если представляется возможность просветить и спасти души, милосердие Божие благословит все усилия, которые будут приложены для достижения столь законной цели». Цит.по: [3. Р. 169].

С. Л. Фирсов*

ЛИЧНОСТЬ И ОБРАЗ СВЯТОГО ПАТРИАРХА ТИХОНА (БЕЛЛАВИНА) В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ (К историографии вопроса)

Работа посвящена одному из наиболее выдающихся русских святителей XX века, с именем которого связаны трагические страницы истории Русской Православной Церкви советского периода.

Ключевые слова: Патриарх Тихон (Беллавин), Патриарх, Церковь, святой, Русская Православная Церковь, Советская власть, Советская Россия, религия, реформа, Собор, СССР.

Вряд ли сегодня кто-либо будет оспаривать тот факт, что святой Патриарх Тихон (Беллавин) является одним из наиболее выдающихся русских святителей XX века. С его именем связаны трагические страницы истории Русской Православной Церкви советского периода, когда новая власть, решительно взявшаяся за уничтожение «проклятого прошлого», начала открытые гонения на религию, стремясь не столько «отделить» Церковь от государства, сколько

---

*Автор — доктор исторических наук, профессор кафедры философии и религиоведения факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Член Общецерковного диссертационного совета.

подавить и уничтожить ее влияние на православных по рождению граждан. Мечтая о создании нового человека, свободного от религиозных «предрассудков», большевики должны были опорочить Церковь как «пособницу самодержавия» и «верную служанку эксплуататорских классов». На противопоставлении нового и старого, которое грубо шельмовалось, строилась идеологическая линия Советского государства в отношении Русской Церкви — и в 1920-е годы, и в последующий период. Понятно, что с течением лет тональность советских авторов несколько изменялась, даже порой смягчалась, но это практически не влияло на отрицательную оценку деятельности Церкви в первые послереволюционные годы. Она всегда была пристрастна и однозначно отрицательна. Неудивительно, что и оценка святого Патриарха Тихона давалась советскими авторами, исходя из указанных выше политических установок.

Первые статьи и очерки, ему посвященные, появились в самом начале 1920-х годов, и многое, тогда написанное, в дальнейшем (вплоть до конца 1980-х) пересказывалось с некоторыми дополнениями, пояснениями, комментариями. Сейчас, когда опубликовано «Следственное дело Патриарха Тихона», любому непредвзятому исследователю понятно, что послужило причиной подобных публикаций именно в начале 1920-х годов¹. Именно тогда, победив в Гражданской войне и установив однопартийную систему управления Россией, большевики приступили к *систематической борьбе* с Русской Церковью. Голод 1921 года оказался подходящим поводом, позволившим припомнить Патриарху Тихону все его предыдущие выступления против мероприятий Советской власти. То, что для этого использовалась вся мощь советской печати, удивления не вызывает, ведь еще в 1901 году В.И. Ленин утверждал, что «газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»². А в мае 1923 года И.В. Сталин выпустил свою статью, называвшуюся «Печать как коллективный организатор», в

которой подчеркивал важность организационной роли печати в деле партийного и государственного строительства³.

Борьба с Церковью рассматривалась большевиками как дело государственное, поэтому не может удивлять, что именно газета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Известия» предоставила свои страницы для публикации материалов, направленных против Церкви и против ее Предстоятеля. Так формировался образ Патриарха как человека и архипастыря, не желавшего содействовать государству в деле организации помощи голодающим Поволжья и других регионов страны. «Во главе белогвардейской части православного духовенства стоит, несомненно, „святейший“ Тихон, который ведет определенную кампанию против изъятия церковных ценностей, — сообщал безымянный корреспондент „Известий“ в марте 1922 года. — Вслед за патриархом целый ряд других церковных „пастырей“ уклоняются от исполнения своего долга по отношению к голодающим крестьянам и рабочим. Те сообщения, которые приходят с мест, говорят о том, что ряд епископов и архиепископов прекрасно усвоили себе манеру патриарха — „лавирования“ — в вопросе об изъятии ценностей»⁴. Сообщение, как видим, краткое, но однозначное: Патриарх и его окружение характеризуются как сторонники врагов Советской власти («белогвардейцы»), что в тех условиях было политическим обвинением, да и само слово «Святейший» сознательно закавычивается и пишется со строчной буквы. Совершенно ясно, что Патриарх воспринимается как нераскаявшийся враг, продолжающий бороться с Советской властью.

Чтобы ни у кого из читателей не осталось в том сомнений, спустя несколько дней публикуется новая статья, в которой послание Патриарха от 15 (28) февраля 1922 года (о помощи голодающим и об изъятии церковных ценностей⁵) характеризуется как лживое и лицемерное, призывавшее духовенство и население под угрозой анафемы противиться мероприятиям правительства. «Известия» говорили,

что послание «было сигналом к самому возмутительному и преступному подстрекательству со стороны местных черносотенных иерархов и их пособников, всех тех, кто в силу невежества испугались или из контрреволюционных расчетов считали нужным изображать из себя людей, испугавшихся этой анафемы гражданина Белавина, этого ставленника черносотенной части духовенства и дворянства русского»⁶. Обратим внимание на слово «черносотенный», дважды используемое в этой краткой заметке, а также на то, что Патриарх в ней назван «гражданином Белавиным». Это нельзя считать случайностью: идеологический накал возрастал, большевикам необходимо было выставить Патриарха главным врагом новой власти, остающимся на свободе после изгнания из пределов Советской России остальных руководителей «белогвардейцев» и «черносотенцев». Эти слова следует рассматривать как идеологические характеристики, неизбежно влекущие политические выводы. За выводами, как мы знаем, дело не стало: святой Тихон был привлечен к суду. Разумеется, «простые верующие» должны были поддержать это. И поддержка не заставила себя долго ждать. «Известия» стали публиковать разного рода заявления верующих, «негодовавших» против действий Патриарха. Так, некие красноармейцы 1-й артиллерийской запасной бригады спрашивали газету: «Почему Советская власть должна судить только мелких попов, дьяконов и проч. И вместе с тем не должна ничего предпринять по отношению к главе церкви и виновнику печальных инцидентов, возникших в связи с изъятием церковных ценностей?»⁷. «Известия» опубликовали и более резкое «открытое письмо» президиума конференции красноармейцев 28-го стрелкового полка 4-й дивизии, направленное через газету Патриарху Тихону, в котором, указывая, что они «тоже верующие», возмущались действиями Святейшего, обращаясь к нему на «ты» и закавычивая слова «Великий Тихон». В русле «генеральной линии» партии красноармейцы указывали святителю, что он сеет смуту среди «темного населения», являясь «злым

лицемером» и «помощником черных генералов». Их призыв был прост, как и само «открытое письмо»: не верить Патриарху, гнать от себя его «шептунов» и спешить на спасение голодающих⁸.

Не гнушалась газета и публикацией шаржей, в одном из июньских номеров поместив карикатуру на бельгийского социалиста и политического деятеля Э. Вандервельде, стоящего рядом с Патриархом Тихоном. Под картинкой красовалась подпись: «Наверно, ваше святейшество, я буду командирован 2 Интернационалом и к вашему уважаемому процессу»⁹. Ниже публиковалась заметка, из которой следовало, что Э. Вандервельде посетил храм Христа Спасителя и что среди стоявшей толпы в его адрес раздавались «жидкие» приветствия и крики «ура»¹⁰. Заметка имела явно издевательский характер, тем более что Э. Вандервельде в то время присутствовал в качестве защитника на процессе правых эсеров. В нашем случае следует обратить внимание на то, что западного социалиста, приехавшего в Москву в связи с громким процессом по делу партии социалистов-революционеров, решили высмеять как возможного защитника того, кто всегда был противником насилия и не скрывал своих монархических симпатий.

Тогда же, летом 1922 года, «Известия» опубликовали и специальную статью о Патриархе, названную по его мирскому имени — «В.И. Белавин». Автор статьи Марк Криницкий пояснял, что это «политический некролог», ни больше, ни меньше. Поводом к ее появлению стал церковный раскол, как теперь известно, инициированный чекистами. Автор интерпретирует временную передачу Патриархом власти как его «самоупразднение», далее пытаясь дать характеристику не только Святейшему Тихону, но и тому строю церковной жизни, олицетворением которого он был. М. Криницкий подчеркивает, что Патриарх — характерный представитель «сословия наследственной касты носителей „божественной благодати“», т.е. выходец из семьи священника¹¹. Это важное обстоятельство, на которое особенно обращается внимание читателей.

Читатели также информируются о непопулярности идеи патриаршества в условиях союза архиереев, дворянства и буржуазии против мелкобуржуазных «демократических» низов. Эта идея смогла восторжествовать только под «гром октябрьских пушек, возвестивший конец капиталистической эры в России». Тогда-де, вместе с кандидатурами Антония Волынского и Арсения Новгородского, и «всплыла „как-то вдруг“» кандидатура митрополита Московского Тихона. Почему же так произошло?

М. Криницкий объясняет это просто: «Выбирая Тихона, собор, находившийся под давлением архиерейской курии, естественно стремился остановиться на кандидате церковных верхов, чем и объясняется появление кандидатуры Тихона, иерарха, до тех пор не отмеченного никакими особыми заслугами». Получается, что будущий Патриарх был кандидатом церковных верхов, значит, если следовать логике, не мог появиться «вдруг». Но данное противоречие наш автор легко преодолевает: оказывается, он нужен был как противовес «опасному честолюбцу» — владыке Антонию (Храповицкому), «творцу» «патриаршей идеи в наши дни». В Патриархе Тихоне желали показать «ставленника» высшего духовенства, по счастью жребия оказавшегося во главе церковного корабля¹².

Автор, очевидно симпатизировавший нарождавшимся тогда «обновленцам», в нескольких незамысловатых выражениях охарактеризовал путь святителя таким образом: «Скромный чиновник-карьерист, бывший преподаватель семинарии, прошедший „иосифлянскую“ школу монашества, архиепископ Американский и впоследствии Виленский, протолкавшийся в Московские митрополиты, он занял патриарший престол „как бы“ случайно. На деле оказалось не так. Он вполне отвечал духу собора и оправдал это, как мы знаем, всеми своими следующими действиями»¹³. Получалось, что святой Тихон — скорее «полномочный представитель» высшего духовенства, выразитель мнения архиереев, ставший Патриархом благодаря своей «скромности», чем лидер, духовный вождь Церкви.

А как же митрополит Антоний (Храповицкий)? Он, получается, не мог быть «ставленником», выражать мнения русской иерархии?

Вопросы, разумеется, гипотетические, ответа на них искать не приходится, как не приходится комментировать выражение «протолкавшийся в Московские митрополиты». Здесь нет характеристики Патриарха-человека, только пристрастное объяснение ситуации, описать которую, не упоминая имени святого Тихона, было невозможно. Так формируется «схема», в которую произвольно вписываются те или иные личности. Если Патриарх Тихон был представителем высшей монашеской иерархии, то с его уходом, по мысли автора, ее замыслы обрушились. «Новый собор, который, естественно, будет строиться по канве мелкобуржуазных симпатий, даст нам, в лице нового патриарха, фигуру другого рисунка. Это будет ставленник низшей иерархии <...> опирающийся на церковные „демократические“ низы, на приходы». В ожидании будущей реформации М. Криницкий мечтает о полном освобождении от церковности. Только такое движение, по его словам, может рассчитывать на название подлинного религиозного «обновленчества»¹⁴.

Итак, реформация есть освобождение от церковности, а освобождение от церковности есть путь к религиозному «обновленчеству». Религия без церковности. Замечание столь «тонкое», что его и не понять. Понять можно лишь одно: беллетрист М.В. Самыгин, писавший под псевдонимом М. Криницкого, совсем слабо разбирался в церковной проблематике, путаясь сам и запутывая читателей. Ближайший друг В.Я. Брюсова, много писавший о мещанской среде, М.В. Самыгин во всех своих «церковных» прогнозах ошибся, трагически окончив жизнь в психоневрологической больнице. Но что заставило его в 1922 году писать «политический некролог» Патриарху?

Очевидно, желание «протолкнуться» в самозванные церковные эксперты. Властям же, разрешившим ему опубликовать статью в «Известиях», было выгодно все, что со-

действовало «разоблачению» Патриарха, дискредитации его имени в глазах советских граждан.

Впрочем, нельзя сказать, что в 1922 году советская печать много писала о Патриархе, но то, как она о нем писала, свидетельствовало об одном: общественное мнение страны, равно как и Запада, готовили к скорой судебной расправе над Святейшим. Под пером советских публицистов последний показывался не столько человеком, непримиримо настроенным к большевистским властителям, сколько неким идеологическим фантомом, символом борьбы с «народной властью». Этим символом личность «замещалась» (или подменялась), что, собственно, и не скрывалось. В 1923 году Главполитпросвет выпустил тиражом в 10 тысяч экземпляров брошюру И.П. Брихничева, в которой откровенно заявлялось, что Патриарх — «ставленник контрреволюции, ее поборник и застрельщик», «символ черносотенства и знамя самой непроходимой реакции», на всем протяжении деятельности прикрывавшийся «овечьей шкурой смирения и святейшества». Язык ненависти и вражды использовался в полной мере. Одни «волчьи зубы, оскаленные на революцию, ее вождей и творцов — рабоче-крестьянские, красноармейские массы» чего стоят¹⁵!

Классовый подход к оценке Патриарха применялся по всем правилам борьбы с врагами Советской власти. С целью доказать «предательскую работу „Святой Православной Церкви“» цитировались послания церковных деятелей, направленные против Советской власти и конкретных ее представителей. При этом автор брошюры не забывал подчеркивать, что «всё это делалось с ведома и благословения Смиренного Волка в овечьей шкуре», т.е. Святейшего Патриарха, который-де даже использовал иностранные миссии, дабы добиться «ниспровержения ненавистного большевизма»¹⁶.

Фигура Патриарха «особенно чудовищно» вырисовывалась, по словам автора, в голодные 1921–1922 годы. Приводя цифры, И.П. Брихничев пытался доказать, что

послание от 5 февраля 1922 года дало почву для деятельности врагов советского правительства «через использование религиозных предрассудков несознательных масс населения»¹⁷. Резюме автора звучит как приговор: «Прозрел народ и нетерпеливо ждет — когда же, наконец, его власть — рабоче-крестьянская власть, сорвет всенародно личину с друга Маркова и Пуришкевича, с этого Всероссийского Подстрекателя, именующего себя Патриархом»¹⁸.

На истерические призывы бывшего священника, еще в 1907 году за антиправительственную деятельность лишённого сана, власть, в силу целого ряда причин, решила не откликаться, но то, что они прозвучали, — уже показательно. Хамские эпитеты, издевательство над Церковью, ярлыки, навешанные на Патриарха, — вот арсенал автора, писавшего свой текст в преддверии суда над святым Тихоном и прогнозируемого смертного приговора. Некоторые пассажи из брошюры И.П. Брихничева в дальнейшем будут использовать отечественные безбожники (в частности Емельян Ярославский), однако большинство из них не поднимется до сомнительных «высот» этого автора, стремившегося представить Патриарха средоточием всех неприемлемых для советских властей качеств, включая и «дружбу» (которой не было) с лидерами русских правых: Н.Е. Марковым и В.М. Пуришкевичем.

В 1923 году, также в ожидании суда над Патриархом, выпустил свою статью о «тихоновской контрреволюции» и главный безбожник Советской страны Емельян Ярославский. В статье он называл Церковь контрреволюционной силой, а Патриарха называл бывшим. Для него было несомненно, что «преступления» святого Тихона велики, при этом являясь и «преступлениями всей церкви». Для Емельяна Ярославского дело заключалось в самом факте «преступлений», а не в личности возглавителя Церкви. «Другой патриарх мог быть умнее или глупее, энергичнее или хитрее, но он неизбежно вел бы ту же самую политику, что и Тихон, т.е. политику помещицкой контрреволюции».

Поэтому-то Емельян Ярославский и утверждал, что суд над Патриархом будет судом «над всей церковной контрреволюцией»¹⁹. В этой статье прозвучало и слово «тихоновщина», впоследствии часто используемое штатными советскими критиками РПЦ. Вспоминая суд над эсерами, автор заверял, что и грядущий — «над Тихоном и тихоновщиной» — «будет концом некогда мощной царско-помещичьей церкви» и покарает также «русскую и международную рясоносную контрреволюцию»²⁰. Главное слово в сем опусе — «контрреволюция». На борьбе с контрреволюцией делается акцент, об этом заявляют как о главном деле ближайшего будущего.

Свой вклад в это дело внес и В.В. Маяковский, в 1923 году опубликовавший стихотворение «О Патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней?» По-своему, это замечательное стихотворение. В нем талантливый поэт Советской России постарался показать, что представляла собой жизнь в России «раньше» (до революции) и «теперь» (после ее победы). «Раньше» — «царь, урядник да поп/ друзьями были от рожденья по гроб». В соответствии с этой формулой поэт отводил «попу» неблагоприятную роль доносителя и охранителя царства:

Под свист розги,
Под поповское пение,
Рабом жила российская паства.
Это называлось: единение
Церкви и государства.

«Теперь» же царя нет («попал под пули рабочие»), нет и урядников (по ним революция «прошла, как лиса по курятникам»), а вот «поп» все еще существует. Но ведь Церковь отделена от государства, поэтому, «если есть еще дураки несчастные, / молитесь себе на здоровье! / Ваше дело — частное». Но «попы» не смирились, даже наоборот:

Зовет патриарх Тихон
На власть Советов восстать народ.
За границу Тихон протягивает ручку,
Зовет назад белогвардейскую кучку. —

Его святейшеству надо,
Чтоб шли от царя рубли да награда.
Чтоб около помещика-вора
Кормилась и поповская свора.
Шалишь, отец патриарше, –
Никому не отдадим свободы нашей!
За это
Власть Советов,
Вами избранные люди,
За это —
Патриарха Тихона судят²¹.

Светского суда, впрочем, не случилось: власти осознали, что за границей его будут воспринимать как насилие над Патриархом Тихоном, что агитационные призывы и памфлеты, даже такие, как исполненный В.В. Маяковским, не помогут убедить мировое общественное мнение в виновности святителя. Возможно было ожидать и эксцессов внутри страны: святой Тихон пользовался любовью миллионов православных в СССР. Дело ограничилось вынужденным покаянием Патриарха, которое власти и тогда, и в дальнейшем подавали как свою победу, как доказательство «правоты» Советской власти, «умевшей» прощать раскаявшихся. О том, что стояло за этим «раскаянием», в советский период предпочитали не распространяться. Проще было ограничиться фразами об обновленцах, которые тогда же, в 1923 году, на своем «соборе» осудили Патриарха, лишив его не только святительского достоинства, но и монашества.

Необходимо сказать, что существенную помощь оказал советским пропагандистам один из лидеров обновленчества — бывший протоиерей А.И. Введенский. Его выступление на «соборе» (под названием «За что лишили сана бывшего Патриарха Тихона») было издано в Москве отдельной брошюрой тиражом 10 тысяч экземпляров и в последующие годы использовалось в атеистических целях. А.И. Введенский характеризовал Патриарха как человека, не имевшего славы оратора — как митрополит Антоний

(Храповицкий), ни славы ученого — как митрополит Арсений (Стадницкий), но бывшего членом Союза русского народа. «Тихон, личность бесцветная, был менее всего ожидаем, но судьбе так угодно», — заявляет А.И. Введенский²². Эти слова невозможно воспринимать иначе, как нарочитую грубость, к тому же сопряженную с доносительством: указание на участие в Союзе русского народа. Цель автора простая: доказать, что Патриарх не только враг революции и прогресса (об этом в речи А.И. Введенского говорилось много), но и заурядный человек, не понимающий насущных задач Церкви. Неслучайно А.И. Введенский в патетических тонах нарисовал и картину народного голода, в ликвидации которого якобы не желали принимать участия Патриарх Тихон и «тихоновская Церковь».

Что же было делать «прогрессивным» клирикам? — «Надо было выбрать или Христа, или Тихона». «Я не сомневаюсь в том, что Собор, извергая Тихона из сана, сделает это со спокойной совестью, что это не акт мести, а суд Божий, действующий через наше недостойнство», — заявлял он далее, выражая надежду на то, что, лишая сана Патриарха, «собор» отвергнет и сам институт Патриаршества, вернувшись к коллегиальным формам²³.

Какими были обновленческие «коллегиальные формы», много говорить не стоит: в конце концов, сам А.И. Введенский со временем получил титул «первоиерарха», а во время Великой Отечественной войны неудачно попытался присвоить себе «патриаршее» достоинство. Но главное заключалось в ином: руками «обновленцев» советская власть получила возможность говорить о Патриархе как о «бывшем» и, разделяя, решать задачи атеизации страны и организационного разгрома Русской Православной Церкви. Примечательно и то, что, читая речь А.И. Введенского, как и работы советских антирелигиозных публицистов того времени, мы не видим стремления авторов разобраться в личности Патриарха Тихона как человека. Это и не было первостепенной задачей его

«советских критиков». Они создавали шаржированный портрет Первосвятителя, окарикатуривая его образ и прикрываясь вульгарными фразами о «реакционности» и «контрреволюции». Удивительно ли это? Полагаю, что нет. Это характерная черта того времени, когда «классовое сознание» ценилось более всего. Не избежал этого соблазна и крупный церковный историк Б.В. Титлинов, связавший свою судьбу с обновленческим движением. Если в мае 1917 года в краткой заметке, опубликованной во «Всероссийском церковно-общественном вестнике», он призывал избрать архиепископа Тихона (Беллавина) митрополитом Московским, называя его «ангелом-умиротворителем» американской паствы, человеком обходительным и простым, оставившим после 7-летнего служения в Ярославле добрую по себе память²⁴, то в 1924 году, в книге «Церковь во время революции», обращал внимание на совершенно иные черты характера святителя, по-иному характеризуя и его деятельность как Патриарха. И тем не менее данная им характеристика Патриарха в целом должна быть названа как наиболее спокойной из всех, данных в советских работах 1920–1980-х годов. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в Церкви после вынужденного окончания работ Поместного Собора 1917–1918 годов, Б.В. Титлинов заявлял, что Патриарх, оставшийся у кормила власти с высшим церковным управлением, оказался в незавидном положении.

«Сам Патриарх вовсе не был боевым человеком. До революции это был хотя и один из видных архиереев, но не выдающийся своею деловитостью. В сане епископа и архиепископа Тихон приобрел себе некоторые общественные симпатии своею порядочностью, мягкостью, умеренным либерализмом и отсутствием политического зуда и миссионерского фанатизма, в чем были повинны многие его собратья. Долгое пребывание в Америке в первый период его служения наложило на Тихона известный отпечаток культурности и европеизма, уменья держать себя в обществе, чем опять не могли похвастаться обычные епископы-

монахи грубоватой семинарской складки. Но у Патриарха Тихона совсем не было талантов „военачальника“ в такое боевое время, как период революции, и на патриарший пост его поставил поистине случай жребия. Сторонники Патриаршества, желавшие в лице Патриарха получить „вождя“, отнюдь не видели такого вождя в Тихоне и потому менее всего желали его видеть Патриархом. Недаром он был последним из трех кандидатов, намеченных Собором. За Тихона стояли отчасти церковные либералы, но также не потому, что видели в его лице подходящую фигуру, а просто потому, что он казался более приемлемым лицом, когда приходилось выбирать „меньшее из зол“. Слабый, уступчивый характер Патриарха не давал надежды, что он сумеет справиться с трудной задачей „водительства“ Церкви среди революционной бури. Поэтому Собор постарался окружить его более энергичными помощниками, избрав в состав Синода наиболее энергичных архиереев»²⁵.

С этой характеристикой можно не соглашаться, но то, что она была корректной, полагаю, спорить не приходится. Тем более что характеристика Патриарха Тихона была представлена на страницах книги, изданной тиражом 4 тысячи экземпляров и увидевшей свет в издательстве «Былое», специализировавшемся на публикации работ, посвященных истории революционного движения в России. Быть может, по этой причине в книге Б.В. Титлинова сообщалось и о том, что Патриарх был покровителем образовавшейся в 1918–1919 годах в Москве «христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии», видными деятелями которой были юрист Н.Д. Кузнецов и священник С.В. Калиновский (в 1923 г. ставший работником антирелигиозного фронта). Партия хотела найти компромисс между Церковью и социалистическими устремлениями народных масс, но ее деятельность по приговору суда была признана вредной и вскоре прекратилась²⁶. Если верно заявленное Б.В. Титлиновым, то получается, что Патриарх стремился найти религиозную альтернативу большевизму, поскольку покровительствовал

такой странной партии. В нашем случае важно отметить, что об этом *было заявлено в официально изданной книге*. Впрочем, в дальнейшем советские историки не обращали на данное обстоятельство своего внимания.

Писал Б.В. Титлинов и о том, что в церковной среде в первый период существования Советской власти теплились надежды на непрочность победы Октябрьской революции, хотя Патриарх и его сотрудники довольно скоро поняли, что борьба проиграна. Разумеется, автор писал и о позиции Церкви в связи с организацией помощи голодающим в начале 1920-х годов, указывая, что в глазах власти «церковная борьба носила характер особенно одиозный и по чисто политическим мотивам», так как вопрос о голоде связывался с политическими чаяниями врагов Советской власти. Сказав о противниках, автор не мог не вспомнить о Карловацком Соборе, взявшем на себя политическую миссию и хлопоты о восстановлении Дома Романовых. По его мнению, Патриарх поступил благоразумно, осудив действия митрополита Антония и Собора и сместив владыку с должности управляющего заграничными церквями, «но связь заграничных настроений с внутрирусскими напрашивалась все-таки сама собою»²⁷.

Обратим внимание на эти слова: «связь настроений». Полагаю, Б.В. Титлинов здесь написал правду, хотя в тех условиях она выглядела как завуалированный донос, который не мог остаться без последствий. «Политическая составляющая» в действиях Патриарха Б.В. Титлиновым по существу не отрицалась. Он попытался доказать, что пока существует сам институт Патриаршества, эта «составляющая» всегда будет давать о себе знать. Будучи апологетом «церковной революции» — «обновленческого» раскола — он рассматривал Московский судебный процесс над духовенством (и, следовательно, привлечение к суду святого Тихона) как последний решительный удар по Патриаршеству, по его убеждению, «не в добрый час задуманное церковной реакцией, одолевшей передовые силы церковно-освободительного движения»²⁸.

Получалось, что сам институт Патриаршества характеризовался Б.В. Титлиновым в качестве изначально реакционного (ведь не могли же «реакционеры» создать что-либо прогрессивное!). Соответственно, мог ли Патриарх Тихон быть кем-либо иным, кроме как «реакционером» или, в лучшем случае, покровителем «реакционеров»?

Несмотря на все свои добрые качества — не мог. Б.В. Титлинов, таким образом, сознательно или спонтанно, позволял говорить о Патриархе как о заложнике «отживших» принципов церковного устройства. Личность опять-таки заслонялась искусственно сконструированной схемой, на сей раз — «обновленческой». В середине 1920-х годов большевиков это вполне устраивало. В последующие годы отдельные суждения «обновленцев» о «реакционности» Патриарха и его соратников будут использоваться в качестве идеологического оружия против Церкви, но это уже другая история.

В 1923 году в советской прессе публиковались заявления, интервью и послания Патриарха Тихона, в которых он был вынужден указывать, что не является врагом Советской власти, и разъяснять основные моменты текущей церковной жизни в России²⁹. Для большевиков это было выгодно по простой причине: рассматривая Святейшего как «классового врага», они могли демонстрировать перед всем миром свою пресловутую «гуманность». Однако из этого вовсе не следовало, что отношение к Патриарху Тихону претерпело существенные изменения, и в последующие годы большевики не забывали напоминать о том, что в первый послереволюционный период он выступал как активный противник их власти. Учитывалось ли при этом то обстоятельство, что Патриарх пользовался большим почитанием верующих?

Полагаю, что учитывалось. Неслучайно в апреле 1925 года «Известия» опубликовали заметку, в которой читатели не только извещались о смерти Патриарха, но также информировались о том, кто при этом присутствовал, кто консультировал святителя накануне его кончины³⁰.

Данная публикация, как мне представляется, появилась в советской газете для предотвращения возможных слухов об убийстве Святейшего.

Спустя шесть дней, также в «Известиях», было опубликовано последнее воззвание Патриарха, названное его «Предсмертным завещанием». Об этом «завещании» существует целая литература, поэтому специально разбирать его в рамках настоящей статьи не стоит. Однако следует указать, что вместе с текстом возвания «Известия» поместили статью, специально посвященную публикуемому документу. В статье содержалась и краткая характеристика Патриарха, которому припоминались все выступления против «рабоче-крестьянского» правительства. Указывалось, что «патриаршую карьеру» он начал с анафемы большевикам, а в «годину голода» отдал приказ о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Последнее называлось «венцом» и «концом» его контрреволюционных выступлений против Советской власти, которая по отношению к нему «выказала большое благодушие и терпимость». Впрочем, интереснее не приведенные слова, а указание на то, что в Патриархе с течением лет «действительно произошел психологический перелом, и он не за страх, а за совесть признал Советскую власть».

Более того, журналист «Известий» с удовлетворением подчеркивал, что в «завещании» Патриарх *«не только признает Советскую власть, но и определенно называет рабоче-крестьянскую власть властью истинно народной, взявшую на себя тяжелую обязанность покончить с ужасными последствиями войны и голода»*⁵¹. Его раскаяние журналист называет «сознательным и искренним», полагая, что на него *«подействовало очевидное укрепление Советской власти и несомненные симпатии к ней широких трудящихся масс»*, а также *«религиозная политика Советской власти»*⁵².

Подобные утверждения, безусловно выгодные большевикам, были откровенной ложью, особенно слова о религиозной политике, но в тех условиях их больше заботило, как воспримут «завещание» за пределами СССР, где в добровольность «раскаяния» Патриарха, зная анти-

религиозную направленность действий большевиков, не верили. Кроме того, властям было выгодно доказать, что и на этом участке «фронта» борьбы с контрреволюцией достигнута победа, а Патриарх Тихон «не оправдал возложенных на него белогвардейцами ожиданий и под влиянием реальной действительности и уроков жизни принужден был обратиться против них»³³.

Итак, Патриарх отказался от борьбы с Советской властью, перестал «возглавлять контрреволюцию» и осознал большевистскую правду. Так окончательно сформировалась схема, которой вплоть до конца горбачевской «перестройки» пользовались советские публицисты и историки, писавшие о первых годах взаимоотношений Русской Православной Церкви и Советского государства. Схема была представлена и в брошюре К.И. Сахарова, посвященной Патриарху Тихону и опубликованной в год его кончины. Примечательно, что эта брошюра, изданная тиражом 25 035 экземпляров, появилась из печати в Москве *без указания издательства*. Она была адресована массовому читателю и имела целью убедить его в том, что религиозная политика советского правительства с самого начала была верной, а проблемы, существовавшие в области церковно-государственных отношений, были вызваны лишь действиями контрреволюционно настроенных иерархов во главе со Святейшим.

Примечательно, что выражение «Святейший Патриарх всея России» автор закавычил, назвав его тем столпом, на который «бывшие люди», выброшенные из жизни революцией, напрасно возлагали свои надежды³⁴. Мирское имя святого Тихона автор перепутал, назвав его Василием Федоровичем, — эта же ошибка в дальнейшем переключает и в словарь-указатель, помещенный в антирелигиозных сочинениях Емельяна Ярославского³⁵. Автор стремился показать Патриарха Тихона как человека, изначально формировавшегося в «сугубо черносотенно-елейной атмосфере», особыми талантами не обладавшего, но имевшего важное качество — «угождать сильным, не высказывать и не иметь своего мнения и во всем согла-

шаться с теми, кто может оценить такое „смирение“ и представить тепленькое местечко»³⁶.

Такое примитивное объяснение личных качеств Патриарха было необходимо автору для того, чтобы не утомляться поисками социально-психологических причин неприятия святым Тихоном революции, дабы в утрированном виде показать естественность его «контрреволюционных настроений». Если человек таких качеств являлся «боевым знаменем и надеждой белогвардейщины», то что доброго можно сказать и о тех, для кого он этим знаменем являлся?! Здесь мы наблюдаем последний этап борьбы с «классовыми врагами» — этап семиотический. Те, кто претендовал на власть в государстве, уничтожаются словом — уже после того, как эту борьбу проиграли. Точно так же пытаются «уничтожить» и Патриарха, который, впрочем, предстает как «разоруженный» и даже «саморазоблачившийся», то есть «бывший враг».

К.И. Сахаров стремится доказать, что сообщения эмигрантской печати о мучениях Святейшего в советской неволе — клевета и глупость, что слухи о «кровавой расправе», учиненной над ним в ЧК, были опровергнуты жизнью³⁷. Ведь главное — это то, что Патриарх перед смертью «написал замечательное завещание, которое нанесло смертельный удар тем контрреволюционным группам, которые для своих низких целей старались использовать имя Тихона»³⁸. Получалось, что произошло своеобразное «чудо»: «махровый монархист» не только перешел к лояльности (причем перешел «неожиданно для себя»), но и призвал верующих всеми силами поддерживать Советскую власть как единственно народную! Только смерть, полагает автор, помешала Патриарху сыграть «значительную роль в деле умиротворения церковного фанатизма и нетерпимости». Из этого следовало, что Святейший хотел искупить свою вину перед Советской властью³⁹, даже более: «своим завещанием Патриарх Тихон в достаточной степени загладил свои вины»⁴⁰.

Превращение по-советски свершилось: большевики сумели «обратить» Первосвятителя в своего сторонника. Старое, конечно, не забывалось, но и новое при необходимости подчеркивалось. Верующие должны были понять, что большевики верят в искренность покаяния Патриарха. В дальнейшем специально о нем в советской довоенной печати практически не писали, вспоминая, в большинстве случаев, лишь о «контрреволюционных выступлениях» в первые послереволюционные годы. Одним из таких «воспоминателей» был Б.И. Кандидов — молодой антирелигиозник, посвятивший свою жизнь разоблачению «реакционной сущности» Русской Православной Церкви. В своих брошюрах, издававшихся издательством «Безбожник», он не забывал вспоминать о Патриархе Тихоне, называя его видным деятелем черносотенного Союза русского народа до Октябрьской революции и руководителем борьбы с Советской властью после ее победы. Для него Собор и Патриарх являлись боевым штабом религиозных антисоветских сил, настоящим антирелигиозным фронтом⁴¹.

Не забывал при случае указывать на «реакционность» Патриарха Тихона и соратник В.И. Ленина В.Д. Бонч-Бруевич, крупный знаток истории русского сектантства, до 1917 года опубликовавший ряд ценных источников по этому вопросу. Характеризуя роль духовенства в первые дни Октября, В.Д. Бонч-Бруевич вспомнил о том, как в ноябре 1917 года под его руководством было организовано специальное учреждение для борьбы с контрреволюцией, бандитизмом, саботажем и преступностью. В этом учреждении он вынужден был рассматривать вопрос о церковных прокламациях, в которых проклиналась Советская власть и которые были подписаны Патриархом Тихоном. «Это открытое выступление „святого отца“ мне даже понравилось, — вспоминал В.Д. Бонч-Бруевич. — По крайней мере, я видел, что этот человек не из трусливых и не рассылает подметных писем, как это делали многие другие организации, а то, что думает, то и говорит, не только ставя свою подпись, но и указывая свой адрес»⁴².

Далее автор сообщал, что показал прокламацию В.И. Ленину, спросив его, что делать с Патриархом. «Ничего, — ответил Владимир Ильич, — сообщите ему, что Советская власть не намеревается надеть на его голову венец мученичества, но все те, кто будет распространять его произведения, будут немедленно арестовываться и предаваться суровому суду. Напечатайте обо всем этом в газетах и предупредите рабочие кварталы, чтобы строго следили за появлением прокламаций». Казалось бы, все ясно: вождь Октября не желает, чтобы Патриарха привлекали к ответственности. Но так только казалось: буквально сразу за публикацией этих слов В.Д. Бонч-Бруевич привел иное высказывание В.И. Ленина: «Надо всегда ставить в ответственность самых высоких лиц православной церкви, хорошо помня, что низшее духовенство и особенно паства являются орудием в их руках и часто совершенно не ответственны за то, что делает высшее церковное управление и главари его»⁴⁵.

На мой взгляд, здесь проявилась абберрация сознания мемуариста, невольно соединившего два совершенно разных высказывания В.И. Ленина. Но эта абберрация характерна не только и не столько для конкретного человека, сколько для всего советского социума того времени (В.Д. Бонч-Бруевич опубликовал текст в 1930 г.). Ведь получалось, что В.И. Ленин, не желая надеть «венец мученичества» на голову Патриарха, одновременно призывал «ставить в ответственность» высших иерархов, следовательно, — и Патриарха. Для мемуариста было важно показать и высокую «гуманность» вождя, и справедливость «карающей руки» власти Советов. То, что получилось не слишком гладко, — было непринципиально, тем более в этом же тексте В.Д. Бонч-Бруевич указывал: во всех белогвардейских заговорах принимали участие «те или иные элементы» Православной Церкви, одновременно называя деятельность Патриарха Тихона провокационной. Обвиняя Святейшего в том, что он, вместе со сподвижниками, был виновником «смерти огромного количества людей», В.Д. Бонч-Бруевич

решился на повторение старой басни о появлении обновленчества, вспомнив о «самоустранении» Патриарха под давлением «догадливых лиц из духовенства» и в качестве доказательства процитировав выдержки из работы А.И. Введенского. «Патриарх Тихон, несомненно, является главным действующим лицом во всех этих контрреволюционных затеях, но его никак нельзя причислить к „полководцам без армии“, — резюмировал В.Д. Бонч-Бруевич. — У него армия была и, вероятно, есть до сих пор. И армия значительная, добровольная, дисциплинированная»⁴⁴.

В условиях, когда сталинский тезис об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма постепенно утверждался в СССР, разговоры об «армии» выглядели вполне уместными, а напоминания о «контрреволюционной деятельности» Патриарха Тихона — оправданными. То, что эта работа была переиздана в 1959 году, в эпоху хрущевских гонений на Церковь, также не следует игнорировать: развенчав культ личности и отказавшись от тезиса об усилении классовой борьбы, Н.С. Хрущев вовсе не желал отказываться от идеи, согласно которой религия и Церковь реакционны по своей природе. Воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича показывали это «со всей очевидностью».

Кстати, следует сказать и о том, что в хрущевское время была издана и работа бывшего обновленческого «митрополита» Н.Ф. Платонова, подготовленная им после громкого ухода из Церкви в конце 1930-х годов. Тогда ее не опубликовали — помешала война, но в конце 1950-х годов советские антирелигиозники решили вернуться к теме. Они существенно «подчистили» текст Н.Ф. Платонова, который создавал его в условиях «обострения классовой борьбы», выбросив наиболее одиозные характеристики. Однако и в таком виде он представлял собой форменный пасквиль, в котором донельзя вульгарно описывалось избрание Патриарха и подчеркивалось, что избранник «больше всего отвечал требованиям, предъявлявшимся к Патриарху. «Тихон (Беллавин), — указывал Н.Ф. Плато-

нов, — и верующему мог понравиться своей внешностью, и своей предыдущей деятельностью давал гарантии непримиримой вражды к революционному народу»⁴⁵.

Автор не стремился нарисовать портрет святителя, его больше занимало другое: показать его «контрреволюционную сущность». Н.Ф. Платонов подчеркивал, что из обвинительного заключения по делу Патриарха видно, что он «вел переговоры с вожаками заговорщических организаций и официальными представителями Антанты о свержении Советской власти», а также с представителями таких контрреволюционных структур, как «Тактический центр» и «Национальный центр», давал их «вожакам» благословение и высказывал пожелание «успеха в этой работе»⁴⁶.

Не обошел Н.Ф. Платонов и рассказа об изъятии церковных ценностей, подчеркнув, что послание Патриарха «продолжало линию борьбы с Советской властью». В искренность Патриарха автор не верит, в качестве доказательств решившись привести историю с обновленческим «протопресвитером» В.Д. Красницким, которого Святейший под давлением властей вынужден был принять в общение, но затем все-таки порвал с ним. Причины разрыва Н.Ф. Платонов объяснял тем, что Патриарх быстро пошел на уступки «махровым реакционерам в монашеских и епископских мантиях»⁴⁷. Пошел же он на уступки потому, что, «несмотря на все свои заверения о политическом разрыве со своим прошлым, старательно закреплял все „церковно-старое“. „По старинке“ он выбирал новую иерархию из прежних монахов, выдвигал на ответственные посты людей, которые были известны своей преданностью царскому режиму, ненавистью к строительству новой жизни». В качестве примера, что характерно, он привел историю хиротонии митрополита Петра (Полянского)⁴⁸.

Строй «мысли» Н.Ф. Платонова, конечно, удивлять не может, но того, что его «мысли» оказались востребованы в эпоху «оттепели», не отметить нельзя. В конце 1930-х годов, равно как и в конце 1950-х — начале 1960-х, писать о

«раскаянии» Патриарха было неактуально. В связи с этим показательно отметить, что о нем почти не писалось и в журнале «Безбожник», выходившем в СССР вплоть до лета 1941 года. Если и писали, то ограничивались фразами о «контрреволюционной деятельности» Святейшего⁴⁹. Развернутую характеристику Патриарха можно было прочитать лишь в упоминавшемся выше словаре-указателе к работам Емельяна Ярославского.

Выдержана статья в классическом сталинском стиле 1930-х годов. Патриарх назван «верным слугой самодержавия», «монархистом», в 1913 году награжденным царем орденом Александра Невского. Не осталась забытой и его «близкая связь с черносотенным „Союзом русского народа“». Он характеризовался как вождь антисоветского движения, оправдавший надежды избравших его «черносотенцев». Читатель узнавал, что после свержения Советской власти Патриарх обещал устроить торжественное богослужение и выпустить послание с признанием белогвардейской власти, что он имел связь с «Тактическим центром» и «Национальным центром» (о чем, как мы видели, писал и Н.Ф. Платонов). Более того, Патриарх был связан со всеми белогвардейскими правительствами, сопротивлялся изъятию церковных ценностей и, в конце концов, был арестован. Второй Поместный Собор (под которым имелось в виду обновленческое собрание 1923 г.) лишил его сана, а летом 1923 года Советская власть выпустила Патриарха на свободу — «после подачи заявления о раскаянии и обещания прекратить антисоветскую деятельность». В апрельском «завещании» Патриарх подтвердил свою лояльность по отношению к Советской власти⁵⁰.

Никакой оценки «раскаянию» не давалось, но, как видно из текста, много писалось о «черносотенстве» и участии в борьбе против большевиков. То, что статья начиналась указанием на то, что он «верный слуга самодержавия», следует считать «политическим приговором», который оставался в силе, несмотря на то, что святитель «раскаялся».

Пресловутое «великодушие» Советской власти противопоставлялось «закоренелости» «прощенного» врага.

Вновь о Патриархе Тихоне в Советском Союзе стали писать уже в послевоенную эпоху, пользуясь прежними штампами, но стараясь по возможности избежать той ругани, которая считалась у сталинских безбожников нормой. В целом же, если была возможность, о Патриархе старались вообще не упоминать. Так, его имени мы не найдем ни во «Всемирной истории», издававшейся Академией наук в 1950–1960-е годы, ни в «Краткой истории СССР», до «перестройки» выдержавшей четыре издания и предназначенной для массового читателя. Объяснять это «забывчивостью» исследователей и редакторов было бы неверно. Даже в многотомной «Истории Гражданской войны в СССР» его имя встречается лишь однажды, когда говорится о том, что Патриарх, «возглавлявший реакционное православное духовенство», выпустил обращение, «в котором обещал предать анафеме всех, кто будет поддерживать Советскую власть»⁵¹.

Создавалось впечатление, будто официальные власти лишний раз не хотят вспоминать о Патриархе Тихоне, «замалчивая» историю церковно-государственных отношений первых лет Советской власти. В специальных сборниках об этих отношениях писали, но до массового читателя такие издания дойти не могли. В частности, вопрос изменения политической ориентации РПЦ в 1917–1945 годах рассматривался в статье В.Е. Ладоренко, опубликованной в «Вопросах истории религии и атеизма» тиражом 2100 экземпляров. Не будем забывать, что статья готовилась в хрущевскую эпоху и носила на себе ее отпечаток. Фразы о Патриархе как «яром монархисте» и «видном деятеле черносотенного „Союза русского народа“», возглавившем антисоветскую деятельность Церкви, открывали публикацию⁵².

Читатель с самого начала должен был почувствовать, что после Октября 1917 года РПЦ находилась на стороне врагов народа, противодействовала мероприятиям Советской власти, выступала в союзе со свергнутыми классами.

Соответственно и Патриарх Тихон характеризовался как человек, желавший свержения большевиков и своим посланием о церковных ценностях делавший попытку «поднять восстание против Советской власти»⁵³. Так верно указание на то, что Патриарх не воспринимал новых властителей страны как представителей народной власти, дополнялось обманным заявлением о его желании поднять восстание. В данном случае автор следовала в русле безбожников 1920–1930-х годов, не проявляя никакого «новаторства» в подходах.

Правда, ей приходилось учитывать то обстоятельство, что «обновленческое» течение после 1945 года прекратило свое существование, и следовало объяснить, не выходя за пределы прежней схемы, почему так произошло. И В.Е. Ладоренко решает эту проблему достаточно просто: контрреволюционной политикой Церковь оттолкнула от себя широкие массы верующих, и духовенство встало перед необходимостью политической переориентации для спасения церковного престижа. Так появляется на исторической сцене «обновленчество», о котором далее автор и пишет⁵⁴. «Но по мере того, как официальная церковь вынуждена была постепенно переходить на позиции лояльности, осознав, наконец, неотвратимость происшедших социальных перемен, обновленцы стали утрачивать свое „преимущество“ перед „тихоновской“ церковью». Сыграла, по мнению автора, свою роль и традиция: «обновленцам» не удалось провести церковную реформу, а Патриарх Тихон выступил «с покаянием», выпустив соответствующие воззвания. С удовлетворением цитируются воззвания Патриарха от 1 июля 1923 года и его так называемое «Завещание» от 7 апреля 1925 года. «Эти шаги, предпринятые Тихоном, — замечает В.Е. Ладоренко, — продолжают после его смерти „местоблюстителем патриаршего престола“ Сергием. Таким образом, только в конце 20-х и начале 30-х годов тихоновская церковь в лице своих наиболее дальновидных руководителей переходит на позиции лояльности»⁵⁵.

Но остановиться на прозвучавшей констатации автор не желает, ей важно разоблачить и современных церковных деятелей Московской Патриархии, которые, по ее словам, пытаются переоценить роль Патриарха, показать его чуть ли не святым. «Этот яркий вдохновитель контрреволюции и белогвардейщины изображается защитником рабоче-крестьянской власти», хотя он в самое тяжелое для Советской власти время закрывал глаза на поведение православного духовенства в белогвардейском стане», «*молчаливо* поощрял действия духовенства, активно поддерживавшего Колчака, Деникина и т. д.» (выделено мной. — С.Ф.).

Заявление о молчаливой поддержке, конечно, дорогого стоит, но не менее важно и то, что Патриарха продолжают оценивать в категориях классовой борьбы, не иначе. Для советских авторов он — «белый», лишь в конце 1919 года высказавшийся о том, что установление той или иной формы правления не дело Церкви. Не забыла В.Е. Ладоренко и старую песню о «сборище контрреволюции» в Сремских Карловцах, справедливо, надо признать, указав, что истинные симпатии Святейшего были на стороне зарубежного Собора 1921 года. «Его действия, — пишет исследовательница, — сводились к призывам о прекращении враждебной деятельности против Советской власти и угрозам церковного суда. Подобная реакция была своеобразным тактическим ходом. В действительности Тихон и не думал порывать с контрреволюционным духовенством»⁵⁶.

Читая подобные опусы, невольно задаешься вопросом: а думали ли их авторы о том, что они излагают советскую схему церковно-государственных отношений, игнорируя очевидные, бросающиеся в глаза противоречия. В самом деле, если Патриарх «покаялся», объявив Советскую власть народным правительством, то правильно ли утверждать, что он и не думал рвать отношения с «контрреволюционным духовенством»? Ведь тогда получается, что он не был искренен, что его «раскаяние» было вынужденным! Увы, большинство советских авторов, писавших

на религиозные темы, диалектику учили «не по Гегелю», стремясь только к тому, чтобы не нарушить неписанные требования изложения материала о Церкви как о «прислужнице» царизма и верной союзнице «эксплуататорских классов», которая перешла на позиции лояльности вынужденно, — под впечатлением от успехов социалистического строительства и «боясь» потерять паству, готовую «беззаветно защищать» интересы пролетарской революции.

Те же мысли проводились и в специальной книге историка Р.Ю. Плаксина, выпущенной издательством «Наука» в 1968 году. Это была уже полноценная монография, в которой шла речь о Патриархе Тихоне (хотя она и называлась «Тихоновщина и ее крах»). Не будет ошибкой признать, что ее выпуск был приурочен к 50-летию Октябрьской революции, равно как и переиздание в 1987 году — к 1000-летию празднования Крещения Руси (тираж книги составил 50 тысяч экземпляров). Советская власть не желала пересматривать установившиеся взгляды на церковную историю 1917-го — начала 1920-х годов.

Все прежние характеристики Святейшего были собраны воедино, систематизированы и поданы в русле советской вульгарно-социологической «школы». Конечно, поминалось «черносотенство» (со ссылками на работу А.И. Введенского), говорилось о том, что Патриарх «стал знаменем контрреволюции, символом самой черной реакции». Цитировались речи советского обвинителя 1920-х годов П.А. Красикова, в которых Святейший назывался «духовным монархом» и «частичкой Николая II»; указывалось, что от имени Собора он «подписал 16 антисоветских посланий и воззваний к духовенству и верующим»⁵⁷. Р.Ю. Плаксин вслед за Н.Ф. Платоновым отмечал, что Патриарх приблизил к себе, рукоположив в священник сан, ряд лиц, «проявивших себя приверженцами монархического строя»⁵⁸.

Короче говоря, автор попытался нарисовать портрет врага, целью которого было не служение Богу и людям, а политическая деятельность. Даже патриаршую поездку

в Петроград (в мае–июне 1918 г.) он связал с желанием Святейшего усилить антисоветскую деятельность, возбудив массы⁵⁹. При чтении складывалось впечатление, будто автор взял на себя роль обвинителя, продолжая традиции большевистских критиков религии и Церкви, используя дихотомический метод объяснения прошлого и находя в деятельности Патриарха лишь злое начало.

По-своему Р.Ю. Плаксин был прав: то, что для Советской власти было благом, не могло рассматриваться как благо Церковью. Но попытаться ответить на вопрос, почему так произошло, советский историк, разумеется, не мог. Он был «идеологическим бойцом», и в качестве такового клеймил, а не рассуждал. Для него важно было показать, в связи с чем Патриарх «осознал» свои «ошибки» и «исправил» курс церковного корабля. Сделать это было легко, указав, как Советская власть успешно преодолевала голод и разруху, укрепляла союз рабочих и крестьян, а также напомнив об «обновленцах», подчеркнув, что основной причиной их успеха на первых порах «являлось признание ими справедливости Октябрьской социалистической революции и законности Советской власти». С этим автор связывал обращение Патриарха летом 1923 года в Верховный суд и его «раскаяние»⁶⁰. Трудящиеся, писал Р.Ю. Плаксин, требовали «сурового суда» над Патриархом, но Верховный суд все-таки освободил его из-под стражи.

«Покаяние» рассматривалось в книге как яркий признак осознания церковным руководством краха церковной контрреволюции⁶¹. В этом же ключе рассматривается и закат «обновленчества»: «как только исчезло в основном различие в политическом отношении между тихоновцами и обновленцами, начался отлив верующих масс из новой церкви в старую». Данный курс, писал Р.Ю. Плаксин, после кончины Патриарха Тихона был продолжен митрополитом Сергием (Страгородским). О митрополите Петре (Полянском) он полагал возможным вообще ничего не писать. Да и зачем, если «патриаршая церковь, хотя и с

запозданием, пришла в конце концов к обновленческим общественно-политическим позициям»⁶².

Получалось, что РПЦ после 1925 года воспринималась советским историком как «обновленческая» по своим политическим установкам структура. Что здесь сказать? Лучше промолчать. Тем более что громогласно заявивший об этом автор закончил свою книгу циничным заключением, из которого следовало: «объективно, независимо от воли и желания представителей духовенства, они своей проповедью и деятельностью мешают прогрессу, препятствуют развитию и совершенствованию социалистического общества в нашей стране, его перерастанию в коммунизм»⁶³. Неужели это и была плата за лояльность, за возможность молиться в храмах и совершать легальные богослужения?..

В том же 1968 году в комсомольском издательстве «Молодая гвардия» 50-тысячным тиражом была издана популярная работа А.Б. Черткова с емким названием «Крах». Выход книги, судя по всему, адресованной подрастающему в СССР поколению, приурочивался к 50-летию Октябрьской революции. Ее автор некогда обучался в МДА, получил степень кандидата богословия, но в дальнейшем порвал с религией, ушел из Церкви и стал работником «атеистического фронта». Это обстоятельство надо иметь в виду, понимая, что А.Б. Чертков стремился показать всем (и прежде всего самому себе), что он — «идейный писатель», желающий внести свой вклад в борьбу «с мракобесием и клерикализмом». Характерно, что тремя годами ранее, также в «Молодой гвардии», он опубликовал «Очерки современной бурсы», в которых попытался в грубой форме описать нравы и жизнь студентов и преподавателей духовных школ.

В книге «Крах», состоящей из шести глав, лишь последняя целиком посвящена теме РПЦ в Великой Отечественной войне. Основное внимание А.Б. Чертков уделил эпохе Патриарха Тихона, показав себя достойным учеником советских безбожников «первого призыва». Форма подачи информации, выбранная автором, у непредвзя-

того читателя должна была бы вызвать ряд недоуменных вопросов. Это и не публицистика, и не исследование, и не художественное произведение. Скорее всего, работу А.Б. Черткова можно охарактеризовать как «смещение жанров», преследующее банальную цель — представить в карикатурном изложении драматическую историю церковно-государственных отношений при Патриархе Тихоне. Опрошение доведено до максимально возможных масштабов. Читатель с самого начала должен запомнить, что «поскольку революция совершилась во имя счастья народа, постольку она выбила почву из-под ног религии, вела в конечном счете к ее краху и исчезновению». Этим и объяснялось враждебное отношение Церкви к социалистической революции⁶⁴. Получалось, что вражда к новой власти, строившей «счастье на земле», была неизбежна.

Кто же тогда «церковники»?

Разумеется, неизбежные враги, не желавшие народного счастья. Подобная сентенция заставляла рисовать портрет Патриарха Тихона в черных красках, по возможности подчеркивая, что он никогда ничем особенным «не отличался», даже твердостью характера, к тому же книг и статей не писал, ученым не был. А устраивал святой Тихон церковную общественность Москвы и России лишь тем, что ее представители «надеялись подчинить его своей воле и своим интересам»⁶⁵. Правда, при этом «никто всерьез не думал, что он пройдет в патриархи»⁶⁶. Вот такой рассказ.

В ходе дальнейшего изложения этот «обычный кандидат богословия» называется уже «вождем черного воинства» и главой Церкви, поведшей войну с Советской властью⁶⁷. Почему сие случилось можно только гадать. Но важнее оказывается иное: весной-летом 1918 года, пишет А.Б. Чертков, Патриарх встречался с английским консулом и сотрудниками французского консульства, обсуждая с ними вопрос о свержении Советской власти, аресте правительства и убийстве В.И. Ленина! Патриарх благословляет преступников, принимает сторону врагов и радуется их планам.

Если бы не органы ВЧК, раскрывшие заговор, то могло бы случиться страшное. Действительно, что может быть ужаснее, чем обсуждать возможность убийства вождя мирового пролетариата!

Понятно, что и в последующий период Патриарх продолжал свою антисоветскую деятельность, не желал помогать голодающим, поддерживал Карловацкий Собор, всячески мешая социалистическому строительству. Многие «церковники» понимают это, пытаются отмежеваться от политической линии Патриарха, прикладывая «все усилия, чтобы спасти церковь, отсрочить ее конец»⁶⁸. Нетрудно догадаться, что речь идет об «обновленцах». Последующее изложение материала традиционно: Патриарха привлекли к суду, он «покаялся» и был отпущен на свободу. Тогда-то Святейший и решил прекратить антисоветскую деятельность, повернув «на курс лояльности всю подчиненную ему церковь». Надо было спешить, поскольку здоровье слабело. Так появилось в изложении автора «Завещание».

Каков же итог?

«Мы» воздаем должное, пишет А.Б. Чертков, за то, что он понял свои заблуждения, но «мы» не должны забывать и о первом периоде его деятельности. Признать Советскую власть его заставила жизнь, его симпатии всегда были, «а скорее всего и остались на стороне врагов революции»⁶⁹. Антисоветская деятельность Церкви потерпела крах, резюмирует автор, говоря о сложившейся в результате этого парадоксальной ситуации: «бороться против нашего общественного строя церковь не в состоянии и больше не делает этого, а сам советский строй объективно ведет к исчезновению религии. Церковь, чувствуя наступление сумерек религии, мечется в этом заколдованном круге»⁷⁰.

Получалось, что «раскаяние» Патриарха ни к чему не привело: Советская власть и без него шла бы по пути от успеха к успеху, а Церковь все равно была обречена, ее «крах» был только отложен — на некоторое время. Советский автор «не верит» в раскаяние Патриарха, он для него продолжает

оставаться врагом. Хотел он этого или нет, но из текста книги можно сделать вывод, что Патриарх не разделял убеждения в том, что революция принесет народу счастье, по крайней мере такое, которое ему уготовили большевистские вожди. Да и могло ли быть иначе, если «счастье народа» мыслилось в контексте неизбежного краха религии? Для А.Б. Черткова этот вопрос неактуален.

В последующее двадцатилетие в СССР увидело свет еще несколько работ, где авторы писали о деятельности Патриарха Тихона, в основном повторяя прежние заявления. Среди них следует прежде всего назвать монографию казанского ученого А.А. Шишкина, посвященную истории «обновленчества». В книге имя Патриарха Тихона многократно упоминается, он наряду с другими «реакционными иерархами» называется человеком, «с затаенной радостью» ожидавшим гибели Советской власти⁷¹. Однако в этой книге приведен значительный фактологический материал, позволяющий внимательному читателю самостоятельно разобраться в перипетиях церковно-государственных отношений того времени, избежав излишней идеологической пристрастности. В конце концов, на тот момент в СССР монография А.А. Шишкина была наиболее глубоким исследованием, затрагивающим историю РПЦ послереволюционного времени.

О Патриархе Тихоне писали и те, кто занимался профессиональным разоблачением «буржуазных фальсификаторов» положения религии в СССР. Одним из них был Э.И. Лисавцев — советский чиновник, в чьи обязанности в 1960–1970-е годы входило осуществление контактов государственных органов власти с Церковью. Э.И. Лисавцев «разоблачал» W. Fletcher, I. Chrysostomus, отца Г. Граббе, Н. Струве, А.А. Боголепова и многих других. Он критиковал «фальсификаторов» за то, что, наделяя Патриарха Тихона чертами выдающегося деятеля, они одновременно писали и о его посредственных качествах как руководителя и политика. Эту «непоследовательность» автор разъяснял с учетом опять-таки «церковной контрреволюции, руководимой

патриархом». Ее банкротство, по мнению Э.И. Лисавцева, показало бесперспективность церковной оппозиции в Советском государстве. А этот вывод «как раз и не устраивает буржуазных религиоведов»⁷². В отличие от «буржуазных религиоведов» Э.И. Лисавцев придерживался советской схемы, позволявшей, не мудрствуя лукаво, просто и ясно объяснять сложные проблемы, используя «классовый подход» к истории. «Фальсификаторы» такой возможности не имели.

Автор протестует против желания западных исследователей «оправдать» Патриарха, их стремления «„спасти“ патриарха и связанную с ним политику церкви от справедливого обвинения в антинародных действиях». Такая политика, пишет советский борец за истину, предосудительна даже с позиций христианской морали⁷³. Не мог согласиться он и с оценкой возникновения «обновленческого» раскола; раскол, по мнению Э.И. Лисавцева, вызвал политический курс Патриарха, приведший «к полной утрате власти приверженцами „тихоновщины“». Даже кончину Святейшего автор оценивает социологически: как банкротство той части духовенства, которая лишь с большим трудом могла примириться с новыми порядками в стране и выработать «правильную линию поведения» в социалистических условиях. Э.И. Лисавцев замечает, что, даже признав свою вину, «тихоновцы» были не в состоянии выдвинуть позитивную программу деятельности Православной Церкви в новом обществе. «Ни „покаяние“ Тихона, ни его завещание не содержат какой-либо конструктивной концепции положения Церкви в СССР»⁷⁴, — заявлял автор. Кто же тогда выдвинул необходимую концепцию, неужели «обновленцы»? Вопрос остается без ответа, но заявление Э.И. Лисавцева следует запомнить: для него Патриарх Тихон только «раскаявшийся» враг, не имевший «стратегического плана» строительства церковно-государственных отношений в СССР.

Об отношении Церкви и государства в Советском Союзе свою книгу написал и в 1981 году тиражом 100 тысяч экземпляров издал многолетний глава Совета по делам религии при Совете Министров СССР В.А. Куроедов. Его работа

представляет интерес только в том смысле, что является отражением официальных взглядов коммунистического руководства. Понятно, что ничего сенсационного в его книге не было — старые характеристики, в которых от личности оставалась схема: опять «черносотенец» до революции 1917 года, опять контрреволюционные выступления после ее победы. Ссылки на Емельяна Ярославского, указание на «тихоновщину». Ставшие в 1980 году традиционными объяснения появления и заката «обновленческого» движения, фразы о «гуманности» и «великодушии» Советского правительства. Но главное — это указание на то, что «в последние дни своей жизни он сделал определенный вклад в нормализацию отношений между православной церковью и Советским государством»⁷⁵. Выражение «в последние дни» следует, вероятно, понимать как намек на апрельское 1925 года «Завещание» Святейшего.

Совсем кратко история церковно-государственных отношений при Патриархе Тихоне излагается в книжке кандидата философских наук Е.С. Варичева, к середине 1980-х годов служившего инструктором Всесоюзного общества борьбы за трезвость. Громкое название книжки — «Православная Церковь. История и социальная сущность» — мало соответствовало ее убогому содержанию, хотя тираж опуса составил 50 тысяч экземпляров. Знакомясь с ее содержанием, читатель мог узнать, что в январе 1918 года Патриарх Тихон, угрожая анафемой и карами, призывал православных «идти на подвиг страдания и защиту святыни», что объяснялось в духе классового подхода: «то есть царской России»⁷⁶. Проще сказать было невозможно. Точно так же, кратко и до удивления вульгарно, описывалось возникновение «обновленчества», причем инициатором возникновения «Живой церкви» назывался епископ Сергей (очевидно, Страгородский). Получалось забавно: епископ инициировал организацию «обновленцев», члены которой требовали не только лишить Патриарха сана, но и ликвидировать монашество⁷⁷, то есть состояние, в котором пребывал сам епископ. Как видно, кандидат философских наук путал «обновленчество»

и «сергианство», соединяя их политически. Организация «Живая церковь», по словам Е.С. Варичева, прекратила существование в 1945 году. О судьбе «епископа Сергия» ничего не говорилось. Касаясь «социальной сущности» Церкви, автор замечал, что «открытая контрреволюционность русского православия, „подогреваемая“ Патриархом Тихоном, показала широким массам трудящихся подлинное лицо церкви и сущность религии»⁷⁸. Это было «новое слово» в истории религии и Церкви, поскольку контрреволюционной объявлялась не Церковь, а «подогретая» вера.

Чтобы обзор был полным, необходимо сказать несколько слов о ленинградском религиоведе Н.С. Гордиенко, много писавшем о русском Православии. Одна из его работ, изданная тиражом 100 тысяч экземпляров, так и называлась: «Современное русское православие». Она представляет интерес только в том смысле, что прежние характеристики Патриарха Тихона были даны без той грубости, какой отличались работы ранних безбожников. Да, Н.С. Гордиенко писал о «контрреволюционерах в рясах», которых вполне устраивал святой Тихон — «монархист по политическим убеждениям и потому не приемлющий социалистическую революцию»⁷⁹. Но он не клеймил, а констатировал. Для советского исследователя, идеологически воспитанного в 1950-е годы, и это можно считать достижением. По мнению Н.С. Гордиенко, действия Патриарха первоначально носили преимущественно политический характер и имели антисоветскую направленность, а пока он был у власти, не согласные с ним иерархи, клирики и прихожане не решались на активное противодействие. Изоляция Патриарха и угроза его привлечения к судебной ответственности радикально меняли ситуацию⁸⁰.

Советский исследователь сказал правду, но не до конца: он не стал продолжать мысль и говорить, насколько изоляция была выгодна *и самим большевикам*. Проще было далее вспомнить о письме Патриарха в Верховный суд от 16 июня 1923 года; об обращении к Церкви от 4 июля 1923 года, в котором звучал призыв повиноваться Советской вла-

сти; а также о продолжении линии на признание этой власти в «Завещании», опубликованном в «Известиях» 15 апреля 1925 года⁸¹. В таком «облагороженном» виде схема церковно-государственных отношений при Патриархе Тихоне, да и он сам выглядели вполне корректно. Настолько корректно, что можно было заявить: «Смерть помешала Тихону практически осуществить социально-политическую переориентацию Русской православной церкви и принять меры по отношению к тем епископам, священникам и мирянам, которые новую ориентацию не одобрили»⁸². Получалось, что линию продолжил митрополит Сергей (Страгородский), который мог характеризоваться в качестве продолжателя дела Патриарха Тихона. Как здесь не вспомнить большевистский лозунг: «Сталин — это Ленин сегодня!»

Последняя крупная работа, посвященная истории РПЦ вплоть до новейшего времени, увидела свет в 1989 году под редакцией А.И. Клибанова, который провел в сталинских лагерях почти 13 лет. Автор трудов по истории религии и сектантства в России, А.И. Клибанов стремился к объективному изучению РПЦ, впрочем, понимая эту «объективность» в марксистском ключе. Изданная под его редакцией (тиражом 200 тысяч экземпляров) книга представляла собой памятник именно советской исторической науке, относившейся к Церкви исключительно предвзято. Часть, посвященную эпохе Патриарха Тихона, писал Н.С. Гордиенко, изложивший свои взгляды на церковно-государственные отношения послереволюционной России в русле традиционных советских установок. Для нас интересно то, что автор утверждал невозможность для Патриарха Тихона и его ближайшего окружения осуществить политическую переориентацию Церкви. Подобную переориентацию, по его мнению, и провели «обновленцы», осуждавшие «тихоновщину» за подмену религии политикой. Далее Н.С. Гордиенко вспоминает об обращениях Патриарха, утверждая, что тем самым «обновленцы» лишались своего преимущества, а у святого Тихона появлялся шанс удержать под своим влиянием тех

верующих, кого прежняя его антисоветская деятельность не устраивала. Таким образом, Патриарх понял, что только на путях политической переориентации возможно замедление дальнейшего углубления кризиса традиционного русского Православия.

Итак, налицо «прогресс»: если А.Б. Чертков писал о неминуемом «крахе», то Н.С. Гордиенко — об углублении «кризиса». С этим тезисом советская историография, занимавшаяся исследованием церковно-государственных отношений в СССР, встретила конец коммунистического периода. Наступали новые времена, требовалось отказаться от прежних схем, обратившись к подлинным документам и материалам, прежде всего архивным. Нужно было переосмыслить прошлое, ранее шельмовавшееся. Эти задачи решала уже российская историческая и религиозноведческая наука, отказавшаяся от большинства советских представлений о религии и Церкви в Советском государстве как от ненужного балласта.

Отдельно несколько слов следует сказать об энциклопедических изданиях советского времени, в которых публиковались биографические статьи о Патриархе Тихоне. Как ни странно, но в двух первых изданиях Большой Советской Энциклопедии информации о нем редакторы решили не помещать (соответственно, в 54-м томе первого издания, увидевшего свет в 1946 г., и в 42-м томе второго издания 1956 г.). Лишь двадцать лет спустя, в 1976 году, БСЭ нашла возможность дать краткую справку о жизни Патриарха. Автор статьи не указывался, но, знакомясь с текстом, легко понять, что он ограничился самыми общими, взятыми из советских памфлетов и брошюр, сведениями. В статье сообщалось, что Святейший возглавлял в Ярославле местный отдел Союза русского народа, выступал против декрета об отделении Церкви от государства, к которому относился враждебно, не признав заключение Брестского мира и предав Советскую власть анафеме. Автор не забыл и противодействие изъятию церковных ценностей, и привлечение

Патриарха к суду «за контрреволюционную деятельность», и лишение его «обновленцами» сана. Убедившись, что открытая борьба ведет к утрате церковного влияния, святой Тихон, указывалось далее, признал вину, отмежевался от контрреволюции и попросил о помиловании. В конце было написано, что дело против Патриарха власть прекратила, а он сам оставил завещание, призывавшее верующих к сотрудничеству с Советской властью. Любопытно, что преемником Патриарха «и патриаршим местоблюстителем» в статье назвали митрополита Сергия (Страгородского), а не митрополита Петра (Полянского)⁸³. Таким образом, статья, в которой практически ничего не говорилось о дореволюционном служении святителя, заканчивалась грубейшей ошибкой. Что мог вынести по ее прочтении читатель? Только одно — Патриарх был врагом Советской власти, ею великодушно прощенным. Большого не требовалось. Спустя десять лет статья о Патриархе Тихоне почти дословно была повторена в Украинской Советской Энциклопедии, хотя и без указания на преемника Патриарха⁸⁴.

С другой стороны, в Малой Советской Энциклопедии статьи о Патриархе Тихоне публиковались и в первом, и во втором изданиях. В первом статью написал социолог С.Л. Урсынович, во втором — неизвестный автор, быть может, тот же С.Л. Урсынович. Собственно, назвать эти энциклопедические статьи краткими биографиями Святейшего невозможно. Это — политические памфлеты, в которых пристрастно изложена история «контрреволюционной деятельности» Патриарха, называемого «черносотенным архиереем», избранного на Поместном Соборе, «стремившемся реставрировать монархию». Примечательно, что и в 1932, и в 1940 годах, когда публиковались соответствующие тома МСЭ, в статье о Патриархе Тихоне ничего не говорилось о его «Завещании». Если в первом издании МСЭ всё обрывалось на фразе о вынужденном признании Патриархом собственного поражения и о том, что он признал Советскую власть («не оставляя, конечно, надежды при первой возможности возобновить свою контрреволюционную работу»), то во

втором — утверждением, как «в 1921–1922 годах он отказался выдать церковные ценности на помощь голодающим и пытался разжечь контрреволюционное движение»⁸⁵. Сама подача материала говорила о многом: для властей Страны Советов покойный Патриарх был безусловным врагом, о раскаянии которого если и упоминали, то с оговорками, не оставлявшими сомнений в «классовом подходе» составлявших статьи авторов.

Очевидно, чтобы не демонстрировать подобный подход, редакторы Энциклопедического словаря Гранат, издававшегося и после 1917 года, помещая в 41-м томе (часть VIII) материалы на букву «Т», решили статью о Патриархе Тихоне вообще не давать. Отсутствовала статья о Патриархе и в очередном томе третьего издания МСЭ, увидевшего свет в 1960 году. Отказались публиковать информацию о Святейшем также редакторы энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1977). С чем было связано подобное решение — судить трудно, особенно зная, что в Советской исторической энциклопедии краткая статья о Патриархе Тихоне появилась еще в 1973 году.

Эту справку можно назвать наиболее объективной из тех, что издавались в Советском Союзе. Впервые все основные биографические данные, касающиеся Патриарха Тихона, были перечислены, хотя и в этом случае большая часть текста затрагивала его «контрреволюционную деятельность», закончившуюся, впрочем, признанием Святейшим Советской власти⁸⁶. Практически такой же фразой завершаются и краткие справки о Патриархе Тихоне, публиковавшиеся во всех четырех изданиях Советского энциклопедического словаря — с 1982 по 1987 год⁸⁷. К слову, в первых изданиях этого словаря помещались и специальные статьи о «тихоновщине», аттестовавшейся как контрреволюционное движение части православного духовенства, кулачества и отсталых групп верующих 1920-х годов⁸⁸. В издании 1987 года статью о «тихоновщине» по неизвестным причинам из словаря убрали.

В том же 1987 году вторым изданием вышла энциклопедия, посвященная Гражданской войне и военной интервенции, в которой была опубликована очередная пристрастная справка, посвященная Патриарху Тихону. Ничего нового, кроме ошибок, в той справке читатель найти не мог. Общие сведения о святителе, начиная с его служения в Ярославле в 1907–1913 годах, а также избрание Московским митрополитом и Патриархом в 1917 году, — вот, пожалуй, и всё. Далее говорилось о выступлениях против Советской власти, причем специально указывалось, что в постановлении от 15 февраля 1918 года Святейший, вместе с Священным Синодом, «изложил программу борьбы церкви и верующих против Советской власти», а после побед Красной Армии и разгрома контрреволюционных организаций 25 сентября 1919 года «издал послание „О прекращении духовенством борьбы с большевиками“». Далее говорилось о церковных ценностях, о привлечении Святейшего к судебной ответственности, его помиловании и об изменениях взглядов под влиянием успехов социалистического строительства⁸⁹.

На самом деле 15/28 февраля 1918 года Патриарх и Священный Синод выпустили Постановление «О деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой власти», а 25 сентября/8 октября 1919 года — «Послание о невмешательстве в политическую борьбу». В постановлении содержался призыв к пастырям, рассматривался вопрос организации мирян, говорилось о монастырях, об учебных заведениях, о насилиях над духовенством, о захвате церковного имущества, о церковных наказаниях, о браке и разводе и о церковном делопроизводстве. Никакой «программы борьбы против Советской власти» там не было⁹⁰. А в послании от 25 сентября/8 октября 1919 года слово «большевик» вообще отсутствовало⁹¹. Как видим, в статье извращались не только названия документов, но и вольно интерпретировалось их содержание. «Вольности» не помешал и провозглашенный ко времени издания энциклопедии курс на «гласность».

Подведем итоги. За десятилетия, прошедшие со времени кончины Патриарха Тихона до гибели коммунистического режима и развала СССР, официальная советская историография писала о нем исключительно как о враге, в 1930-х — начале 1940-х годов даже не обращая внимания на его вынужденное «раскаяние». Написать подлинный портрет Святейшего в условиях господства «единственно верной» коммунистической идеологии и не хотели, и не могли. Вместо портрета, который позволил бы понять и личность Патриарха, и мотивы его действий в сложные годы революции и Гражданской войны, советские публицисты и историки рисовали схематический образ «главного церковника», более интересуясь не тем, насколько в этом образе отражаются черты реального, живого человека, а соответствием марксистской социологической схемы решению «церковного вопроса» в условиях классовых битв за «лучшее будущее». Подведение неутешительных итогов этих битв означало и кардинальный пересмотр историками новой посткоммунистической России жизни и служения святого Патриарха Тихона.

Примечания

¹ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 1016.

² Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. IV. С. 111.

³ См.: Сталин И.В. Печать как коллективный организатор // Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 281–285.

⁴ Помощь голодающим и «князя церкви» // Известия ВЦИК. 1922. 31 марта. № 73 (1512). Пт. С. 2.

⁵ См.: Следственное дело... С. 114–115.

⁶ Как они борются против помощи голодающим // Известия ВЦИК. 1922. 4 апреля. № 76 (1515). Вт. С. 2.

⁷ Церковные ценности голодающим. Отклики по поводу предстоящего суда над Тихоном // Там же. 1922. 16 мая. № 107 (1546). Вт. С. 4.

⁸ Там же.

⁹ См.: Защитник угнетенных // Там же. 1922. 14 июня. № 130 (1569). Ср. С. 1.

¹⁰ С.М. Вандервельд и его паства // Там же.

¹¹ *Кривицкий М.В.* И. Белавин (патриарх Тихон). (Политический некролог) // Известия ВЦИК. 1922. 2 июня. № 121 (1560). Пт. С. 2.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Брихничев И. Патриарх Тихон и его церковь. М., 1923. С. 3.

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ *Ярославский Е.* Тихоновская контрреволюция перед судом // *Ярославский Ем.* Против религии и церкви. М., 1932. Т. I. С. 61.

²⁰ Там же. С. 62.

²¹ *Маяковский В.В.* О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней? // *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 5. С. 15–16.

²² *Введенский А.И.* За что лишили сана бывшего патриарха Тихона // *Галутва Г.* Вершины и пропасти Александра Введенского, митрополита и человека. М.; Таруса, 2015. С. 421, 422.

²³ Там же. С. 432, 433.

²⁴ [Титлинов Б.В.] Архиепископ Литовский Тихон // *Современники о Патриархе Тихоне / Составитель и автор комментариев М.Е. Губонин.* М., 2007. Т. II. С. 41.

²⁵ *Титлинов Б.В.,* проф. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 171–172.

²⁶ Там же. С. 173.

²⁷ Там же. С. 188.

²⁸ Там же. С. 190, 192.

²⁹ См.: Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Составитель М.Е. Губонин. М., 1994. С. 280–281, 282–283, 286–292.

³⁰ Смерть бывш[его] патриарха Тихона // Известия ЦИК СССР. 1925. 9 апреля. № 81 (2414). Чт. Ч. 2.

³¹ *Межов А.И.* По поводу тихоновского завещания // Там же. 1925. 15 апреля. № 86 (2419). Ср. С. 1.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ *Сахаров К.И.* Патриарх Тихон. М., 1925. С. 3.

³⁵ Словарь-указатель имен // *Ярославский Ем.* Указ. соч. С. 411. Вероятно, статью для словаря составлял Б.П. Кандидов — известный антирелигиозник того времени, пасквили которого нам еще придется упоминать.

³⁶ *Сахаров К.И.* Указ. соч. С. 5.

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ Там же. С. 49.

³⁹ Там же. С. 50.

⁴⁰ Там же. С. 61–62.

⁴¹ *Кандидов Б.* Церковь и Октябрьская революция. М., 1929. С. 7, 8; Он же. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция. (Очерки и материалы). М., 1930. С. 21.

⁴² *Бонч-Бруевич В.Д.* Роль духовенства в первые дни Октября // *Бонч-Бруевич В.Д.* Избранные сочинения. М., 1959. Т. I. О религии, религиозном сектантстве и церкви. С. 257–258.

⁴³ Там же. С. 259.

⁴⁴ Там же. С. 262, 263.

⁴⁵ *Платонов Н.Ф.* Православная церковь в 1917–1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1961. Т. V. О преодолении религии в СССР. С. 212.

⁴⁶ Там же. С. 227.

⁴⁷ Там же. С. 244.

⁴⁸ Там же. С. 246.

⁴⁹ См. напр.: *Разумовский Ф., прот.* Отрекаюсь от религии // *Безбожник.* 1935. № 8. С. 7. См. также фото прокламации «Солдатский ответ Тихону» в статье: *Кандидов Б.* Церковные воззвания против октябрьской революции // Там же. 1935. № 10. С. 6.

⁵⁰ Словарь-указатель имен. С. 411.

⁵¹ История Гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. Упрочение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и Гражданской войны (ноябрь 1917 г. — март 1919 г.). С. 213.

⁵² *Ладоренко В.Е.* К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви (1917–1945) // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. М., 1964. Вып. XII. С. 108.

⁵³ Там же. С. 111.

⁵⁴ Там же. С. 112–115.

⁵⁵ Там же. С. 115, 116.

⁵⁶ Там же. С. 119, 120.

⁵⁷ *Плаксин Р.Ю.* Тихоновщина и ее крах. Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны. Л., 1987. С. 35–38.

⁵⁸ Там же. С. 49.

⁵⁹ Там же. С. 86.

⁶⁰ Там же. С. 198–199.

⁶¹ Там же. С. 200–201.

⁶² Там же. С. 203–204.

⁶³ Там же. С. 207.

⁶⁴ *Чертков А.* Крах. М., 1968. С. 5.

⁶⁵ Там же. С. 19–20.

⁶⁶ Там же. С. 29.

⁶⁷ Там же. С. 39.

⁶⁸ Там же. С. 113.

⁶⁹ Там же. С. 139.

⁷⁰ Там же. С. 172.

⁷¹ *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970. С. 45.

⁷² *Лисавцев Э.И.* Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1975. С. 51–52.

⁷³ Там же. С. 87.

⁷⁴ Там же. С. 139–140.

⁷⁵ *Куроедов В.А.* Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981. С. 57–58, 71–72, 74–75, 78.

⁷⁶ *Варичев Е.С.* Православная церковь. История и социальная сущность. М., 1982. С. 125.

⁷⁷ Там же. С. 127–128.

⁷⁸ Там же. С. 130.

⁷⁹ *Гордиенко Н.С.* Современное русское православие. Л., 1987. С. 31.

⁸⁰ Там же. С. 37.

⁸¹ Там же. С. 39–41.

⁸² Там же. С. 41.

⁸³ Тихон // Большая Советская Энциклопедия. М., 1976. Т. 25. С. 595–596.

⁸⁴ Тихон // Украинская Советская Энциклопедия. Киев, 1984. Т. 11. Кн. 1. С. 171.

⁸⁵ См.: *Урсынович С.* Тихон // Малая Советская Энциклопедия. М., 1932. Т. 8. Стб. 812; Тихон // Малая Советская Энциклопедия. М., 1940. Т. 10. Стб. 745.

⁸⁶ *Дьячков А.Н.* Тихон // Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. Стб. 247.

⁸⁷ См. напр.: Тихон // Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 1344.

⁸⁸ См.: Тихоновщина // Там же.

⁸⁹ Тихон // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 593.

⁹⁰ См.: *Св. Патриарх Тихон.* «В годину гнева Божия...». Послания, слова и речи. М., 2009. С. 54–62.

⁹¹ См.: Там же. С. 109–112.

CONTENTS

**70TH ANNIVERSARY OF THE MOSCOW PATRIARCHATE'S
DEPARTMENT FOR EXTERNAL CHURCH RELATIONS**

Editorial note.....	07
Message of the Russian President Vladimir Putin on the occasion of the 70th anniversary of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate.....	11
Message of Mr. Sergei Lavrov, Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, on the occasion of the 70th anniversary of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate.....	12
Message of His Holiness Patriarch Bartholomew of Constantinople on the occasion of the 70th anniversary of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate.....	13
<i>Patriarch Kirill of Moscow and All Russia</i> Primal homily after the thanksgiving celebrated on the occasion of the 70th anniversary of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate.....	16
<i>Patriarch Kirill of Moscow and All Russia</i> Address delivered at the grand meeting on the occasion of the 70th anniversary of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate..... (conference hall of the 'Danilovsky' hotel complex, Moscow, 19th of May 2016)	21
<i>Metropolitan Hilarion of Volokolamsk</i> Report presented at the grand meeting on the occasion of the 70th anniversary of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate..... (conference hall of the 'Danilovsky' hotel complex, Moscow, 19th of May 2016)	36

THEOLOGY

<i>Mr. Vladimir Nemychenkov</i> , St. Andrew the First-Called Foundation (Moscow, Russia), Master of Theology, applicant for the academic degree of Candidate of Theology at St. Tikhon's Orthodox University (Moscow, Russia), chief expert at St. Andrew the First-Called Foundation (Moscow, Russia). Doctrine of Suffering God in Contemporary Christian Theology..... <i>Synopsis:</i> Sufferings undergone by humanity in the 20th century impelled Christian theologians to develop an idea that the good God should	55
--	----

suffer together with His suffering creation. As a result, a good few of contemporary Western Christian theologians rejected the dogma of impassibility of the Divine nature, considering it incompatible with the doctrine of the suffering God. These theological difficulties arose because the Western theological tradition sees the Person (hypostasis) as mainly an individualized part of nature. For the same reason, some Russian religious philosophers also arrived at the conclusion that the Divine nature suffers.

Keywords: “theology after Auschwitz,” passibilist theologians, impassibilist theologians, hypostasis, essence, nature, passion, A. Peacocke, S. Bergmann, J. Moltmann, M. Sarot, Th. Weinandy, H. Urs von Balthasar, N.A. Berdyaev, Fr. Sergius Bulgakov.

Hegumen Arseniy (Sokolov), Doctor of Theology, rector of the Russian Orthodox Church’s metochion in Beirut, Lebanon, representative of the Patriarch of Moscow and All Russia at the Patriarch of the Great Antioch and All the East.

Parables of Mercy in the 15th Chapter of the Gospel

According to St Luke.....83

Synopsis: Report delivered at the 23rd International Symposium on Orthodox Spirituality, Bose, 9-12 September 2015.

Keywords: parable, Book of Parables, Gospel, St Luke the Evangelist, God, Church, mercy, prophet, theology, Jesus Christ, metanoia, joy, piety.

CHURCH HISTORY

Rev. Dimitry Ageyev, a cleric of the Church of the ‘Joy of All Who Sorrow’ Icon of the Mother of God in Bolshaya Ordynka Street, Moscow.

Foreword to the Publication of Archbishop Sergiy (Tikhomirov)’s Memoirs on the Consecration of the

Cathedral of the Holy Resurrection in Tokyo.....95

Archbishop Sergiy (Tikhomirov) of Japan

Consecration of the Cathedral of the Holy Resurrection

in Tokyo.....104

Archbishop Sergiy’s memoirs were translated into the Japanese and published in Tokyo in 2002.

Roman (Ruslan) Savchuk, a student of St Nicholas Orthodox Theological Seminary in Ugresha (Dzerzhinsky town, Moscow region).

Educational Work of St. Nicholas of Japan.....169

Synopsis: The article focuses on the pedagogical experience of St Nicholas of Japan. The first part provides an overview on the archpastor’s educational activities which began right upon his arrival in Japan, and describes the system of educational institutions established by St Nicholas at the Russian Ecclesiastical Mission in Japan. The main pedagogical ideas are examined in the second part.

Keywords: pedagogics, educational institutions, mission, Christian ideals, tradition, will, imagery, development, knowledge, education, seminary, catechetical school.

Archpriest Alexey Yastrebov, Doctor of Theology, PhD, rector of the Parish of the Myrrh-Bearing Women in Venice, Italy (Administration of the Moscow Patriarchate's Parishes in Italy).

Peter the Great and the Roman Church.....190

Synopsis: The article presents an overview of the relationships between Moscow / Saint Petersburg and the Holy See under Peter the Great. The pre-revolutionary and soviet historians came to the conclusion that the tsar had had no intention to impose unia or achieve unification of the Churches by any other means. His goal was to make the most of his diplomatic contacts with Rome. He took advantage of the Pope's strong desire to strengthen the position of the Catholic Church and, preferably, to convert Peter and his entourage to catholicism. However, Peter, a cunning politician, always slipped off the hands of the Jesuits, Catholic missionaries and theologians, acting for his political benefit and for the sake of Russia.

Keywords: Peter I, Catholic Church, Pope Clement XI, Roman Curia, tolerance, Jesuits

Mr. Sergei Firsov, Dr. Sc. History, professor of the Chair of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy and Political Science, St. Petersburg State University

Holy Patriarch Tikhon As Presented by the Soviet Press

(To the Historiography of the Issue).....208

Synopsis: the paper is dedicated to Patriarch Tikhon, one of the greatest Russian saints of the 20th century, who lived in a time of hardships for the Russian Orthodox Church.

Keywords: Patriarch Tikhon (Belavin), Patriarch, Church, saint, Russian Orthodox Church, Soviet regime, Soviet Russia, religion, reform, Council, USSR.

Формат 60x90/16. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д.4, стр. 1 А
Тел.: + 7 495 926 63 96, e-mail: Info@bukivedi.com

www.bukivedi.com